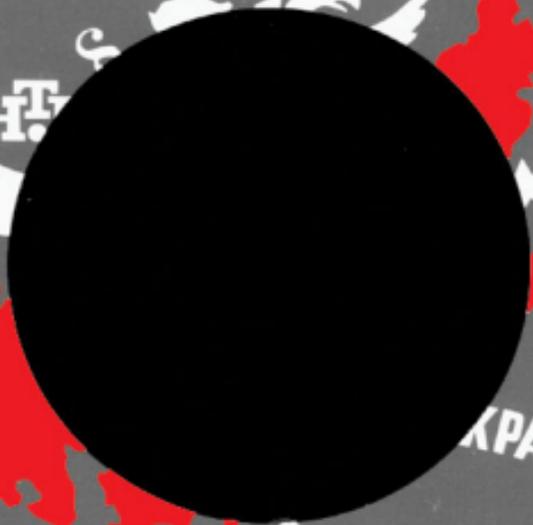

5

2013

РОСССНЯ XXI

5.2013 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Концентрация наглости: криминальный капитализм и реформа РАН _____ **6**

Ярлыки и мифы

Сергей Эрлих

Шоколадный заяц. Пушкинско-декабристский миф интеллигенции на рубеже тысячелетий _ **28**

Владимир Дегоев

Шейх-Мансур с расстояния веков.
Размышления историка (окончание) _____ **58**

Россия в мире

Михаил Ковалев

«На этих съездах мы растем и в своих,
и в чужих глазах».
Из истории научных коммуникаций русской
эмиграции (1929–1930) (окончание) _____ **84**

Грани катастрофы

Любовь Жванко

Судьба женщины-беженки.
По документам Первой мировой
войны _____ **110**

Страницы истории

Михаил Вебер

Эсер на службе у Колчака.
Управляющий Ирбитским уездом
в 1918–1919 гг. М.А.Атмакин _ **134**

Актуальный архив

Виктор Мальков

Рузвельт – Литвинов.
Две встречи в Белом доме
с интервалом в восемь лет _____ **164**

Евгений Захаров

В.Е.Грум-Гржимайло о подготовке
специалистов в технических вузах
в 1920-е годы _____ **184**

Contents in English look at the page 200

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

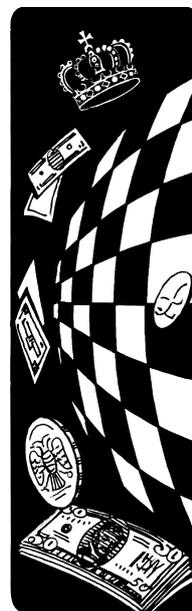
Пренебрегать возможностью использовать научные данные в общественной жизни – это значит принижать значение науки.

Наука помогает нам в борьбе с фанатизмом в любых его проявлениях; она помогает нам создать собственный идеал справедливости, ничего не заимствуя из ошибочных систем и варварских традиций.

Анатоль Франс

Требовать, чтобы люди отказывались от своих собственных суждений и подчинялись суждениям других, и назначать лиц, совершенно невежественных в науке или искусстве, судьями над людьми учеными, наделяя их властью обращаться с последними по своему усмотрению, это такие новшества, которые способны довести до гибели республику и разрушить государство.

Галилео Галилей

Сергей Кургинян

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ:

**КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ
И РЕФОРМА РАН**

УДК
32.019.51

The article deals with the so much featured reform of the Russian Academy of sciences (the RAS). Whatever may happen in the future, any person sensitive and partial to destiny of the Russian science has to side with the Russian Academy of sciences. This institution represents and embodies the history of all Russian science while those who wish to privatize the RAS property are agents of the criminal capital. It is necessary to withstand all attempts to convert the RAS reform into an enormous raider takeover. Though the RAS in its present condition is a far cry from what it used to be, it as well as its staff is, no doubt, more close to Russia's interests than those who plan takeover of property. However, the future of the RAS depends on the RAS itself and on the society at large.

Ключевые слова: реформа РАН; рейдерский захват собственности Академии; криминальный капитал; судьба Академии в ее собственных руках.

Key words: reform of the Russian Academy of Sciences (the RAS); raider seizure of RAS property; criminal capital; future of the RAS depends of the RAS itself.

E-mail: ecc@ecc.ru

1. ... В любой ситуации я полностью на стороне Академии наук¹. Я считаю, что все, что было сделано правительством, это сумма криминала, вопиющей некомпетентности, вызывающего хамства.

Если перейти просто от факта: от того, как это сделано и что там сделано, – к уголовному смыслу происходящего, то это кража в особо крупных размерах. Как и все, что происходит в стране. Фраза Прудона «Собственность есть кража» верна на сто процентов.

Тут идея одна: как украсть побольше!

Что такое на самом деле Академия наук? В ее имперском и советском вариантах? Особенно – в советском. Это государственная система, управляемая общественным образом. Системе даются грандиозные фонды, средства и говорится: «Вы распределяете эти средства, фонды сами. Под нашим контролем, но в общем-то – сами. Это гигантское имущество, которое мы вам выдаем, вы используете в целях науки.

Потому что нам нужна великая наука!

При советской власти все эти здания, сооружения, земли и т.д. даже сумасшедший не мог себе позволить использовать не по назначению! Во-первых, потому что это просто невозможно. Все находится на балансе Академии. Это не ее собственность, это общенародная собственность!

Во-вторых, не было тех людей, которые желали это все получить в частные руки. Кому передавать? Здания, землю, все прочее? При советской власти Академия существовала так, как надо!

Как-то случайно я включил телевизор и попал на передачу канала ТВЦ. И там какой-то молодой человек рассуждал в программе «Верните нам науку!» о том, какая должна быть наука. Я ничего не знаю о нем. Может, у него есть какие-нибудь заслуги, а может, их нет. Может быть, он слишком напрягся перед камерой и потому выглядел как полный идиот. А может быть, он таковым и является. Но, когда я его вижу и слышу, как он рассуждает, я понимаю, в чем разница между ним и, например, Фортовым или Алферовым. Будет ли им 90 лет, будут ли они уже погружены в размышления только о своей жизни – одного ногтя этих Фортова, Алферова хватит на 1 000 таких молодых людей!

Потому что сии молодые люди – это концентрация наглости, некомпетентности и алчности.

Поэтому, конечно, даже та наша Академия, в которую она превращена 23 годами постсоветской действительности, все равно лучше того, что предлагается теперь.

¹ Из выступления С.Кургиняна в передаче «Смысл игры». 2013. 3 августа. Вып. 43(2).

И какой бы греховной и вялой ни была верхушка Академии, она все равно заинтересована в науке.

И чем они старше, тем больше заинтересованы!

Потому что все остальные уже не заинтересованы ни в чем, кроме личного процветания. А кто был заинтересован и не стал академическим ученым, тот давно уже либо за границей, либо пьет по-черному, или маргинализировался, сидит где-нибудь, зажавшись, в углу.

Стоит задуматься, во что превратился процесс после того, как была уничтожена советская власть и великая держава. В руках у государственно-общественной организации оказалась гигантская собственность, которой она должна распоряжаться сама. Собственность как бы государственная, и средства как бы государственные, а распоряжается академическое начальство само – в новых, капиталистических условиях. Когда любой кусок, допустим, Тимирязевского парка, где ученые проводили свои эксперименты, готовы обложить стодолларовыми купюрами, буквально каждый метр этой земли, чтобы эти академики продали или сдали землю в аренду. И охочих много. Когда на любой особняк – «ам-ам-ам!», на любое помещение – «сдай, сдай, сдай!». И когда все деньги оказываются у них. У кого «у них»? У непрозрачной группы людей, которая, как выясняется, сидит на десятках миллиардов долларов! Если не под сотню. И что они там с ними делают – никто понять не может!

Возникло гигантское несоответствие между сложившейся реальностью и Академией. Как с армией. Либо она окажется средством обогащения старых вороватых генералов, которые тем не менее к армии относятся в целом неплохо. Не ненавидят ее, не хотят уничтожить, а хотят просто ее доить! Как дойную корову. И как-то даже кормить – чтобы молоко шло! И тогда мы получаем армию в досердюковском варианте.

Либо мы получаем мясника, который хочет забить корову на мясо. И уже никто никогда с этой коровы молока иметь не будет, никакого! И рога ее не используют.

Что лучше? Конечно, лучше старые генералы. А что хочет «сердюковская гвардия»? Она хочет украсть все, быстро и до конца разрушительно. А генералы хотят красть долго, размеренно и в ситуации полумаразма.

То же самое происходит и здесь. С одной стороны, генералы от Академии доят, доят, доят...

А с другой стороны: «Сколько миллиардов?! Забрать! Убрать! Раздербанить! Быстро! Туда, сюда! Лихо! Кончай!»

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

Вот две силы. От одного того только, что эти две силы находятся на ринге, уже становится тошно и выть хочется. Конечно, надо поддержать академическую силу! Никаких вопросов нет, 100 процентов!

Но только не надо выдавать ее за то, чем она не является уже лет 30! Там произошли глубокие метаморфозы. Но не вытравишь ты из этих людей какие-то остатки интереса к науке, как и знания формул, умения что-то там доказывать, память о том, что когда-то что-то доказывали!

Правда, от того, что у них остались такие реликты, тоже легче не становится.

Но то, что приходит на смену, не может ничего! Это первое.

Второе. Никто не может защитить академиков, кроме них самих. И не должен.

Если с этими фондами, возможностями, связями Академия наук не в состоянии отстоять себя от Ливанова и кого-то еще, то она просто сошла с ума!

И, наконец, последнее. Разберемся в некоторых высказываниях.

27.06.2013. Лента.ru. Премьер-министр Дмитрий Медведев объявил о скорой реформе Российской академии наук. Соответствующий проект готовится на сайте правительства, будет рассмотрен на заседании 27 июня.

Стенограмма выступления Медведева на сайте правительства.

Медведев: «Система управления этими структурами сложилась еще в 30–40-е годы прошлого века. Сложилась под влиянием субъективных многих факторов и, конечно, уже не в полной мере соответствует задачам развития страны. Система давно нуждается в обновлении, и данная тема обсуждается. Важно дать ученым заниматься, прежде всего, наукой и исследованиями и избавить их от несвойственных им функций управления имуществом и коммунальным хозяйством».

Представлял законопроект о реформе РАН, как я понимаю, Ливанов. О чем говорил Ливанов? Основные элементы его законопроекта состоят в следующем. **Первое.** В Российской Федерации создается основанное на членстве общественно-государственное объединение – Российская академия наук. РАН становится сообществом различных ученых, ведущих научно-исследовательскую, популяризаторскую деятельность, выполняющим функции важнейшей коммуникативной площадки для научного сообщества, но не осуществляющим управление имущественным комплексом и не имеющим подведомственных научных организаций, то есть не осуществляющим управление наукой.

Вы понимаете, что здесь науки вообще нет?

Ни в высказываниях Медведева, ни в высказываниях Ливанова нет науки!

Если нет управления имущественным комплексом и нет подведомственных организаций, управлять наукой невозможно. Значит, у РАН отбираются функции управления наукой. И кому они передаются? Ливанову? Кому???

Кто будет управлять наукой?

«Академики и члены-корреспонденты трех академий: Российской академии наук, Российской академии медицинских наук, Российской академии сельскохозяйственных наук – будут по их заявлению включены в состав создаваемой новой Академии как действительные члены (То есть коррумпируются членкоры! – С.К.). РАН образует единое авторитетное научное сообщество, представляющее все области научных исследований. Государство, со своей стороны, будет осуществлять финансовую поддержку деятельности академического научного сообщества, обеспечивать реальную независимость и максимально использовать экспертные функции АН. Роль АН при обеспечении важнейших решений не только в сфере АН, но и при реализации самых наиважнейших социальных проектов будет существенно повышена».

Эксперты... Но у Академии же роль не экспертная! А роль **управления Наукой**.

Второе. Действующие на сегодняшний день Академия наук, Академия медицинских наук, Академия сельскохозяйственных наук, которые существуют в форме федеральных государственных бюджетных учреждений, прекратят свое существование с момента создания новой государственной организации – Российской академии наук.

Российская академия архитектуры и строительных наук, Российская академия образования, Российская академия художеств – все три наши государственные академии сохранят статус федеральных государственно-бюджетных организаций, учреждаемых правительством, и будут переданы в ведение уполномоченных федеральных органов исполнительной власти. Это касается и подведомственных организаций.

Третье. Для управления имуществом... Четвертое, пятое...

Совет по науке при федеральном Минобрнауке призывает провести широкое обсуждение проекта реформы РАН с научным сообществом до внесения в Госдуму, считает неправильным, что закон, коренным образом меняющий систему организации науки в РФ, готовился и рассматривался без обсуждения с наукой и общественностью. Отмечается, что сам Совет, созданный Министерством для консультации с

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

научным сообществом, не только не привлекался для обсуждения проекта Закона, но даже не проинформирован.

Молодцы! Вот кто молодец, так этот Совет!

В десятый раз повторяю, я буду на стороне Академии на сто процентов!

Профсоюз работников Академии наук направил телеграмму президенту Путину с требованием обсудить реформу, которая, как отмечается в заявлении, возмутила коллективы научных учреждений. «Требуем введения обсуждений законопроекта реорганизации науки, представленного 27-го июня Госдуме!».

Президиум Российской академии высказался против предложенной реформы РАН. На заседании Президиума (02.07.2013) принято Постановление: «В случае реорганизации будет создана аморфная, непонятно как управляемая организация».

Фракция КПРФ заявила, что намерена инициировать процедуру вотума недоверия правительству. Вот если бы в действительности была намерена и свои намерения выполнила, ее бы всячески поддержали!

После заседания Госдумы, на котором определилась повестка ближайших заседаний, спикер Алексей Нарышкин сообщил, что Госдума учтет мнения Президиума РАН при рассмотрении вопроса. Первые заседания по этому вопросу пройдут 03 июля, заключительные – осенью. «В ходе реформы РАН должна будет передать непрофильные активы местным властям, – заявила Голодец. – Сегодня РАН является обладателем 276 тысяч гектаров земли».

Вот что интересует!

276 тысяч гектаров земли! Я утверждаю, что все эти люди – чудовища из фильмов ужасов. У которых огромные челюсти, абсолютно точное зрение, безупречная мускулатура. Они разделяют существующее на то, что можно пожрать, и все остальное.

Все, что можно пожрать, – в красном цвете, остальное – в синем. Синий цвет их не интересует. Они пожирают. Все! Мозга нет – есть чудовище, которое хочет пожрать!

Любой, сколь угодно падший академик, в любом статусе, в миллион раз лучше чудовища!

Все позиции по реформе РАН сформулированы. «Дело за политическим решением», – заявил Ливанов.

Внеочередные общие собрания прошли в подразделениях РАН по всей стране. Тема – готовящийся к принятию 5 июля законопроект о ликвидации действующих РАН и т.д. ...

Лидер ЛДПР Жириновский считает, что падение ракетносителя «Протон-М» связано с застоем в науке. Настаивает на необходимости реформ в данной сфере. Вот что такое «нос по ветру»...

«Около тысячи человек пришли на митинг против реформы Академии наук, которую пытается протолкнуть Министерство образования, – передает «Росбалт», – такое количество народу не собирают митинги оппозиции. Однако протестующих практически никто не видит. Дело в том, что выступление проходит во внутреннем дворе Петербургского научного центра РАН. На митинге не так много флагов политических партий». Несмотря на то, что накануне Президиум научного центра РАН принял решение отказаться от экстремистских лозунгов в своем обращении к президенту и не переходить на личности, сегодня участники митинга требуют: «Правительство – в отставку!»

На митинг сотрудников АН против реформ в Москве пришло около 2 тысяч человек. Их акция происходила во дворе здания РАН на Ленинском проспекте. Митинг закончился без происшествий.

Депутат от КПРФ Владимир Родин, выступая на митинге в Москве, призвал организовать всероссийские акции протеста научного сообщества 27-го июня. Кроме того, на 4-е июля запланированы одиночные пикеты ученых и т.д. ...

Комитет Госдумы по науке и наукоемким технологиям рекомендовал парламентариям отклонить при первом чтении законопроект о реформе системы государственных институтов АН и т.д., – говорится на сайте комитета. Комитет Госдумы по науке и наукоемким технологиям – еще один позитивный герой процесса.

Комитет Госдумы по охране здоровья, который является исполнителем по законопроекту о реформе РАН, не определился, поддерживать ли данный документ. Голоса депутатов Комитета разделились поровну. В соответствии с регламентом решение Комитета считается непринятым.

03.07. Владимир Путин провел встречу с Президентом РАН Фортковым, на которой обсуждался вопрос о реформе Академии. Путин предложил Форткову совместить должности Президента РАН и руководителя Агентства по управлению имуществом Академии, а также создать новую структуру при Президентском Совете по образованию и науке, назначающую директоров институтов и занимающуюся распределением финансов.

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

В ответ академик Фортов призвал Путина не торопиться с проведением реформы РАН, отложить обсуждение законопроекта до осени и создать комиссию для выработки механизмов этой реформы.

Путин не согласился с таким предложением, сославшись на то, что законопроект уже отправлен в Госдуму.

Стенограмма фиксирует.

Путин: «Есть какие-то вещи, которые являются спорными, и можно было бы подумать о том, что и как нужно сделать дополнительно, чтобы избежать ошибок и не допускать их ни в коем случае. В связи с этим хотел бы обратить внимание на одно из ключевых положений данного законопроекта. Я хотел бы с Вами его обсудить сегодня. Это создание Агентства, которое должно управлять имуществом. Оно взяло бы на себя и одну из ключевых функций: назначение директоров академических институтов и, по сути дела, в значительной степени оценку их деятельности. Поскольку, если они назначаются, Агентство оценивает их деятельность. Видел ссылки на петровские времена, но мы знаем, что в петровские времена как раз всех и назначали. Сейчас этого, видимо, делать не следует.

У меня есть встречное предложение. Заключается в том, чтобы при Президентском Совете по образованию и науке создать внутри этого Совета из числа наших наиболее значимых, известных и успешных ученых, признанных в стране и во всем мире в качестве мировых авторитетов, отдельную структуру, которая взяла бы на себя функцию назначения директоров академических институтов, оценку вместе с АН, институтами АН и с экспертами АН результатов научной деятельности. Мы об этом говорили на одном из последних Советов. Эта структура в значительной степени влияла бы на распределение государственных средств, выделяемых в научную сферу».

Фортов: «Появление этого документа, я не скрою от Вас, было неожиданностью буквально для всех. И сегодня я с удивлением обнаружил, что и автора этого документа нет. Потому что Ливанов говорит, что он даже не стоял за спиной тех, кто его писал.

(Это еще одна черта ситуации. Автора так и не нашли. Нет автора! То ли этот автор сидит в зоне и оттуда писал, то ли что-то еще – непонятно! То ли он за границей! – С.К.)

Во всяком случае, тот документ, который сейчас возникает, Агентство и т.д., по-моему, должен быть очень внимательно обсужден со всех сторон. Его можно обсудить в открытом порядке, можно – не в очень открытом. Но там есть вещи, которые, поверьте, Владимир Владимирович,

угробят нашу науку! Поэтому предложение следующее: дайте мне год. Если я не справлюсь, Вы меня снимете, а если я справлюсь, я Вам покажу, что можно сделать. Мы задавим бюрократию, омолодим Академию, сделаем динамичней».

Фракция КПРФ покинула Пленарное заседание Госдумы, на котором было принято решение рассмотреть законопроект о реформе РАН во втором чтении в пятницу, и не вернется до осени. «Мы не можем участвовать в этом беспардонном нарушении законов», – сказал лидер коммунистов Геннадий Зюганов на фракции в среду. После этого фракция покинула зал.

Вот такое решение я полностью поддерживаю!

Зюганов не Зюганов – все абсолютно правильно!

Зюганов сообщил журналистам, что фракция не вернется до осени и не будет участвовать в следующем Пленарном заседании в пятницу, где, как ожидается, законопроект о РАН будет принят.

Путин провел ряд встреч с известными учеными: ректором МГУ академиком РАН Садовничим, главой РАМН академиком Дедовым, членом Президиума РАН Примаковым, на которых обсуждал законопроект по реформированию РАН. Ученые представили ряд поправок к обсуждаемому Проекту.

04.07. Совет по науке (Минобрнауки) настаивает на особом порядке рассмотрения Закона о реформе РАН, – сообщил корреспондентам глава этого Совета академик Алексей Хохлов.

Вот его бы на первую линию и выдвинуть!

Возглавляемый им Совет предлагает внести в законопроект три поправки. Законопроект не должен предусматривать ликвидацию РАН, Институты РАН должны оставаться в ее составе под научным руководством РАН. Наконец, объединение трех академий проводить нецелесообразно. Вопрос о членстве в РАН РАМН и РАСХН и уровне членства (академик, член-корреспондент) является внутренним делом организации и не должен регулироваться федеральным Законом.

8-го июля состоялось совместное заседание Комитета по науке и Общественного совета при Министерстве образования и науки для обсуждения ситуации с реформой государственных академий.

Я не знаю, как далеко пойдет Алексей Хохлов. Меня здесь волнует другое. Когда человек находится при Министерстве, его задача – вроде бы смягчить все. И вот когда представители научных кругов, которые находятся там, вдруг в ярости говорят: «Министерство – ты мразь!» – я

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

перевожу на свой язык то, что они говорят, – то это всегда заслуживает уважения.

Фракция КПРФ в Госдуме собрала 90 подписей, необходимых для постановки вопроса о вотуме недоверия правительству. Об этом, как передает «Росбалт», сообщил лидер КПРФ Геннадий Зюганов.

«Поправки в законопроект о реформе Госакадемии предполагают, что научные институты, входящие в РАН, сохранятся в ее структуре под управлением Академии, – сообщил глава РАН Владимир Фортов. – Российская Академия наук с ее старой заслуженной историей не ликвидируется. Управление остается то же самое. Исключается норма о разделении Клуба ученых и исследовательских институтов», – сказал Фортов в четверг в Госдуме после встречи ученых и депутатов с Председателем Госдумы Сергеем Нарышкиным. «Руководство институтами остается за АН», – пояснил Фортов.

«Законопроект о реформе РАН разминирован и создает намного лучшие условия для деятельности академиков, чем нынешнее законодательство, – считает Председатель Комитета по образованию Никонов, – первоначально полагалось, что в результате реформы три госакадемии будут ликвидированы, на основании их будет создана общественная государственная организация – Российская Академия наук. Теперь, согласно поправкам предлагается, что РАН, РАМН и РАСХН со временем должны войти в состав объединенной РАН в качестве юридических лиц».

5.07. Профильный Комитет Госдумы по науке и наукоемким технологиям рекомендовал депутатам принять во втором чтении законопроект о реформе Государственных академий. Об этом 4-го июля сообщается со ссылкой на председателя Комитета по науке Валерия Чернышева.

Значит, они сдались.

05.07. Московская полиция обнаружила в подвале здания РАН на Ленинском проспекте следы проживания 200 мигрантов. Об этом сообщает Интерфакс со ссылкой на пресс-секретаря Управления общественного порядка.

Значит, их демонизируют.

05.07. Комитет Госдумы по аграрным вопросам предлагает передать Академию с/х наук в ведение Минсельхоза, исключить ее из законопроекта о реформе РАН. Об этом журналистам из «Росбалта» сообщил глава Комитета по аграрным вопросам Николай Панков. По его словам, предложение о сохранении Академии или передаче ее в ведение Минсельхоза обсуждалось на совещании.

Глава Минобрнауки Дмитрий Ливанов обвинил Президента РАН Владимира Фортова в лицемерии. Об этом он заявил и в интервью газете «Известия».

В любом случае, кто такой Ливанов и кто такой Фортов?

Фортов – это фигура, личность, это наука! Это биография. Кто такой Ливанов?

Он чиновник. Чиновник должен быть застегнут на все пуговицы. И распоясанную лексику употреблять публично он не имеет права. А он обсуждение острого вопроса превращает в скандал!

Я цитирую Ливанова: «Сейчас Фортов повторяет слова, которые я говорил в свое время, о том, что РАН нуждается в реформе, но она не своевременна. Я считаю, что его нынешнее поведение – просто лицемерие. И никаких реформ, если бы Фортов остался Президентом старой РАН, не было бы. Это хорошая мина при плохой игре», – заявил министр.

Министр уточнил, что нынешний закон не регулирует научную деятельность и что российскую науку ожидают еще **большие** изменения.

Кто он такой? По его словам, готовится целая цепочка различных решений, которые определяют финансирование институтов, лабораторий, отдельных ученых. Ливанов пообещал пересмотреть кадровую систему в науке, систему окладов.

Вместе с кем? Вместе с кем он это делает?

Есть какой-нибудь дядя – он кто, этот дядя? Он ученый, он специалист по науке? Он чиновник?

Нарушены все нормы обсуждения! «Вот это уже будет настоящей реформой», – добавил министр.

Госдума приняла во втором чтении законопроект о реформе РАН – при необходимых 226 голосах за законопроект проголосовали 344. И один депутат воздержался. Против не проголосовал никто!

КПРФ ушла.

05.07. КПРФ повременит с постановкой вопроса о вотуме недоверия правительству в связи с Законом о реформе РАН. Но намерена заручиться в ее поддержку подписями граждан.

Значит, КПРФ отпрыгнула? Вот это и есть КПРФ.

Глава РАН Владимир Фортов принял предложение президента Путина возглавить Агентство по управлению имуществом Академии. Спикер Госдумы осудил главу Минобрнауки Дмитрия Ливанова, обвинившего в лицемерии главу РАН Владимира Фортова, – передает корреспондент «Росбалта». «Это, как минимум, некорректно. Я такие попытки

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

осуждаю. Нужно работать вместе согласованно», – заявил спикер Госдумы, слово которого было встречено аплодисментами депутатов. Я добавляю. Мои аплодисменты здесь же.

09.07. Глава РАН Владимир Фортов высказался против автоматического перевода членов-корреспондентов в должность академиков. По его словам, «нельзя делать всех членов-корреспондентов академиками по воле бюрократов, так как человек должен стремиться к следующей ступени. Сегодня нет универсальной модели организации науки, которая подошла бы для всех стран», – заметил Фортов. – «Каждая страна выбирает свой путь, который ей кажется оптимальным», – цитирует главу РАН ИТАР ТАСС. Ранее, в понедельник, Владимир Путин утвердил Фортова в этой должности.

10.07. Участники дискуссионной площадки «Открытая трибуна», на которой председательствовал спикер Госдумы России Сергей Нарышкин, поинтересовались, кто является автором первоначального законопроекта о реформе РАН. Но ответа не получили.

Президент РАН Владимир Фортов заявил, что ему бы хотелось, чтобы все собравшиеся узнали, кто является автором изначального законопроекта. По его словам, закон о реформировании уже обсуждался не менее двух лет назад. Составлен план реформы, идеи которого не были затронуты в законопроекте, который свалился как снег на голову.

Вопрос об авторах законопроекта в своих выступлениях поставили лидер фракции Справедливая Россия в Госдуме Сергей Миронов и первый вице-спикер Госдумы от КПРФ Иван Мельников. Глава рабочей группы по совершенствованию законопроектов Вячеслав Никонов также не ответил на вопрос Интерфакса, кто является автором первоначального законопроекта о реформе РАН.

Такая анонимность и секретность законотворчества немыслима!

Как бы ни обезумели западные страны, в какой маразм они бы сами ни впадали, то, что происходит сейчас у нас, уже невозможно! Это за гранью уже не приличий даже, а всего!

12.07. «Столичная недвижимость РАН может превратиться в апартаменты для элиты. Гендиректор агентства недвижимости МЕТРИУМ ГРУПП Мария Литинецкая ожидает выхода на столичный рынок нескольких премиальных объектов сразу же после реформы РАН. Рыночная стоимость активов в Москве, которые в 2010–2011 гг. правительство России передавало РАН, превышает 47 млрд рублей в Москве». (РБК daily. 2013. 12 июля).

В этом списке есть как исторические особняки в самом центре города, так и относительно крупные площадки в престижном юго-западном направлении. В некоторых из них могут расположиться элитные апартаменты. Вот и все.

Я все-таки прочитаю письмо Фортова Путину:

«Президенту Российской Федерации

В.В. Путину.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Как Вы знаете, изначально Российская академия наук создавалась Императором Петром I как научная организация, ведущая собственную научно-исследовательскую деятельность. Для этого она всегда имела штат научных сотрудников, наделялась государством необходимым оборудованием и финансами. В соответствии с мировой практикой ей предоставлялась автономия как в определении направлений исследований, так и в использовании ресурсов.

Этот подход сохранялся все время существования Российской академии наук, что позволило стране в середине прошлого века занять ведущие позиции в мире. Благодаря работе Академии при активной поддержке государства, научный авторитет страны в мире был чрезвычайно высок и не подвергался сомнению.

Вряд ли можно переоценить вклад ученых в решение задач обороноспособности страны. Это в полной мере проявилось как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенные годы, когда ученые дали стране мощное и эффективное оружие, которое и до настоящего времени является гарантией нашей национальной безопасности.

Вместе с этим предпринимались и попытки административного реформирования Академии. Но каждый раз эти действия наносили значительный ущерб государству и самой науке. Достаточно сказать, что именно чиновничий произвол стал причиной катастрофического отставания страны в таких областях, как биология, электроника, информационные технологии и т.д. (Я напоминаю, что по-настоящему хотел расправиться с Академией Хрущев, когда она ему надоела в своем упрямстве. – С.К.).

Суть законопроекта "О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" заключается в административном отделении научных институтов от ведущих ученых страны, превратив тем самым Российскую академию наук в "клуб" ученых, выполняющих весьма неопределенные функции. Вызывают возражения

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

предложения о формировании корпуса новых академиков, о механическом объединении с другими академиями и ряд других моментов. Вызывает удивление тот факт, что, детально описав судьбу академиков и членов-корреспондентов, судьба главной ценности Академии – ее научных сотрудников – осталась вне рамок данного законопроекта.

Из текста законопроекта следует, что основной задачей законопроекта является ликвидация РАН, что прямо указано в ст. 19, п.4: *"В течение трех месяцев с момента вступления в силу настоящего Федерального закона правительство Российской Федерации: 1) назначает ликвидационные комиссии Российской академии наук, Российской академии сельскохозяйственных наук, Российской академии медицинских наук, являющихся государственными академиями наук, созданными в форме федеральных государственных учреждений, устанавливает порядок и сроки ликвидации указанных государственных академий наук..."*.

Представляется, что авторами законопроекта сделана попытка скопировать систему организации науки в США. При этом, однако, не учитывается, что исследования и разработки в США проводятся в национальных исследовательских лабораториях, крупных корпорациях и базируются на мощном научно-образовательном потенциале университетов. Ничего сопоставимого в России, несмотря на более чем двадцать лет реформ, так и не удалось создать. При объективном и непредвзятом анализе реализации Сколковского проекта, исследовательских университетов и ряда других новаций становится очевидно, что РАН в настоящее время является единственной научной организацией страны, имеющей весомый международный авторитет. Об этом, в частности, говорит тот факт, что, обладая примерно 17% научного потенциала, РАН дает более 50% всех научных публикаций страны. Ликвидация РАН как исследовательской организации сотрет Россию с научной карты мира.

Вместе с тем, надо признать, в Академии действительно есть проблемы, требующие решения. Соответствующие меры по их решению были предложены во время недавно состоявшегося Общего собрания РАН и в настоящее время уже начали реализовываться в соответствии с принятым планом. Так, например, существенно повышен статус отделений РАН, принято решение о ротации кадров, о разработке масштабных научных проектов и т.д.

О результатах проводимой работы планировалось доложить осенью текущего года на заседании Совета по науке и образованию при президенте Российской Федерации. Поэтому та поспешность, с которой прави-

тельство Российской Федерации предлагает проводить ликвидацию РАН, вызывает резкие возражения.

Российская академия наук просит Вас поручить правительству Российской Федерации отозвать данный законопроект, тем более что при его подготовке были проигнорированы процедуры общественного обсуждения.

Для разрешения создавшейся ситуации полагали бы целесообразным создать межведомственную рабочую группу, в которую включить представителей правительства Российской Федерации, профильных комитетов Федерального Собрания Российской Федерации и Российской академии наук, которой поручить подготовку предложений по модернизации академического сектора российской науки.

Прошу решения.

И.о. президента Российской академии наук академик
В.Е.Фортов»

Каковы выводы из того, что рассмотрено?

Первое. Был осуществлен уголовно-подрывной наезд. На некое очень несовершенно на сегодняшний день существо под названием «Академия наук», которое за 20 с лишним лет набрало этих несовершенноств выше крыши, которое абсолютно не может существовать в сопряжении с существующими формами новой криминальной действительности.

Это существо и само криминализуется, и оказывается беспомощным перед криминализацией. И не в состоянии ответить на новые вызовы и т.д. Тем не менее это существо, несовершенно, поврежденное и т.д., является благом. И его надо защищать. А те, кто на него наехал, это отпетые негодяи.

Второе. Кто именно совершил этот наезд, до конца непонятно. Потому что нет автора этого Закона, а есть просто вопиющая наглость Ливанова.

Третье. Делается все под флагом ультразападничества с тем, чтобы сделать, «как у них».

Четвертое. Сделать, как у них, не могут, поэтому просто воруют. Это гигантский рейдерский захват, попытка гигантского рейдерского захвата.

Чтобы вообще не называть автора законопроекта – такое в мировой практике не имеет прецедента! Тайна сия велика!

Академия наук обладает колоссальным количеством механизмов противодействия. Механизмы отчасти, но очень вяло были включены в

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

дело. И рейдерский наезд в существенной части парализован. Он будет повторен. Потому что наличие такого куска собственности, который можно сожрать (когда никого не интересует ничто, кроме данного куска собственности), будет порождать новые и новые захваты.

Монстр под названием «криминальный капитализм» хочет кушать. Наука остаточна еще интересует академиков, но она не интересует монстра. Вообще! О чем он неоднократно говорит? Там – ни слова о науке! Там – о собственности.

И, наконец, единственный, кто может возглавить борьбу за Академию наук, – это Академия наук!

Если она просыпается и начинает возглавлять борьбу, к ее услугам все, что угодно. Она выбирает. У нее невероятно разветвленная цепь связей. Я даже перечислять не буду, да и не мог бы. Она может принимать решения, как это делается по законам элиты, под ковром. Отчасти она их уже сделала, может и дальше продолжать!

Если не сможет – ее все равно съедят!

Академия может выбрать элитный подковерный стиль, но может выбрать и открытый стиль. Как только она выбирает открытый стиль, долг каждого – ее поддержать. Каждого!

Конечно, произошедшее – данная попытка наезда – говорит еще о и том, что монструозность крепнет, а процесс приобретает все более и более вопиющий характер. И что у происходящего есть герои – такие, как Ливанов.

2. Протесты ученых и их «подковерные» диалоги с властью, шедшие все лето, привели к решению Госдумы вернуть законопроект во второе чтение и внести в него определенные поправки. Однако поправки в основном стилистически-косметические: РАН как бы не упраздняется полностью. Но решающие права собственности РАН и управление ее институтами, включая руководство, финансирование, выбор направленных исследований, у Академии отбираются.

То есть РАН, единственная сохранявшаяся в России организация, имевшая возможности независимого проведения исследований и высказывания на этой основе независимых научно обоснованных оценок по широкому кругу проблем состояния и развития страны и мировой ситуации, фактически ЛИКВИДИРУЕТСЯ.

Закон о реформировании РАН сразу во втором и в третьем чтении принят 18 сентября Госдумой, а 25 сентября Советом Федерации. 27 сентября президент Путин подписал Указ о реформировании РАН.

3. После этого профсоюзы РАН обратились к движению «Суть времени» с предложением совместно продолжить борьбу за академическую науку.

13 октября 2013 года в Москве на площади Революции состоялся организованный общественным движением «Суть времени» совместный митинг академических профсоюзов, движения «Суть времени» и «Родительского всероссийского сопротивления». В митинге приняло участие около трех тысяч человек.

Среди выступавших были:

Ведущий: Кургинян С.Е., политолог, лидер движения «Суть времени»;

Соведущий: Юркин В.А., председатель московской организации профсоюза работников РАН;

Сенявская Е.С., доктор исторических наук, профессор;

Полищук Р.Ф., доктор физико-математических наук;

Малинецкий Г.Г., доктор физико-математических наук, профессор;

Аристов В.В., член-корреспондент РАН;

Бялый Ю.В., кандидат технических наук, член политсовета движения «Суть времени»;

Миронов А.С., председатель российского координационного комитета «Наука»;

Старинец А.О., научный сотрудник Центра теоретической физики, доцент Оксфордского университета;

Шелест В.П., доктор физико-математических наук, профессор;

Рослякова Т.Л., заместитель председателя профсоюза работников РАН;

Мамиконян М.Р., председатель общероссийской общественной организации «Родительское Всероссийское Сопротивление»;

Зефилов А.Н., кандидат химических наук, член движения «Суть времени»;

Калинушкин В.П., председатель профсоюза работников РАН;

Петров Ф.Н., кандидат философских наук, директор Музея археологии и краеведения города Дубна Московской области, член движения «Суть времени»

и другие участники митинга.

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

Резолюция Второго Народного собрания в поддержку РАН

г. Москва, площадь Революции, 3 октября 2013 года

Мы, участники собрания, обсудив ситуацию с российской наукой, заявляем следующее:

1. Мы отдаем должное всем тем, кто в течение многих лет защищал российскую науку, используя оборонительный подход. Тем, кто сносил лишения, терпел унижения – и работал, отстаивая РАН и науку в целом как один из краеугольных камней в здании российского государства.

2. События последнего времени показали, что, применяя только этот подход, нельзя противостоять наступательной агрессивной среде, стремящейся окончательно обрушить то, что нам дорого.

3. К числу событий последнего времени, которые свидетельствуют об этом, относится все то, что связано с принятием крайне прискорбного и опасного, как нам представляется, Закона о Российской Академии наук. К сожалению, именно борьба оборонительного подхода (к сторонникам которого мы относимся с большим уважением) и подхода ликвидационно-вестернизаторского (который нам глубоко чужд) породила в виде некоего компромисса небрежный, плохо обсужденный, с трудом залапанный Закон о РАН.

4. Мы, собравшиеся на площади Революции, считаем, что наступательный подход в вопросе о РАН и нашей науке в целом требует не просто отмены этого закона, а решений совсем иного масштаба. В рамках этих решений, носящих стратегический, а не ситуационный характер, необходимо создать принципиально новое законодательство о российской науке вообще и о РАН в частности. На нынешнем этапе развития человечества и в нынешней российской ситуации наука в целом и РАН как один из ее краеугольных элементов должны быть признаны стратегической отраслью. Этот статус стратегической отрасли должен быть подкреплён законом о стратегических отраслях, обеспечивающих выживание и развитие России.

5. Статус стратегической отрасли ставит науку в один ряд с обороной и безопасностью. Что неизбежно требует, чтобы наука – равно как оборона и безопасность – находилась в личном подчинении не министров и правительства в целом, а главы государства.

6. Само по себе такое решение вопроса о подчиненности не является панацеей. Главное – это форсированное, продуманное государственное задание. Иначе – госзаказ. Это с неизбежностью порождает другое финансирование науки и другой тип взаимодействия между наукой и государством.

7. Для того, чтобы такой госзаказ мог быть сформирован, необходим подчиненный непосредственно президенту России Государственный комитет по науке и технике.

8. Российская Академия наук – это драгоценное, хрупкое сооружение, реформаторское воздействие на которое обрушит фундаментальную науку одномоментно. Собрать ее потом мы будем десятилетиями. Поэтому необходима стратегическая пауза, в ходе которой государство и научная общественность, а также граждане в целом сформируют новые основания для диалога о судьбе науки. Выработают новые законодательные подходы. И сформируют новую стратегию действительного выхода России из нынешнего сырьевого, да еще и криминально-буржуазного, прозябания. Это потребует чрезвычайных усилий и от граждан, и от научного сообщества. Но альтернативы этому нет. Точнее, этой альтернативой может быть только окончательное обрушение науки.

9. На пути выработки стратегического подхода есть серьезнейшее препятствие – глубокий крах отраслевой науки. Признаем очевидное: российское деловое сообщество, оно же криминально-буржуазная среда, обуреваемо неумной алчностью, прочими регрессивно-потребительскими страстями. И потому чурается любой науки, даже самой прикладной. Чудом уцелевшая Российская Академия наук – эта сокровищница фундаментальной науки – оказалась оторвана от производства. Из цепи между фундаментальной наукой и производством выбито отраслевое научное звено. Причем особо разрушена та его часть, которая примыкает к фундаментальной науке. Эта ситуация требует и более глубокого анализа – количественного в том числе. И новых стратегических организационных решений, от которых, помимо прочего, зависит и судьба РАН. Будем ли мы восстанавливать этот сегмент отраслевой науки с опорой на обновленную РАН, вливая в нее соответствующие ресурсы и выдавая ей соответствующие задания? Будем ли мы восстанавливать этот сегмент с опорой на его оставшуюся часть? Или же мы сформируем государственную суперкорпорацию, в недрах которой произойдет такое восстановление? В зависимости от ответа на эти вопросы целевые задания государства, адресованные РАН, будут разными. А значит, и структура РАН будет разной.

10. Мы призываем ответственные силы в госуправлении, граждан, которым безразлична судьба отечественной науки, и само научное сообщество сформировать тройственную комиссию, осуществить серьезную проработку вопросов, поставленных на этом Народном собрании, организовать необходимые конференции и выступить с полноценной,

КОНЦЕНТРАЦИЯ НАГЛОСТИ

развернутой стратегией, определяющей судьбу нашей науки как стратегической отрасли.

11. Такая программа должна быть представлена обществу через несколько месяцев. К этому моменту она должна быть и проработана, и обсуждена. Причем обсуждение должно носить подлинно дискуссионный характер.

12. Под оборонительным этапом отстаивания РАН следует подвести черту. Начиная новый этап, мы осознаем всю меру ответственности за судьбу нашей науки как стратегической отрасли. И заявляем о том, что этот статус нашей науки мы будем отстаивать всеми конституционными способами, включая референдум.

Принято на Втором Народном собрании.

Председатель Профсоюза работников РАН В.П.Калинушкин

Председатель московской региональной организации

Профсоюза работников РАН В.А.Юркин

Руководитель международного общественного движения

«Суть времени» С.Е.Кургинян

Председатель Общероссийской общественной организации защиты семьи «Родительское Всероссийское Сопротивление» М.Р.Мамиконян

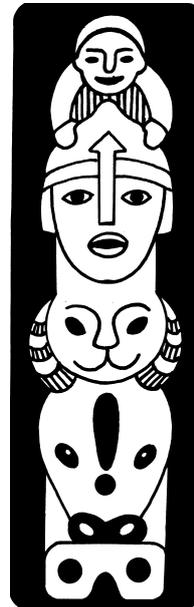
ЯРЛЫКИ И МИФЫ

И сны, и мифы – важные средства связи, идущие от нас к нам же. Если мы не понимаем языка, на котором они созданы, мимо нас проходит многое из того, что мы знаем и рассказываем самим себе в те часы, когда не заняты действиями с внешним миром.

Эрих Фромм

Чувство величия преходяще. Оно непостоянно и непоследовательно. Отчасти оно зависит от мифотворческого воображения человечества. Человек, испытывающий величие, должен чувствовать миф, в который вплетена его жизнь. Он должен отражать то, что этот миф проецирует на него. И он должен быть прежде всего ироничным – ибо именно ирония удержит его от веры в собственное величие, она – единственное, что даст ему подвижность внутри себя. Без этого качества даже и случайное величие уничтожит человека.

Фрэнк Герберт

УДК
82.091

Сергей Эрлих

ШОКОЛАДНЫЙ ЗАЯЦ

ПУШКИНСКО-ДЕКАБРИСТСКИЙ
МИФ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

The Pushkin-Decembrist myth of the Soviet times, according to which the national poet did not find his way into the conspirator ranks solely due conspirators' careful attitude to Pushkin's literary genius, is being subject to a comprehensive revision nowadays. The higher power and Orthodox monarchists who enjoy the power's support are creating an image of a consistent and coherent admirer of the empire and the loyal son of the Church. Such person could have only short-term and superficial relations with Freemasonic Decembrists. The intelligentsia is also creating a new design of the myth, and this design provides no place to revolutionary moods. Liberal Pushkin does not share his more resolute friends' opinions about a coup d'etat and even more so their ideas about a regicidal dagger. Though Pushkin's opinions diverged from opinions of his friends he had friendly feelings to them and called upon harsh but just Czar Nicholas to demonstrate mercy to them. In this interpretation interrelation of the Soviet myth characters is being changed. Pushkin is no longer a younger friend and a like-minded man of revolutionary Decembrists. Vice versa, now Decembrists are considered as an element of Pushkin's environment. Indifference to self-giving Decembrists (as they were presented by A.I.Herzen and since his times had been seen as the archetype of the Russian intelligentsia) is an evidence of rapid estrangement of the current 'creative class' from the tradition of a selfless life for the sake of the people's enlightenment. Properly speaking, intelligentsia as a social group which unites people who are ready to sacrifice their time, money, freedom and even their lives for the sake of social interests and common good does not exist any longer. Heroic loners are unable to influence a demoralized majority of 'very special people' (as A.I.Herzen defined them) of creative professions who are absorbed, along with 'the trash' they despise so much, in the values of comfort.

Ключевые слова: Пушкин; декабристы; «толстые журналы»; миф интеллигенции.

Key words: Pushkin, Decembrists, «grande revues», the intelligentsia's myth.

E-mail: ehrlich@mail.ru

ШОКОЛАДНЫЙ ЗАЯЦ

Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но, доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился было в Петербург, но на пути заяц три раза перебежал ему дорогу, а при самом выезде из Михайловского Пушкину попалось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием, Пушкин отложил свою поездку в Петербург, а между тем подоспело известие о начавшихся в столице арестах, что окончательно отбило в нем желание ехать туда.

*М.И.Осипова*¹

Миф – прошлое, устремляющее современных людей в будущее

Очевидная задача публицистики – убедить общество реагировать на текущие события в интересах тех или иных общественных сил – представляется надводной частью пропагандистского айсберга.

Пропаганда СМИ используется также в «фундаментальных» целях формирования мировоззрения аудитории, настройке его таким образом, чтобы требуемые реакции возникали «спонтанно», без подсказок.

Устойчивые образы мира нельзя породить из пены текущей политики. Мировоззрение всегда укоренено в мифе исторической памяти, представляющем пантеон национальных героев. Ориентация на священные образцы поведения этих героев в повседневных воззрениях, словах и действиях составляет, по мнению Мирчи Элиаде, ядро мифологии². Таким образом, миф – это прошлое, устремляющее современных людей в будущее. По этой причине пропаганда, не опирающаяся на модифицированный ценностями «заказчика» миф исторической памяти, лишена эффективности. Поэтому в СМИ постоянно происходит столкновение актуальных интерпретаций ключевых фигур пантеона национальной истории и культуры.

Одной из важнейших составляющих исторической памяти русского народа является миф о Пушкине – основоположнике не только современной национальной литературы, но и демиурге всей литературоцентричной русской культуры. В советское время пушкинский миф был

¹ Осипова М.И. Рассказы о Пушкине, записанные М.И.Семевским // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. Т.1. С.431. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs1/vs1-429-.htm>

² Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб.: Алетей, 1999. Т.2. С.324.

накрепко спаян с мифом декабристов³. Формула «Пушкин – друг декабристов» была успешно внедрена в общественное сознание.

В этом уравнении «основоположнику» отводилась подчиненная роль. В карикатурно-упрощенном виде Пушкин советской мифологии – поэтический Гаврош, который бесстрашно подносил рифмованные патроны матерым детям 1812 года. В редкие минуты затишья бойкий мальш вскакивал тонкими эротическими ножками на стул и развлекал взрослых декламацией озорных ноэлей. Бывалые бойцы ценили его дар и не взяли с собой в первый нерешительный бой с самодержавием. Он очень страдал в их отсутствие и отправлял им зашифрованные послания в Сибирь. За что по заданию царя-палача был подло застрелен агентом иностранной разведки.

В настоящее время советская интерпретация пушкинского мифа подвергается атаке в средствах массовой информации православно-монархической направленности. Их Пушкин, истово верующий, без остатка преданный своему монарху, не может быть другом мятежных вольнодумцев⁴. Православно-монархическому подходу «Пушкин без декабристов» противостоит миф либеральной интеллигенции, который модифицирует революционную советскую мифологию о вечной дружбе «нашего всего» со всеми «нашими».

Для «насыщенного описания» современного состояния интеллигентского мифа важно выбрать представительную источниковую базу. Таковой можно считать совокупность публикаций в, условно говоря, «либеральных», отстаивающих примат личности в отношениях с аппаратом насилия, «толстых журналах», собранных в грандиозном интернет-проекте «Журнальный зал» (ЖЗ)⁵. ЖЗ насчитывает свыше 50 000 электронных публикаций из более чем 2 500 выпусков 36 журналов. В их числе бывшие советские «бренды», постсоветские проекты, издания русской диаспоры, журналы «нонфикшн». Издания, включенные в ЖЗ, при всех идейных различиях ориентируются на персоналистические ценности либерализма. На их страницах интеллигенция пишет для ин-

³ Загидулина М.В. Пушкин и декабристы как мифологическая пара // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор-История, 2010. Вып. VIII. С.556–577. URL: <http://zagidullina.ru>

⁴ Эрлих С.Е. «Пушкин никогда не был связан с декабристами». Современная монархическая публицистика о мифологической паре «Пушкин-декабристы» // Вестник РГГУ: Научный журнал. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». М., 2012. №13 (93). С.206–216.

⁵ URL: <http://magazines.russ.ru>

теллигенции. Здесь запечатлена актуальная интерпретация вечных ценностей мыслящего сословия. Характеристики, даваемые отношениям Пушкина с декабристами, позволяют с различных сторон оценить современное состояние базового мифа русской интеллигенции.

**«Самое главное <...> –
это восстание
14 декабря 1825 года»**

Мифологема «Пушкин – друг декабристов» в советское время наполнялась смыслами из двух противоположных источников. В официозе ленинских «трех поколений» декаб-

ристы вместе с Пушкиным выступали святыми предками красных вождей⁶. Под этим прикрытием интеллигенция, особенно со времени хрущевской «оттепели», внедряла мятежные герценовские смыслы ненависти к несправедливой Софье Власьевне. Такая «растяжимость» мифа – от мучеников до святых предков мучителей – создавала пространство и для вполне научных построений. Поэтому многие исследователи не видят необходимости пересматривать устоявшиеся представления в постсоветских условиях относительной свободы научного поиска.

Очевидным признаком влияния традиционной мифологемы является настойчивое встраивание в декабристский контекст всего творчества поэта, в том числе и «постдекабристского» периода. Для того, чтобы обнаруживать декабристские аллюзии в самых неожиданных местах пушкинского наследия, необходимо проникнуться мифом до бессознательных глубин души.

Пушкинист И.З.Сурат вступает в полемику с А.С.Кушнером, который бросил вызов гениям Золотого и Серебряного веков русской культуры. Он считает, что «Пророк» (1826) – это всего лишь «замечатель-

⁶ Член Союза писателей Москвы Б.Б.Холопов приводит любопытный пример того, как сестра вождя спасла «врага народа», благодаря дружеским связям его предков с «другом декабристов» и родству с декабристом Свистуновым. Один из потомков пушкинских соседей Вульфов, Борис Алексеевич Вульф, рассказал автору, что в 1931 году его по доносу исключили из вуза, как якобы сына белого офицера. В то простодушное время исключением дело могло не ограничиться. Репрессированный «лишениец» обратился за помощью к заведующей бюро жалоб Центральной контрольной комиссии и Рабоче-Крестьянской инспекции Марии Ильиничне Ульяновой: «Она минут сорок, а то даже и час говорила со мной, – вспоминал Вульф. – Я ей рассказывал о декабристах, о связях нашего семейства с Пушкиным». Благодаря таким святым предкам сын нетрудового народа не только не был привлечен в качестве «ответчика» за отца, но и был восстановлен в вузе (Холопов Б. Старицкие прелюды // Дружба народов. 1999. №6. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/1999/6/holop.html>).

ная библейская стилизация», в которой собственный голос не слышен⁷.

Исследовательница защищает традиционную точку зрения посредством «декабристского аргумента». По ее мнению, апокрифическая строфа «Восстань, восстань, пророк России...» действительно венчала первоначальную версию, начинавшуюся строкой «Великой скорбью томим»: **«"Великая скорбь", предшествовавшая перерождению героя в пророка, конкретно биографически расшифровывается: это скорбь о казненных декабристах».** Связь «апокрифического четверостишия» и опубликованного в 1828 году стихотворения, как **«частей единого замысла»,** обоснована тем, что явление пред царские очи с «вервием на вые» восходит **«к тому же библейскому источнику, что и всем известный текст "Пророка"».** Этим открытием, считает автор, **«удостоверяются мемуарные свидетельства друзей Пушкина».**

Пушкинист с доверием приводит легенду о том, что стихи находились у Пушкина в виде фиги в кармане на встрече с императором 8 сентября 1826 года и что друг декабристов был готов в случае, если бы самодержец не сумел его обольстить уважительным обхождением, предъявить «убийце гнусному» свой стих, «облитый горечью и злостью».

При этом И.З.Сурат считает, что известный нам вид (без «крамольной» заключительной строфы и с заменой начальной «великой скорби» на «духовную жажду») стихотворение приобрело не по одним цензурным соображениям. Эволюция русского гения привела его к пониманию своего неполитического призвания: **«Пушкин оформил в нем свой выбор и свой путь, отличный от декабристского, – путь творчества, освященного Небесами и имеющего не только гражданское, но общечеловеческое значение»⁸.**

Предложенное толкование духовного опыта, пережитого поэтом под влиянием ужасной вести о казни друзей, братьев, товарищей, настолько личного, что его пришлось «остранить» в традиционное переложение библейского текста, гармонично вписывается в рамки пушкинско-декабристской мифологии.

⁷ Кушнер А. Среди детей ничтожных мира // Новый мир. 1994. №10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/10/kushner.html

⁸ Сурат И. «Твое пророческое слово...» // Новый мир. 1995. №1. URL: http://magazines.russ.ru:8080/novyi_mi/1995/1/frompost01-pr.html

Вместе с тем «декабристский аргумент» И.З.Сурат далеко не бесспорен. Мнения исследователей по поводу аутентичности дерзких строк расходятся еще с дореволюционных времен⁹. Да и автор одной из недавних рецензий в ЖЗ согласен с тем, что **«указанное четверостишие в основном составе сочинений Пушкина выглядит чужеродно»**. Существует предположение, что строки все-таки принадлежат поэту, но являются фрагментом другого не дошедшего до нас произведения¹⁰. Даже если текст действительно пушкинский, то это еще не означает, что декабрист без декабря предписал себе явиться с обличениями к коронованному палачу. Расшифровка к «у.<бийце>(?) г.<нусному>(?)», принимаемая И.З.Сурат, всерьез оспаривается в наши дни¹¹.

Сотрудник Пушкинского дома В.П.Старк доказывает, что время действия «Евгения Онегина» (1823–1831) действительно «расчислено по календарю». Устанавливая авторскую хронологию, известный пушкинист считает, что **«самое главное» историческое событие, среди «должных так или иначе» отразиться в романе, – «это восстание 14 декабря 1825 года. Десятая глава – оконченная или нет, сожженная, зашифрованная для потомков – явное и главное тому свидетельство»**. Такая убежденность противоречит утверждению автора о невозможности придания **«черновикам того же статуса, что и печатному тексту»**. В силу декларированной им необходимости избежать **«смешения при доказательствах»** сведений из вариантов текста, неравноправных с точки зрения окончательной авторской воли, «Десятая глава» никак не может привлекаться в качестве «главного тому свидетельства».

Но В.П.Старк не видит противоречия своего «декабристского» аргумента со своим же методологическим постулатом. Он полагает, что известия о событиях 14 декабря **«в корне повлияли на последующий**

⁹ Лернер Н.О. «Восстань, восстань, пророк России...»: Стихотворение Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1910. Вып.13. С.18–29. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psd/psd2018-.htm>

¹⁰ Кошелев В. Королевство кривых зеркал (Рец. на кн.: Есинов В.М. Пушкин в зеркале мифов. М., 2006) // Новое литературное обозрение. 2007. №85. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/ko35.html>

¹¹ Есинов В.М. «К убийце гнусному явись...» // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А.М.Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, 1998. Вып.V. С.112–134. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp5/mp5-112-.htm>. Ср.: Листов В. Заветный вензель «У» да «Г». [Рец. на кн.:] Есинов В. Пушкин в зеркале мифов. М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с. (“Studia philologica”) // Новый мир. 2006. №12. URL: http://magazines.russ.ru:8080/novyi_mi/2006/12/li15-pr.html

хронологический расклад в романе». Первоначально планировалось отправить Онегина в трехгодичное путешествие в 1822 году. Но в этом случае он **«должен был бы вернуться в Петербург прямо ко времени восстания».** Стремясь избавить героя от добычи сибирских руд, Пушкин **«переносит действие Пятой главы на 1825 год, отправляя Онегина странствовать с таким расчетом, чтобы он мог вернуться уже после казни декабристов»**¹².

На чем основана уверенность исследователя в том, что если бы Онегин был 14 декабря в Петербурге, то он неминуемо явился бы на Сенатскую площадь? Даже черновая «Десятая глава» не дает для этого никаких поводов. Онегин в ее сохранившихся отрывках ни прямо, ни косвенно не упоминается. Мы можем только догадываться, каким образом поэт предполагал изобразить в отвергнутом варианте развития сюжета отношение своего одержимого русской хандрой героя к энтузиастам первой русской революции. Из того, что он был добрым приятелем Пушкина, никак не следует, что он был другом декабристов и, тем более, участником тайных обществ. Единственный аргумент в пользу «декабриста Онегина» – это неколебимая вера в декабристский миф.

А.Г.Найман убежден, что в таких произведениях, как «Друзьям» (1828), «Полтава» (1828–1829), «Герой» (1830), «Пир Петра Великого» (1835), на первом плане для Пушкина стояло **«назидание»** правящему императору, как бы от лица «пращура», **«обучение "милости к падшим", конкретно к осужденным декабристам».** А «Медного всадника» (1833) Пушкин, оказывается, сочинил, **«разумеется, не для одного Николая, но для него первого».** Он **«ловит царя на его же царской милости»** и посылает ему, якобы для высочайшей цензуры, петербургскую повесть, чтобы тот узнал в его стихах стихию мятежа, закамуфлированную под «мятеж стихий» (В.Я.Брюсов). С какой целью поэт заставляет императора вновь испытать **«унизительный страх»** 14 декабря? Оказывается, таким парадоксальным образом Пушкин **«хотел пробить головой стену, когда, укоряя в бессердечности, челобитничал за декабристов перед не внемлющим ему судьей»**¹³. Мы видим, что поэту-«шестидесятнику» все еще органична поэтика декабристского мифа, согласно которой Пушкин самоубийственно отважными призы-

¹² Старк В. «Снег выпал только в январе...» Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин» // Звезда. 2011. №6. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/zvezda/2011/6/st15.html>

¹³ Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. №8. URL: <http://magazines.russ.ru/october/1996/8/life111-p-pr.html>

вами о необходимости милости к падшим «искупал» перед друзьями-декабристами вмененную себе вину за невыход по уважительной причине на Сенатскую площадь.

Уже упоминавшаяся И.З.Сурат находит декабристский подтекст в переводе из Горация «Кто из богов мне возвратил...» (1835), включенном Пушкиным в незаконченную «Повесть из римской жизни» (начата в 1828). В оде, обращенной к другу молодости Помпею Вару, Гораций вспоминает, что когда-то они вместе сражались на стороне республиканца Брута. Но в решающей битве Гораций бежал с поля боя и перешел на сторону будущего императора Октавиана Августа. Помпей остался верен республиканцам и сумел вернуться на родину только годы спустя по амнистии императора. Гораций радуется возвращению старого товарища и приглашает его вспомнить молодые годы, закатив веселую пирушку.

«Аллегорическая» фабула стихотворения, «разъясненная» обращением к другу молодости (в черновом варианте оно начиналось хрестоматийными словами: «Мой первый друг»), позволяет согласиться с тем, что Пушкин, вольно переводя Горация, вспоминал И.И.Пущина, пребывавшего в то время на каторге в ожидании императорской амнистии по случаю десятилетней годовщины 14 декабря. Произведенное русским поэтом самоотождествление с «бессмертным трусом» римской поэзии влечет, согласно ассоциации исследователя, воскрешение истории с мифическим зайцем, «помешавшим» мифологическому «другу декабристов» попасть на Сенатскую площадь. В связи с этим возникает вопрос: а был ли пушкинский заяц?

И.З.Сурат считает, что Пушкин не решился поехать к Пущину в Петербург с ответным «нелегальным» визитом не из-за трусости, а потому, что осознал свое сугубо аполитичное поэтическое предназначение, в котором не оставалось места тираноборческому подвигу бывших товарищей, ведомых «призраком свободы».

Выбор главного героя «Повести из римской жизни» – Петрония, легендарного автора «Сатирикона», приближенного к Нерону и оклеветанного перед ним дворцовыми интриганами, вскрывшего себе вены, чтобы избежать унижения пытками и казнью, – по мнению исследователя, не случаен. Он свидетельствует, что позднейшие размышления современников о том, позволила бы причастность Пушкина к каторжной участи декабристов избежать двусмысленного пребывания при дворе любвеобильного императора, разрешившегося самоубийственной дуэлью, были присущи и самому Александру Сергеевичу.

Прочтение, предложенное И.З.Сурат, придает незаконченной «Повести» поистине экзистенциальную глубину: счастливо миновав Харибду мятежа, поэт, облаченный в мундир камер-юнкера, лишь ценой жизни может предотвратить унижительную угрозу «барской любви» хозяина земли русской.

Такое незаурядное толкование возможно не только в рамках мифологемы «Пушкин – друг декабристов». Вполне допустимо, что Пушкин, перелагая Горация, вспоминал не мифологическую личность «друзей-декабристов», а единственно своего бесценного лицейского друга, жизненные пути с которым трагически разошлись после битвы с русским Октавианом Августом на Сенатской площади.

Но инерция пушкинистики мешает выдвинуть такое предположение. При всех оговорках, сделанных автором, **«проблема отношений Пушкина с декабризмом накануне и после восстания»** решается однозначно: Пушкин до конца дней остается «другом» участников восстания 14 декабря¹⁴.

«Зайчик правильно перебегает дорогу!»

Обращает внимание, что исследователи не проявляют большого интереса к ранним произведениям радикального характера, за которые поэт и был выслан из Петербурга. Более

того, по мнению ряда авторитетных специалистов, его хрестоматийная «вольнлюбивая лирика» не так чтобы очень вольнлюбива.

Сотрудник Пушкинского дома И.С.Чистова читает «подрывную» оду «Вольность» (1817), отказавшись от советской оптики декабристского мифа. Выясняется, что изложенная недавним лицеистом политическая программа, несмотря на нецензурные в условиях самодержавной России выражения о тиранах мира и пороке на троне, довольно скромна и на революционную пропаганду не тянет: **«Пушкин прославляет законность, утверждает ее всеобщую власть; невыполнение законов, по мысли Пушкина, общественное бедствие, ибо именно беззаконие ведет к тирании и преступлению»**. Фактически, Пушкин, подобно тому, как это делали впоследствии советские диссиденты, требовал у режима соблюдать собственные законы. Но поскольку певец воспевал «свободу миру» в несвободной стране, то современники

¹⁴ Сурат И. «Кто из богов мне возвратил...» Пушкин, Пушкин и Гораций // Новый мир. 1994. №9. URL: http://magazines.russ.ru:8080/novyi_mi/1994/9/surat.html

усматривали в ней не пособие по профилактике русского бунта, а призыв к мятежу: **«"Вольность" воспринималась как произведение откровенно революционное»**. Царь счел упоминание «убийц потаенных» своего отца личным оскорблением и позже «по совокупности» отправил поэта в южную ссылку¹⁵.

Пушкинист И.В.Немировский в том же смысле интерпретирует царевбийственный «Кинжал» (1821). Рецензент его книги А.И.Рейтблат пишет, что исследователь оспаривает революционную репутацию, которое это стихотворение имело **«и у современников, и у историков литературы»**. Герои «Кинжала»: Брут, Кордэ, Занд – тираноборцы. Они действуют **«исключительно в общественных интересах и с отказом от спасения потом собственной жизни»**. Получается, что колюще-режущий текст направлен не против законного правительства, а против власти, не соблюдающей закон. В нем воспеваются **«не революция, а восстановление законного порядка»**¹⁶.

Такая характеристика юношеской «гражданской поэзии» и сосредоточенность на пушкинско-декабристских сближениях произведений последнего десятилетия его творчества свидетельствует о том, что облик «революционера Пушкина» утратил привлекательность. Его «либерализация» в соответствии с духом постсоветского времени требует доказательств того, что «по-человечески» Пушкин только и думал, как помочь друзьям, томящимся в Сибири, но идейно он разошелся с ними еще до 14 декабря.

Омский филолог С.Н.Поварцов предлагает компромиссный революционно-либеральный вариант пушкинского мифа. Он пытается примирить стихи молодого Пушкина, исполненные жестокой радости по поводу грядущей гибели самовластного злодея вместе с детьми, с его же «Стансами» (1826) периода «свободного консерватизма». Сочувствие **«индивидуальному террору»** отчасти объясняется «духом времени», отчасти – избытком тестостерона в молодом организме. С возрастом возникает равное отвращение к «бунту и революции» и к **«сви-репому деспотизму самодержавной власти»**. Пушкин понимает, что в огромной патриархальной стране самодержавие – «единственный евро-

¹⁵ Чистова И. Ода «Вольность» // Звезда. 1999. №7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/pushkin.html>

¹⁶ Рейтблат А.И. Пушкинский автобиографизм: намерения поэта и мнения публики (Рец. на кн.: Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003) // Новое литературное обозрение. 2004. №68. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/rei30.html>

пеец», без благотворного влияния которого можно будет обойтись только в отдаленной перспективе. К сожалению, исповедание тайной свободы зрелого Пушкина не было усвоено мейнстримом русской культуры. Радикальная традиция «Кинжала» возобладала. В результате мы пришли к тому, к чему пришли.

Можно согласиться с такой трактовкой, полностью укладывающейся в уже затертый афоризм: у того, кто в молодости не был революционером, нет сердца, у того, кто с возрастом не стал консерватором, нет ума. При этом автор не в силах различить повзрослевшего поэта с друзьями-декабристами мятежной молодости. Его Пушкин **«не изменил идеалам юности, а тем более не предал памяти друзей, но теперь он мыслит новыми историческими категориями»**¹⁷.

Л.Коган решительно сбрасывает обветшалые одежды революционного советского мифа. Он рассматривает **«страдательно-согратательную интонацию»** «Пророка» в контексте казни декабристов, воспринятой **«как собственная трагедия»**. В связи с этим автор ограничивается первой строчкой «великой скорбью томим» из черновика и не привлекает апокриф «восстань, восстань, пророк России». Сдержанное отношение к небесспорному источнику вызвано «оппортунистической» трактовкой привычного интеллигентского мифа.

Революционера Пушкина советской пропаганды предлагается в изменившихся общественных условиях представить последовательным сторонником мирных реформ. Согласно Л.Когану, выходит, что даже во времена «Вольности» и «Кинжала» поэт **«не разделял бунтарски-заговорщических устремлений декабристов, политического радикализма»**¹⁸.

В доказательство изначальной приверженности поэта к реформаторству без мятежа приводится **«признание, сделанное на допросе И.Пушиным»**: **«Общеизвестно, что Пушкин, автор "Руслана и Людмилы", был всегда противником тайных обществ и заговоров. Не говорил ли он о первых, что они крысоловки, а о последних, что они похожи на те скороспелые плоды, которые выращиваются в**

¹⁷ Поварцов С. «Цареубийственный кинжал» (Пушкин и мотивы цареубийства в русской поэзии) // Вопросы литературы. 2001. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/1/povar.html>

¹⁸ Пушкин А.С. Письмо Вяземскому П.А., 10 июля 1826 г. Из Михайловского в Петербург // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т.10. Письма. С.163. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v10/d10-1631.htm>

теплицах и которые губят дерево, поглощая его соки»?¹⁹ Автора не смущает, что в следственном деле И.И.Пущина отсутствуют эти либо похожие слова. Само имя поэта в нем ни разу не упоминается.

«Признание» взято из работы «История жизни и царствования императора Николая I» (1865) французского коммерческого писателя Поля Лакруа, который получил под нее «грант» царского правительства. В предисловии к своему труду биограф императора признается, что не владеет русским языком²⁰. В связи с этим он не мог использовать оригинальные документы следствия. Поэтому, несмотря на то что Н.Я.Эйдельман именуется автора «Истории жизни», работавшего, подобно Дюма-отцу, методом «бригадного подряда», **«весьма осведомленным французским историком»** и с доверием использует данное свидетельство, с большим основанием можно предположить, что здесь передан не документ, но анекдот²¹.

Согласно Лакруа, император на первом допросе из-за созвучия фамилий принял И.И.Пущина за родственника Пушкина и поинтересовался у плененного заговорщика, не писал ли он ссыльному поэту письма в том же духе, что и в Москву С.М.Семенову: **«Случай удобен; ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов»**²².

Письмо Пущина было, с перестановкой фраз и другими неточностями, впервые опубликовано М.А.Корфом в его «Восшествии на престол императора Николая I-го» (СПб., 1857). Лакруа, который, по собственному признанию, использовал французский перевод работы Корфа²³, воспроизвел письмо по тексту «Восшествия» слово в слово. Доказательством того, что Лакруа не мог пользоваться в данном случае каким-либо отличным от Корфа источником, служит присущее им совместное искажение исходного текста. Оригинал письма не сохранился. Оно известно в изложении М.Ф.Орлова, находящемся в его следственном деле,

¹⁹ Цяеловский М.А. *Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина: 1826 // Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина, 1799–1826. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. С.588–638. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/191-abc/191-588-.htm>*

²⁰ Lacroix P. *Histoire de la vie et du règne de Nicolas Ier, empereur de Russie. P.; L.: Hachette, 1864. Vol.I. P.XII. URL: http://archive.org/details/8MSUP316_2*

²¹ Эйдельман Н.Я. *Въеварум. М.: Детская литература, 1975. С.53. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/NYE/VV_CN_03.HTM*

²² Пущин И.И. *Сочинения и письма: В 2 т. М.: Наука, 1999. Т.1. Записки о Пущине. 1816–1849. С.80.*

²³ Lacroix P. *Op. cit. Vol.I. P.XIII.*

где пишется: **«Мы уверены приблизительно в 1 000 солдат»**. А у Корфа и Лакруа указано другое число: **«Мы можем надеяться на 1 500 солдат»**. Кроме того, Орлов после слова «солдат» ставит точку, а русский и французский историографы добавляют: **«... которых уверят, что цесаревич не отказывается от престола»**.

Обрамляющая это письмо история начинается анекдотом из серии «ты спутал, батя», и завершается «моралите» о вздохе облегчения, испытанном отцом нации по поводу того, что **«великий поэт, в отличие от своих друзей Бестужева, Рылеева, Кюхельбекера, нисколько не был замешан в заговоре»**²⁴.

Кроме того, И.И.Пушкин мог быть непосредственно вопрошаем Николаем I только при первом допросе после ареста. Император, действительно, считал своим долгом заглянуть если не в душу, то в глаза смутьянам. Многие декабристы испытали на себе взгляд державного василиска. И.И.Пушкин был арестован 16 декабря 1825 и на следующий день доставлен в Петропавловскую крепость. Показание же М.Ф.Орлова о письме датировано 29 декабря. Т.е. ни 16, ни 17 декабря вопрос по поводу пушкинского послания в Москву у императора не мог возникнуть. Более поздняя дата личного участия Николая Павловича в общении с подследственным практически невозможна. Свидетельств о том, что он приезжал в период следствия на Заячий остров, как и о том, что заключенных вывозили из крепости на царский допрос с пристрастием, у историков нет. Немаловажно также, что следствие, скорее всего, не придавало большой важности этой улике. Такой вывод можно сделать исходя из того, что генерал-адъютант А.И.Чернышев решил выяснить у И.И.Пушкина: **«С каким намерением писали в Москву к Семенову?»** – в вопросах, предъявленных лишь два с половиной месяца спустя, 14 марта 1826²⁵. Эти обстоятельства придают истории с пушкинским удостоверением пушкинской благонадежности практически невероятный характер.

Трудно поверить, что за не подтвержденным иными источниками фактом, сообщенным почти четыре десятилетия спустя, стоит нечто большее, чем стремление одного из проправительственных информаторов наемного французского специалиста отделить гордость нации от

²⁴ *Восстание декабристов. Документы (далее – ВД). М.: РОССПЭН, 2001. Т. XX. С. 164; 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М.: Наука, 1994. С. 109; Lacroix P. Op. cit. P.; L.: Hachette, 1865. Vol. II. P. 68–69.*

²⁵ *ВД. М.; Л., 1926. Т. II. С. 215.*

тех, кто «позорит наш город»²⁶. Делать из этого анекдота вывод об истинных взглядах Пушкина задолго до 14 декабря, по меньшей мере, неосторожно.

Л.Коган использует сомнительный источник, чтобы осовременить декабристско-пушкинский миф в соответствии с либеральными веяниями: **«Несмотря на рано наметившееся расхождение с идеологией декабризма, поэт не спешил рвать нити, связывавшие его»** с мятежными друзьями юности. Пушкин не отрекается **«от своих прежних убеждений»**. Он углубляет, уточняет, корректирует их **«в новой, более взвешенной и разработанной системе взглядов»**. Взгляды быстротечны. Дружба вечна. «Либерализация» взглядов Пушкина и его друзей – «мятежных реформаторов» – не меняет сути интеллигентского мифа²⁷.

Свой вариант либерального антиреволюционного мифа предлагает знаменитый писатель А.Г.Битов. Он строится не на трагическом «Пророке», а на анекдоте «про зайцев». Смысл памятника косому пушкинскому спасителю, установленному стараниями президента русского ПЕН-центра на выезде из Михайловского, состоит в том, что не надо подгонять клячу истории – **«болото»** гнусной российской действительности должно **«просохнуть естественным путем»**: **«И сейчас зайчики важны. Не дай Бог никакого радикализма!»**

Тормозящая историю шутка *прозаика* Битова не нашла понимания ни у носителей интеллигентского мифа, ни у их православно-монархических оппонентов: **«Возмущения это вызвало много, в том числе и в отношении к декабристам. Либерального возмущения, и пушкиноведческого возмущения, и православного – от РПЦ, значит»**. На директора пушкинского заповедника оказывалось **«большое давление»**. Но он выстоял, и памятник стоит.

Чем возмутились либералы-пушкинисты, автор «Пушкинского дома» не разъясняет. Можно предположить, что в первую очередь визуализацией ничтожной причины, по которой поэт не посмел выйти на

²⁶ Документы и рекомендации Лакруа получал от М.А.Корфа. «Идейное руководство» осуществлялось П.Д.Киселевым. Во время посещения России в 1860 году автор встречался с представителями императорской фамилии, В.Ф.Адлербергом, К.В.Нессельроде, А.Ф.Орловым (Хохлова Н.А. Поль Лакруа и его «История жизни и царствования императора Николая I» в письмах к П.Д.Киселеву // Западный сборник. В честь 80-летия Петра Романовича Заборова / Сост. М.Э.Маликова, Д.В.Токарев. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. С.415).

²⁷ Коган Л. «И внял я неба содроганье...» (О философии пушкинского «Пророка») // Вопросы литературы. 2004. №4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/4/kogan.html>

площадь вместе с друзьями: **«Зайчик правильно перебегает дорогу! Не надо торопиться на Сенатскую, на Красную»**. Очевидно, что автор одним пропагандистским выстрелом пытается убить двух зайцев – вооруженных мятежников 1825 года и мирных протестантов, осудивших вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году. Таким образом, битовский рукотворный памятник хоронит все: от декабристов до диссидентов – поколения «нетерпеливых» кумиров интеллигенции.

Клерикалы же, по мнению Битова, усматривают в его доле шутки монументальную пропаганду антихристианской веры в приметы: **«А они где захотят, там беса и увидят»**. Кроме того, напоминание о том, что «наше православно-монархическое все» волею судьбы могло оказаться в рядах революционных бесов, несомненно должно вызывать их возмущение в отношении к декабристам-искусителям.

Далее писатель невольно опровергает свой тезис о зайце-спасителе. То, что, по его мнению, для России здорово, то для поэта означало смерть в расцвете сил. Если бы **«Пушкин стал бы декабристом»**, то смертельной дуэли не было бы: **«Совершенно другая история! Декабристы все вернулись такие здоровые, крепкие»**. Самое удивительное, что Пушкин предвидел такой поворот судьбы: **«Он же написал "Воображаемый разговор" – о том, что наговорил бы царю дерзостей, а тот сослал бы его в Сибирь»**. Однако не срослось. Выходит, что не кто иной, как бес, попутал, когда подослал своего меньшого брата перебежать дорогу суеверному другу декабристов.

Вера в то, что Россия исчерпала свой лимит на революции, сочетается с положительным отношением к просветительской миссии сибирских узников: **«Без них Сибирь была бы другая. <...> До сих пор трогательно посещать деревенские музейчики, в которых какой-нибудь мужик шукшинского характера откопает оловянную ложку и верит, что она декабристская»**²⁸.

Получается, что, отказываясь от пушкинско-декабристского мифа, живой классик на самом деле ему следует.

Подводя итог, мы видим, что либеральный вариант пушкинско-декабристского мифа всего лишь модифицирует «революционный» архетип Герцена. Пушкин расходится с друзьями, братьями, товарищами не в целях славы и добра, но в методах их достижения. При этом он

²⁸ Битов А. «Дайте времени поговорить его языком...» // *Континент*. 2002. №112. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2002/112/bit.html>

остаётся их верным хорошо законспирированным заступником перед самодержцем.

**«Пушкин умирает
как христианин»**

Модификация интеллигентского мифа не ограничивается диалектикой человеческого сострадания друзьям-декабристам и лояльности режиму «единственного европейца». Давле-

ние православно-монархического контрмифа приводит к «христианизации» «моего Пушкина» либеральной интеллигенции.

Так, И.З.Сурат, которая, согласно приведенному выше толкованию 90-х годов, рассматривала «Пророка» едва ли не в мятежном декабристском ключе «Восстань, восстань, пророк России», к концу «нулевых» интерпретирует это же произведение как свидетельство кардинального христианского поворота в душе русского гения: **«В творческом подвиге поэта, в его самоотвержении и самораспятии есть нечто подобное аскетическому подвигу»**. Московский филолог А.М.Ранчин, рецензируя монографии коллеги, настаивает на том, что такое нарочито религиозное понимание Пушкина перемещает анализ его жизни и творчества за пределы филологии и науки вообще: **«Литература оказывается лишь "материалом" для постановки более общих проблем»**. При таком подходе портрет поэта превращается в **«зеркало-автопортрет биографа и его эпохи»**. Зеркало **«культурного символа»** и **«героя национальной мифологии»** надёжно экранирует прошлое и даёт понятие преимущественно о ценностях очередного ваятеля «моего Пушкина».

Рецензент считает, что И.З.Сурат не удалось избежать, говоря её же словами, **«искушения подменить биографию житием»**. Биография, понимаемая как воплощение Промысла, принимает схематический вид: **«неглубокое влияние французского религиозного вольнодумства и "афеизма"»** в молодости; **«откровение религиозного рода»**, пережитое в 1826 и отразившееся в «Пророке»; **«проникнутые религиозным духом»** стихи 1836 года, прежде всего «Памятник». Видимо, для того, чтобы оправдать свои слова: «Нет, весь я не умру», – Пушкин **«умирает как христианин»**.

Разумеется, рафинированное христианство известного пушкиниста имеет мало общего со смазными сапогами православно-самодержавного контрмифа. Тем не менее, собирая «мозаику» пушкинской биографии через оптику Нагорной проповеди, мы и дальше будем наблюдать то,

как, используя выражение И.З.Сурат, **«разрыв между изучением и пониманием углубляется»**. Накопленный пушкинистикой **«колоссальный материал»** не способен углубить наше понимание в ситуации, когда **«выбор диктует не филология, а идеология»**²⁹.

Американский профессор русской литературы Ф.А.Раскольников неожиданно трактует фривольного «Нулина» в едва ли не теологическом ключе. По его мнению, под «странными сближениями» Пушкин, **«по-видимому»**, понимал то обстоятельство, что **«восстание декабристов неожиданно натолкнулось на твердое сопротивление ("случай"!)**, в результате чего по воле Провидения история России пошла по иному пути, чем предполагали декабристы». При этом автор считает **«односторонним и чересчур категоричным»** тезис **«"православной" пушкинистики»** о том, что духовная эволюция Пушкина привела его к **«принятию христианского вероучения и сближению с Церковью»**. Тем не менее предложенный «нулинский» вариант, а также написание слова «церковь» с прописной буквы свидетельствуют, что автор невольно в какой-то мере попал под влияние православно-монархического контрмифа декабристов, согласно которому декабристы действовали против воли Божией, а их политические противники – в согласии с ней.

От Пушкина православного до монархиста Пушкина – один шаг. Его делает член Союза писателей Москвы Б.Б.Холопов. Он считает, что, несмотря на строку чернового варианта итогового «Памятника»: **«Вослед Радищеву восславил я свободу»**, – не следует делать из поэта **«революционного демократа, как это было принято в недавнем прошлом. Пусть он остается таким, каким был. Н.Гоголь утверждал, что классик доказывал ему необходимость монархии в России»**. Призыв к демифологизации («Пусть он остается таким, каким был») отличается антиисторизмом. Друга «революционных аристократов», гордившегося своей многовековой родословной, к болгаринским демократам «торгового направления» (других в его время не было) не относили даже в советское время. Свидетельство Гоголя из «Выбранных мест...» (1847) о насущной потребности необъятной страны в монархе-

²⁹ Ранчин А. Пушкинская парадигма. [Рец. на кн.:] Ирина Сурат. *Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах*. М.: РГГУ, 2009. – 652 с.; Ирина Сурат. *Мандельштам и Пушкин*. М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 384 с. // *Новый мир*. 2010. №12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/12/ra15-pr.html

«капельдинере» в большей мере характеризует тогдашнее мировоззрение субъекта высказывания, чем его объект³⁰.

Б.Б.Холопов настолько погружен в интеллигентскую мифологию, что, даже заявляя о необходимости отринуть миф о пламенном революционере Пушкине в пользу «исторического» образа «певца империи» и ее монарха, он продолжает воспроизводить герценовскую парадигму. После михайловской ссылки поэт, по мнению автора, очутился меж двух огней. С одной стороны, ему достается от прогрессивного общественного мнения за «Стансы»: **«Некоторые свободолюбцы-друзья, в том числе сосланные, склонны были счесть поэта боязливым и изменником, что причиняло ему горчайшую душевную боль и заставляло уверять: "Каков я прежде был, таков и ныне я"»**³¹. По мнению члена Союза писателей Москвы, Пушкин лишь для отвода глаз сообщает неназванным «друзьям», что в отношении к прекрасным дамам он все такой же **«беспечный, влюбчивый»**³². В действительности, в первой строке якобы эротического послания зашифровано уверение в по-прежнему крепкой дружбе с сибирскими узниками. Такая широта русского человека в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет, вызвала возмущение властей: **«Ах, таков? <...> По приказанию Николая за неисправившимся вольнолюбом, да еще, по их мнению, человеком двуличным, установили секретный полицейский надзор»**³³.

Для мифа неважно, что эротический стишок с политическим подтекстом был опубликован в 1832 году, а тайный надзор осуществлялся в 1826–1829³⁴. Ведь в мифе события расчислены не по календарю, они застыли во времени оном. Даже слагая искреннюю хвалу царям, недвучличный холоповский Пушкин все равно остается, как и прежде, другом декабристов.

³⁰ Вацуро В.Э. Пушкин в сознании современников // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1974. Т.1. С.36. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-1.htm>.

³¹ Холопов Б. Указ. соч.

³² Пушкин А.С. «Каков я прежде был, таков и ныне я...» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т.3. Кн.1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С.143. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol03/y03-143-.htm>

³³ Холопов Б. Указ. соч.

³⁴ Черейский Л.А. Бенкендорф // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В.Э.Вацуро / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин. комис. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С.35–36. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/chr-abc/chr/chr-0354.htm>

**«Стихотворные агитки
Пушкина <...> и легальные
оппозиционные вещи»**

Привольная жизнь либерально модифицированного ультрареволюционного советского мифа в последнее время ограничивается довольно настойчивыми попытками снять идеологические наслоения с богатейшего фактического наследия отечественной пушкинистики XX века.

Американский германист и славист А.С.Либерман в рецензии на издание сборника трудов Ю.Г.Оксмана и В.В.Пугачева по пушкинской и декабристской темам пишет о подозрительности режима победившего пролетариата к творцам официозного пушкинско-декабристского мифа. Опасение, что под видом «трех поколений» генеалогии генеральных секретарей в общественное сознание будут внедряться мятежные смыслы герценовского мифа, приводило к тому, что **«ссылали не только Пушкина за оду "Вольность", но и пушкинистов за статьи о ней»**. Рецензент считает, что потенциальных смутьянов в сталинское время **«вычисляли»** и **«безжалостно искореняли»** по признакам **«верности своим убеждениям»**, **«нежелания гнуть спину перед начальством»**, **«силы и благородства духа»**.

Неизбывный ужас, испытываемый беззащитными учеными, приводил к тому, что сознание даже самых блестящих из них пропитывалось **«фразеологией официальной науки»**: **«Клише псевдофилософского и политического словоблудия прилипали незаметно, и их уже почти не замечали»**. Язык одного из величайших советских исследователей Ю.Г.Оксмана, которого даже колымские лагеря не отучили от привычки иметь собственное мнение и совершать независимые поступки, был, по мнению Либермана, **«весь проникнут словесными штампами своего времени»**.

Неизбывный ужас, испытываемый беззащитными учеными, приводил к тому, что сознание даже самых блестящих из них пропитывалось «фразеологией официальной науки»: «Клише псевдофилософского и политического словоблудия прилипали незаметно, и их уже почти не замечали». Язык одного из величайших советских исследователей Ю.Г.Оксмана, которого даже колымские лагеря не отучили от привычки иметь собственное мнение и совершать независимые поступки, был, по мнению Либермана, «весь проникнут словесными штампами своего времени».

Рабский язык влиял не только на форму. Он делал Ю.Г.Оксмана и его младшего коллегу В.В.Пугачева заложниками декабристского мифа. Пушкин, согласно построениям Оксмана, был **большим декабристом**, чем лидеры **«правого фланга»** Союза Благоденствия. Он по-своему исполнял их пропагандистские заказы, **«подавая более правильные решения»** тех задач, которые ему навязывали «оппортунисты». Произведения последовательного революционера Пушкина **«сыграли в общереволюционном подъеме всей страны накануне 14 декабря несравненно более крупную роль, чем вся прочая, вместе взятая, агитационно-пропагандистская литература декабристов»** (Ю.Г.Оксман). Оксман и Пугачев не просто делали Евгения Онегина членом тай-

ных обществ. Они старательно подыскивали ему «прототипы» в декабристской среде: **«Тип Онегина по сравнению с прототипом оказался отчасти сниженным, отчасти более многогранным»** (В.В.Пугачев).

По моему мнению, эпоха тотального промывания мозгов привела к тому, что произведения даже выдающихся советских пушкинистов и декабристов трудны для понимания смысла истинного авторского послания. Для того, чтобы вернуть их наследие в научный оборот, необходима разработка специальных герменевтических процедур. С другой стороны, дальнейшее развитие науки требует снятия мифологических лесов с накопленного ими ценнейшего материала.

Выдающийся ученый В.В.Пугачев успел подать пример «автодеконструкции» своих воззрений. В одной из поздних работ он пишет, что 14 декабря проиграли не только декабристы, но и Романовы. Самое главное, что именно в тот день Россия потерпела сокрушительное поражение. С точки зрения Пугачева, порожденное виселицами и каторгами противостояние двух непримиримых мифов – **«голубых мундиров и святых мучеников»** – отозвалось столетие спустя неисчислимыми жертвами кровавого колеса истории³⁵.

Образ Пушкина, который непрестанно думает о друзьях-каторжниках, созданный благоговейно почитаемыми интеллигенцией авторами, придавал декабристскому мифу особое обаяние, не изжитое до сих пор.

**«Предстает перед нами,
прежде всего, мифоборцем»**

Можно только удивляться тому, что столь необходимое для дальнейшего развития науки «мифоборчество» не находит понимания даже у тех, кто прекрасно осознает степень погру-

женности пушкинистики в недра декабристского мифа.

Московский искусствовед В.С.Листов рецензирует монографию В.М.Есипова «Пушкин в зеркале мифов». Рецензент находит запоздалым пафос **«мифоборца»**, борющегося с ветряными мельницами советской пушкинистики. При этом В.С.Листов согласен, что советский образ Пушкина в угоду идеологии был погружен в миф **«друга и едино-**

³⁵ Либерман А. [Рец. на кн.:] Ю.Г.Оксман, В.В.Пугачев. Пушкин, декабристы и Чаадаев / Сост., вступит. статья и примеч. Л.Е.Герасимовой, В.С.Парсамова и В.М.Селезнева. Саратов: Журнал «Волга»; ИКД «Пароход», 1999. – 259 с. // Новый журнал. 2003. №233. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/nj/2003/233/lib6-pr.html>

мысленника декабристов, врага монархии, религии и крепостничества». Со школьной скамьи внушалось, что «Пушкин – это, во-первых, ода "Вольность", а уж потом, где-то в-пятых и в-десятых, – "Анджело" и "Отцы пустынноики и жены непорочны..."». Но сегодня этот миф находится на периферии общественного сознания. На смену «мифу о революционном декабризме и атеизме Пушкина» приходят «совсем другие иллюзии» насчет поэта: «Нынче в массовом сознании Пушкин просто мал и мерзок – любовник, картежник и волокита, а затем муж Натальи Николаевны». На фоне этого бытового сифилиса общественного сознания вульгарно-социологический Пушкин советской пушкинистики 20-х – 30-х годов, помещаемый «на левом фланге правого декабризма», выглядит пусть и «убого», но хотя бы в возвышении над «толпой»³⁶.

Следует признать справедливым утверждения рецензента по поводу угасания традиционного пушкинско-декабристского мифа интеллигенции. Трудно оспорить неуместность разоблачительного пафоса в отношении задавленных страхом советских исследователей. Тем не менее уважительная, без гнева и пристрастия, «деконструкция» необходима для развития науки. Слишком многие из «само собой разумеющихся» представлений не подтверждаются фактами. Делать на их основании выводы об основоположнике современной русской культуры, означает оставаться во власти старого доброго мифа. Поэтому нельзя согласиться с предпочтением мифа «друга декабристов» мифу «мужа Натальи Николаевны». И тем более нельзя согласиться с тем, что циничный миф – Пушкин «мал и мерзок, как мы», – сегодня доминирует в общественном сознании. В.С.Листов явно упустил из виду широко пропагандируемые образы державного и православного Пушкина.

Новгородский филолог В.А.Кошелев, рецензируя ту же книгу «присяжного демифологизатора» Есипова, утверждает, что «мода» на демифологизацию в пушкинистике постсоветских десятилетий порождена, прежде всего, коммерческими соображениями: «Широкий читатель, уставший от популярной пушкинистики, на все лады тиражировавшей очередные "истины" о поэте, вдруг восхотел "легенд" и "мифов"». Автор не усматривает в этом процессе потребностей научной корпорации. Он без сочувствия приводит слова В.С.Непомнящего о том, что реальный Пушкин в значительной мере скрыт от нас многообразными мифами: «"светскими" и "демократическими", "либераль-

⁴⁰ Листов В. Указ. соч.

ными" и "православными", социально-политическими и эстетскими, декадентскими, диссидентскими, "плюралистическими" и "постмодернистскими"».

Рецензент считает, что не только для науки, но и для массового сознания демифологизация бесполезна. Разоблачение одного мифа приводит к утверждению другого. Вряд ли рецензент вполне искренен в своем неприятии новомодного исследования «прежней пушкинской мифологии». Скорее, в нем говорит раздражение против умничающей «столичной штучки», которая «брезгает» следить за «провинциальными сборниками». Потому что далее В.А.Кошелев дает мастер-класс демифологизации. Он настаивает на том, что «любое "низвержение" мифа, особенно если он связан с творческой личностью, требует прежде всего объяснения, почему этот миф в свое время возник». Новгородский пушкинист предлагает убедительные объяснения тому, каким образом скабрзная «Тень Баркова» была приписана гиперсексуальному лицеисту Пушкину. Он также заставляет согласиться с доводами о причинах, по которым реальный факт «римского» поведения Н.Н.Раевского, ради ободрения нижних чинов поставившего несовершеннолетних сыновей под французские пули в «деле под Дашковкой», со временем приобрел статус выдумки.

Исследовательская работа ученого, в отличие от его раздраженных деклараций о корыстном диктате невидимой руки рынка, доказывает, что оставаясь в рамках мифа «Пушкин – друг декабристов», мы подвергаем себя «опасности "споткнуться" и упование на "реальные факты" оборачивается сомнением: такие ли уж они "реальные"»? По этой причине науке пора перестать глядеться в кривое «"зеркало" пушкинских мифов»³⁷.

«Увлекались до такой степени, что производили Онегина в декабристы»

Несмотря на очевидное сопротивление «староверов» и части «разувевшихся», в ЖЗ можно найти не одну публикацию, нацеленную на освобождение пушкинистики от чар

пушкинско-декабристского мифа.

В рецензии на монографию сотрудника Пушкинского дома С.В.Березкиной, посвященную проблемам научной биографии национального поэта, все тот же борец с мифоборчеством В.А.Кошелев утверждает, что даже детальное знакомство с фактами само по себе не

³⁷ Кошелев В.А. *Королевство кривых зеркал*.

позволяет выйти за рамки исповедуемого мифа, перифрастически именуемого им **«целостным комплексом воззрений автора»**.

С.В.Березкина не считает «подтягивание» творчества молодого Пушкина к идеям декабристов мифологизацией. Напротив, отказ от такой оптики, наметившийся с начала 90-х годов, рассматривается ею как **«отступление от позиций научного пушкиноведения»**. В.А.Кошелев, напротив, не усматривает научного подхода в стремлении понимать каждое пушкинское произведение конца 10-х – середины 20-х годов в декабристском контексте. Он оспаривает ряд толкований С.В.Березкиной, в том числе ее стремление увидеть, вопреки мнению В.Э.Вацуры, в неприличном стихотворении «Ты и я» эпиграмму на **«жирный афедрон»** августейшего тезки поэта. Не вызывает сочувствия рецензента и стремление интерпретировать «Пророка» в контексте преодоления политической ограниченности декабризма. В.А.Кошелев не считает обоснованным утверждение, что проблематика «Пророка» свидетельствует об отказе от «решительных мер» заговорщиков, который сопровождался **«радикальными изменениями в отношении Пушкина к монарху и правительственной деятельности по реформированию России»**³⁸.

И.В.Немировский приводит пример цензуры, присущей либеральнейшим пушкинистам и декабристоведам. Резкий отзыв декабриста И.И.Горбачевского об Александре Сергеевиче: **«Он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного общества»**, – не раз изымался из публикаций дореволюционных и советских времен. Лучшие гуманитарные умы (П.Е.Щеголев, Б.Е.Сыроечковский, Н.Я.Эйдельман, Ю.М.Лотман) потратили немало сил, чтобы доказать неправоту декабриста-демократа.

Немировский препарировал миф о Пушкине – «друге декабристов», которого задушевные товарищи не приняли в свои ряды по причине бережного отношения к его уникальному таланту. Реальную причину непринятия в тайное общество исследователь усматривает в **«социальной репутации»** поэта среди заговорщиков. Он показывает, что присутствующее молодому Пушкину соединение либерализма с либертинажем (развратным поведением) и кощунственным отношением к религии **«было**

³⁸ Кошелев В.А. [Рец. на кн.:] Березкина С.В. «Так некогда поэт...»: Проблемы научной биографии Пушкина. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. – 320 с. – 300 экз. // Новое литературное обозрение. 2011. №110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/kn48.html>

раздражающим и неприемлемым и для правительства, и для декабристов». Слова, приписанные И.Д.Якушкиным «другу декабристов»: **«Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести»**, – скорее всего, характеризуют отношение самих заговорщиков к ненадежному «другу»³⁹.

Следует выделить встречающиеся в ЖЗ антимифологические публикации, по сути оппонирующие приведенным примерам утрированного встраивания в декабристский контекст «Пророка», «Евгения Онегина», «Медного всадника».

В.М.Есипов, критикуемый В.С.Листовым и В.А.Кошелевым за демифологизаторскую одержимость, не согласен с мнением, что «Пророк» был вызван к жизни исключительно вестью о казни декабристов. Для того, чтобы обосновать свою точку зрения, ему приходится доказывать достоверность, по меньшей мере, ряда фактов «Записок» А.О.Смирновой-Россет, составленных ее дочерью⁴⁰. Исследователь приводит ряд примеров того, что в тексте, опубликованном О.Н.Смирновой, несмотря на множество содержащихся в нем неточностей и анахронизмов, есть свидетельства, подтверждаемые другими источниками, которые не могли быть известны публикатору. Этот факт заставляет со вниманием отнестись и к уникальным сведениям мемуаров. Прежде, чем отбросить, их следует изучить.

Но ученым, находящимся в плену мифа «Пушкин – друг дворянских революционеров», невозможно принять поэта, лояльного коронованному палачу декабристов. Кропотливая источниковедческая работа заменяется вычеркиванием «апокрифа» из научного оборота. Один из лучших знатоков пушкинской эпохи С.В.Житомирская с гневом отзывается по поводу постсоветского переиздания **«фальсификации»**. Она считает раз и навсегда установленным **«отрицание подлинности мнимых "Записок А.О.Смирновой"»**. По мнению ветерана советского декабристоведения, утверждения о том, что «Записки» были исключены из оборота из-за **«нежелания в советское время признать Пушкина монархистом и преданным поклонником Николая I, каким его стремилась представить Ольга Николаевна Смирнова»**, – являются клеветой⁴¹.

³⁹ Немировский И. Либералисты и либертены: случай Пушкина // Новое литературное обозрение. 2011. №111. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/ne14.html>

⁴⁰ Смирнова-Россет А.О. Записки / Сост. О.Смирнова. М.: Захаров, 2003. – 528 с.

⁴¹ Житомирская С. Стоит ли вообще заниматься наукой? По поводу статьи А.Эткинда «Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России» и заметки Алексея Смирнова «Царица поэтов» (Знамя. 1999. №6) // Знамя. 2000. №1. URL:

В.М.Есипов предполагает обратное. При этом он не считает возможным впасть в противоположную «ультрароялистскую» крайность. По его мнению, ни свидетельства в пользу «декабристского» генезиса, ни сведения Смирновой-Россет **«не могут служить окончательным аргументом в так и остающейся до сих пор неясной для нас творческой истории "Пророка"»**. Автор предлагает, хотя бы в качестве гипотезы, рассмотреть рождение замысла «Пророка», опираясь на неоднозначный источник.

Согласно «Запискам», Пушкин во время поездки в Святогорский монастырь в 1826 году остался на какое-то время в одиночестве в монастырской келье. Там он был «внезапно поражен» попавшимися ему на глаза пророчествами Иезикииля. Поэт был преследуем этим чувством несколько дней, пока ночью не записал стихи, увидев их во сне⁴². Осторожный вывод, который можно сделать из этой записи: **«факт возникновения "Пророка" и его текст могут быть не связаны с политической злобой дня, в частности с казнью декабристов»**, – нуждается в дополнительном исследовании и не может быть отброшен без рассмотрения только по одним соображениям мифологического порядка⁴³.

Филолог из города Балашова Саратовской области А.Ф.Седов усматривает в настойчивом причислении Онегина к декабристам влияние герценовского мифа русской интеллигенции. Он ставит миф Пушкина в один ряд с объединяющими российское общество мифами Нового года и Победы в Великой Отечественной войне. Правда, смысл в эту духовную скрепу нынче закачивается не тот, что прежде: **«энтузиаста, борца с самодержавным гнетом, который в число декабристов не попал то ли случайно, то ли они его как бы пожалели»**, времен «тоталитаризма» сменил в разлагающейся стране **«Пушкин-государственник, который грозил растленной Европе "стальной щетиной" победоносных штыков великой страны»**. Получается, что в эпоху «застоя» в образе «нашего всего» воплощалась тоска по «мы хотим перемен» революционной перестройки. В период же распада империи общество пытается обрести в нем державную точку опоры.

Для автора новое платье короля русской поэзии – это очередное мифологическое искажение исторического облика национального поэта:

<http://magazines.russ.ru/znamia/2000/1/forum.html>

⁴² Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С.317.

⁴³ Есипов В. «Подлинны по внутренним основаниям...» // Новый мир. 2005. №6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/6/es11.html

«Пушкин-патриот – это такая же тенденциозная трактовка облика поэта, как и Пушкин-декабрист, Пушкин-эстет, Пушкин-эротоман, Пушкин-мистик...».

А.Ф.Седов, так же как и В.П.Старк, не одобряет стремления пушкинистов уравнивать черновики с опубликованным автором текстом «Евгения Онегина». Но в отличие от В.П.Старка он не принимает объяснения, что царская цензура исказила авторскую волю и что в действительности герой после убийства друга должен был непременно пережить нравственное возрождение, которое **«привело бы его к участию в декабристском движении»**: **«Онегин-декабрист – это такой же отвергнутый автором вариант, как и Онегин-славянофил, как и Онегин-поэт»**. Филолог полагает, что пушкинскому «лишнему человеку» было свойственно пессимистическое предчувствие тщетности любых начинаний. Ему было прекрасно известно, что мучительство рождает вольность, а та возрождает рабство (Радищев А.Н.). Так для чего тогда суетиться? Чтобы заменить Романова Орловым или еще каким-нибудь претендентом в Бонапарты?

Отказ от иерархии «черновой вариант – окончательный текст» в текстологии произведения, по мнению исследователя, во многом порожден идеологическим давлением. Декабристский миф, включенный в советский пропагандистский канон, влиял на включение «десятой главы» в школьную программу: **«Некоторые учителя-словесники увлеклись до такой степени, что производили Онегина в декабристы, ученики же в своих сочинениях прямо выводили героя на Сенатскую площадь, а Татьяну посылали за ним в Сибирь, напроочь забывая, что она в некотором роде замужем...»**⁴⁴.

Сотрудник Пушкинского дома М.Н.Виролайнен в статье, посвященной «Медному всаднику», приглашает поэтический пафос построений А.Г.Наймана, из вежливости не упоминая его имени. Она отмечает, что поэма открыта для различных интерпретаций. Одна из них, предложенная в период послереволюционного головокружения от успехов А.Н.Белым и Д.Д.Благим, отождествляет индивидуальный бунт Евгения с военным мятежом декабристов. Сторонники этой версии приводят следующие «сближения»: общее место бунта на Сенатской площади, сходное место захоронения на «острове малом» в дельте Невы, прибли-

⁴⁴ Седов А. «Противоречий очень много...» («Евгений Онегин»: проблема текста как проблема поэтики) // Волга. 1999. №6. URL: <http://magazines.russ.ru:8080/volga/1999/6/sedov-pr.html>

женность времени бунта Евгения (осень 1825) к восстанию 14 декабря и времени смерти героя (весна 1826) к казни 13 июля, упоминание в авторском примечании к поэме видных участников подавления «мятежа реформаторов» А.Х.Бенкендорфа и М.А.Милорадовича, датировка в пушкинском дневнике получения замечаний «высочайшего цензора» на поэму 14 декабря 1834 года. Автор отмечает, что даже такой идейно выдержанный советский литературовед, как Благой, впоследствии отказался от столь идеологизированной точки зрения. М.Н.Виролайнен сдержанно пишет по поводу допустимости «декабристской» интерпретации: **«Наличие политических аллюзий не может служить ключом к исчерпывающему прочтению поэмы»**⁴⁵.

Как совместить «дум высокое стремление» и «замыслы более или менее кровавые и безумные»?

В советское время писатели наряду с учеными творили пушкинско-декабристский миф. В наши дни инженеры человеческих душ подключаются к демифологизации. С их

выводами можно спорить. Но их нельзя отбрасывать по причине «ненаучности». Мы ведь знаем, что постижение гармонии алгеброй не приводит к исчерпывающему пониманию гения. Вполне возможно, что люди, постигающие гармонию гармонией, могут наметить неведомые нам пути познания.

Следует уточнить определение «**пушкинской парадигмы**», согласно которой **«абсолютизация единства поэта и человека вызывает возражения»**⁴⁶. В случае Пушкина речь, скорее, должна идти о дифференциации гениального текста и его, используя пушкинское самоопределение, зачастую по-человечески «ничтожного» автора.

Петербургский прозаик В.Р.Барзас сопоставляет записку «О народном воспитании» и «Послание в Сибирь». Он отмечает «жандармский» характер пушкинской педагогики. Среди рекомендаций «свободного консерватора» правительству – запрет частного и ограничение заграничного образования, введение в кадетских корпусах **«полиции, составленной из лучших воспитанников»**, строгий контроль над **«рукописями, ходящими между воспитанниками»**, запрет учащимся **«заниматься литературой, составлять общества, <...> печатать свои сочинения в**

⁴⁵ Виролайнен М. Медный всадник. Петербургская повесть // Звезда. 1999. №6. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/6/virolain.html>

⁴⁶ Ранчин А. Указ. соч.

светских журналах»⁴⁷. Фактически поэт написал, по мнению автора, донос на свой обожаемый Лицей. В.Р.Барзас подчеркивает, что многие решительные меры, предложенные «другом декабристов» в «**поистине мракобесной записке**», были введены в действие⁴⁸.

Автор предлагает психологическую модель, позволяющую объяснить метания гения между заговором и престолом. Он обращает внимание на то, что «точка зрения» любого человека во многом определяется его собеседником. Неважно, спорит или соглашается мыслящий тростник. Важно, что «контент» высказывания в значительной мере формируется его адресатом.

Гениальность творца, благодаря которой мы узнаем себя и других в его произведениях, заключается в особой внутренней пластичности,

⁴⁷ Пушкин А.С. *О народном воспитании* // Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т.11. Критика и публицистика, 1819–1834. С.43–47. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol11/v11-043-.htm>*

⁴⁸ Можно сказать, что известные пушкинисты пытались оправдать полицейские меры, предлагаемые поэтом. Типичный пример – Благой Д.Д.: «Спустя года полтора после декабрьского восстания поэт написал в показаниях по делу об отрывке из своего стихотворения "Андрей Шенье". Напоминая основные события французской революции, ознаменованной "победой революционных идей", Пушкин спрашивал: "Что же тут общего с нецарственным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?"⁴² Ход мысли здесь совершенно ясен. Победа французской революции, которую тщетно было бы пытаться остановить "несколькими пушечными зарядами", доказывала, что для нее, исподволь подготовлявшейся "стремлением целых веков", сложились все необходимые предпосылки. То же, что восстание декабристов удалось пресечь тремя выстрелами картечи, явилось для поэта доказательством прямо противоположного. Декабристы, как до этого и он сам в своих вольных стихах, начали свое дело слишком рано, "до звезды", когда необходимых исторических предпосылок и условий для успеха его еще не было. Это же имеет Пушкин в виду и в написанной им несколько ранее, в конце 1826 года, записке "О народном воспитании", замечая, что декабристы вознамерились осуществить "вдруг" "политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением", и противопоставляя "ничтожности" их "замыслов и средств" "необъятную силу правительства, основанную на силе вещей" (XI, 43). В обоих только что приведенных случаях мы имеем дело с документами, адресованными властям; этим объясняется, о чем подробнее будет сказано ниже, их официальная фразеология (само выражение "замыслы и средства" заимствовано из царского манифеста о событиях 14 декабря). Но если это откинуть, легко убедиться, что автор "Бориса Годунова", преклонявшийся перед героическим самоотвержением участников декабрьского восстания, подходит здесь к объяснению причин декабрьской катастрофы, вооружив себя именно тем "взглядом Шекспира", к которому призывал он Дельвига». (Благой Д.Д. *Творческий путь Пушкина (1826–1830)*. М.: Советский писатель, 1967. С.22. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/bla-001-.htm?cmd=p>).

способности не просто проникнуть в душу, но и всем существом притвориться до такой степени, чтобы суметь до неотличимости претворить другого в себе. Именно благодаря этой исключительной способности Пушкин стал «нашим всем». Дар «всемирной отзывчивости» сродни невыносимому бремени шаманского призвания. Его невозможно отставить на время. Отказ от необходимости постоянно быть другим для национального поэта был равносильным тому, чтобы перестать быть собой – гением, выразившим душу русского народа.

Образ «**многострунного Пушкина**», который «**на всякого человека отзывался особым аккордом**», позволяет считать, что его произведения представляют собой сплав, в котором личность поэта принимала форму личности его адресата. Поэтому взаимоисключительность «Записки» и «Послания» не может ставиться в вину жрецу Аполлона. Писатель Барзас опровергает советский миф, согласно которому слова «дум высокое стремление» – истинны, а фраза «замыслы более или менее кровавые и безумные» – вынужденная «**маскировка**». Этот вывод в той же мере относится к перестановке мест пушкинских слагаемых в мифе православно-монархическом: «**Нет, господа! Гений – это всегда стихия, а стихия не имеет политических убеждений, во всяком случае "истинных" и "подлинных" ...**»⁴⁹.

**Бывшие интеллигенты
не узнают себя в мифе
о шоколадном зайце**

Мы видим, что пропагандируемый в «толстых журналах» образ национального поэта по-прежнему завязан на мифологеме «Пушкин – друг декабристов». Дух времени капитализма без протестантской этики приводит к модификациям советского образа революционного друга дворянских революционеров. Либеральный Пушкин, как и прежде, преследует цели общественного прогресса. Он расходится с друзьями-заговорщиками по вопросу методов достижения общих целей. Их радикализм ему претит. При этом человеческие отношения с сибирскими узниками для него превыше политических разногласий. Он напряженно думает об их участи и настойчиво между строк обращается к самодержцу с просьбами милости к падшим.

Незначительная либеральная коррекция советского мифодизайна не должна скрывать принципиальных перемен интеллигентского сознания,

Незначительная либеральная коррекция советского мифодизайна не должна скрывать принципиальных перемен интеллигентского сознания,

⁴⁹ Барзас В. Реакционер // Нева. 2007. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/1/ba29.html>

которые привели к революционному перевороту в соотношении влияния мифа Пушкина и мифа декабристов. Сегодня декабристы, без сомнения, выступают «приложением» к гораздо более мощному пушкинскому мифу. Их современные отношения точнее будет выразить формулой: «Декабристы – друзья Пушкина». Более того, сегодня миф декабристов теплится в исторической памяти «креативного класса» исключительно благодаря Пушкину.

Убедительным свидетельством этого служит частота упоминания имен в публикациях ЖЗ. Поисковая система *Яндекс* находит в них слово «Пушкин» и его производные порядка 36 тысяч раз, а слово «декабрист» и его производные – около 3 тысяч раз. Даже в 721 публикации ЖЗ, где хотя бы раз встречается слово «декабристы» (общее число упоминаний 2 634 раза), Пушкин упоминается 12 846 раз. При всей приблизительности интернет-измерений, приведенные пропорции (соответственно 12 к 1 и 5 к 1) убедительно свидетельствуют: современная интеллигенция вышла из-под обаяния жертвенного герценовского мифа декабристов – героев и мучеников.

Собственно говоря, интеллигенции как социальной группы, объединяющей людей, которые готовы жертвовать временем, деньгами, общественным положением, свободой и даже жизнью ради общественных интересов, больше не существует. Героические одиночки не могут повлиять на деморализованное большинство «очень специальных людей» (А.И.Герцен) творческих профессий, которые погружены, наряду с презируемыми ими «быдлом», в ценности комфорта. Безжертвенность умственного слоя убивает миф декабристов, на котором и была конституирована русская интеллигенция. Инфантильное стремление вести буржуазный образ жизни, не подчиняясь при этом рыночному закону спроса и предложения, отталкивает от герценовских сибирских мучеников и сближает с их придворным другом. При этом бывшие интеллигенты не узнают себя в сотворенном ими мифе о шоколадном зайце-Пушкине – виртуозе бесстрашного эзопова языка, модном муже гламурной Натальи Николаевны. В этом нет ничего удивительного. Ведь еще Фрейд было известно, что миф – это эмблема постыдной правды, которую мы таим от себя в археозойских отложениях души.

Владимир Дегоев

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА¹

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
316.423

The article revisits the image of Sheikh-Mansour one of the most enigmatic figures of the Chechen history, who by the close of the 18-th century, to quote John Baddeley, “dropped, as it were, from the clouds full grown, a warrior, preacher and prophet” to lead the resistance movement against Russia. The mere fact that Mansour gave an armed response to the advent of the Russians serves for many scholars an irresistible temptation to cast him both as a precursor of the 19-th century Caucasus War and a typological predecessor of the renowned Imam Shamil. The author of this essay argues against what seems to him a far-fetched comparison between the two mountaineers’ leaders belonging to different epochs and having different kinds of perception of their political, ideological, and military missions.

Ключевые слова: политика России на Северном Кавказе в XVIII веке; социальный строй Чечни, Шейх-Мансур; братья Г.А. и П.С.Потемкины; внутренние проблемы Кабарды; русско-турецкая война 1787–1791 гг.

Key words: Russian policy in the North Caucasus in the 18-th c.; patterns of social life in Chechnya; Sheikh Mansour; the Potemkin brothers; domestic problems in Kabarda; Russo-Turkish War of 1787–1791.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2013. №3, 4.

**ЧЕРКЕССКИЙ ДЕБЮТ ИМАМА:
КАТАСТРОФА
ВМЕСТО ТРИУМФА**

В начале июля 1787 г. Мансур навсегда покинул Чечню и перебрался на Северо-Западный Кавказ. Черкесский период биографии имама, казалось, должен представать перед историками в более отчетливом свете, поскольку тамошняя его деятельность неразрывно связана с событиями русско-турецкой войны, происходившими под пристальными взорами современников.

Однако и тут многое остается туманным. Сам выбор времени прибытия Мансура в Черкесию порождает определенные вопросы. Был канун русско-турецкой войны, до которой оставалось немногим больше двух месяцев. Откуда об этом мог знать имам, до начала июля находившийся в чеченских горах? Только от османских генералов, командовавших гарнизонами черноморских крепостей Анапа и Суджук-кале, точнее – от их эмиссаров, которые, возможно, уже давно держали вождя горцев в поле своего зрения, связывая с ним конкретные военно-политические планы. Источники утверждают, что имам оказался на Кубани при содействии черкесско-ногайского владетеля Казы-Гирея, имевшего тесные контакты с турками.

В Стамбуле узнали о деятельности Мансура задолго до его появления в Черкесии. Согласно одному свидетельству, слухи о чеченском «чудотворце» поначалу были восприняты турецким руководством с настороженностью. Один из кумыкских паломников, возвращавшийся из Мекки через османскую столицу, был вызван к великому визирю, и между ними состоялся такой разговор.

– Визирь: «Какой там явился у вас имам и какие он делает чудеса?»

– Паломник: «Никаких, он развращает только народ и производит смятение».

– Визирь: «Верят ли ему люди?»

– Паломник: «Простые верят, а умные называют обманщиком».

– Визирь: «Разве у вас нет книг?»

– Паломник: «Есть».

– Визирь: «Как же вы можете верить в появление пророка, которого, по нашему закону, кроме Магомета, быть не может?»²

² См.: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т.2. С.234.

Кумыкский хаджий, объясняя это неразвитостью народа, говорил, что у Мансура много приверженцев. Визирь услышал для себя главное. А главным были не теологические вольности имама, а его влияние на массы.

Если тут все не гораздо сложнее, то можно предположить, что именно тогда у Порты зародилось намерение использовать «чудотворца» в своих целях. Коль скоро он, благодаря своим магическим способностям, повел за собой людей в Чечне и Дагестане, почему не сделать его «орудием своих видов» в Черкесии, подняв местные племена против России. Затем, видимо, последовал уже описанный нами визит в Чечню специального османского эмиссара. В представленном им отчете содержались крайне противоречивые сведения, выводы из которых предстояло сделать турецкому руководству.

Говорилось, что Мансур не пророк, даже не ученый и не особенно набожен, хотя не уклоняется от совершения молитв, предписанных законом. В другом месте доклада эта характеристика доводится до более высокой степени развенчания: теперь имам – «обманщик, который притом не пользуется большим доверием в Дагестане». И тут же сообщается прямо противоположное: Мансур, оказывается, «имеет отряд в шесть тысяч человек, составленный из людей разных наций», и непосредственно рядом с собой то ли духовный совет, то ли группу телохранителей из шести человек, «одетых улемами и оказывающих большое почтение своему наставнику»³.

Где здесь правда или хотя бы часть ее, сказать сложно. Констатировать можно лишь одно. Праведен ли, благочестив ли Мансур и насколько – Порте было в принципе безразлично. Главное – его способность служить полезным орудием реализации ее военно-политических замыслов. А проверить это турки могли только на практике.

Едва ступив на кубанскую землю, Мансур получил от суджук-калинского паши деньги и подарки, а взамен с него была взята клятва ничего не предпринимать без ведома Стамбула, который не хотел преждевременно провоцировать разрыв с Россией. Это означало, что имам подчинился Порте и занял служебное место в ее военно-политических планах.

³ *Сборник императорского Русского исторического общества. 1885. Т.47. С.179–181. – Кстати, из этого же документа мы узнаем, что «Мансур родом не из Чечни, а пришел из других мест» (Там же. С.179). Данное утверждение, даже если турецкий эмиссар услышал его из уст самого имама, еще ничего не доказывает. Многие правители, как известно, предпочитали в целях сакрализации власти связывать свое происхождение с иноземными предками.*

Вскоре Мансура пригласил к себе анапский паша, желавший узнать о своем знаменитом госте как можно больше. Начальник османского гарнизона осведомился, среди прочего, о том, не притесняют ли русские жителей Чечни и Дагестана. Ответ был весьма любопытным: «О притеснениях русских я *ничего не слыхал* (курсив мой. – В.Д.)». На эти слова паша не обратил внимания. Он сказал Мансуру, что есть явные признаки нарушения русскими взятых перед султаном обязательств в отношениях с Турцией, свидетельствующие об их «умышлении истребить правоверных». Предстоящая война, как утверждал османский начальник, будет носить священный характер: «Старайся побуждать и увещевать, чтобы все магометане, вооружась, ополчились против россиян и нанесли бы вред неприятелю мусульманской веры. Будь уверен, что служение твое Богу и калифу награждено будет такими воздаяниями, какие только вообразить можно»⁴.

Когда Мансур понял, что анапский паша уповаает на его готовность употребить в пользу Турции свое влияние в Чечне и Дагестане, то явно смутился. Возвращение на Северо-Восточный Кавказ, откуда имам потому и уехал, что уже не мог рассчитывать на массовую поддержку, совершенно не входило в его планы, во всяком случае – в ближайшее время. Мансур счел необходимым высказаться по этому поводу достаточно откровенно, чтобы не подогревать в турках ложных ожиданий. Его ответ паше помогает оценить реальные итоги деятельности имама на Северо-Восточном Кавказе трезвее, чем это делают некоторые историки. Согласившись, что он, «как магометанин, обязан действовать по законам религии», Мансур тем не менее отказался давать какие-либо обещания касательно дагестанцев и чеченцев, поскольку «народы эти имеют своих начальников и свои обстоятельства, соображаясь с которыми располагают свои дела»⁵.

По сути это признание того факта, что за время пребывания в Чечне и Дагестане ему не удалось составить ни политическую конкуренцию сложившимся там формам власти, ни идеологическую альтернативу базовым основам патриархально-родового сознания. С этой точки зрения, переезд Мансура в Черкессию открывал перед ним другие перспективы ввиду того, что там он становился более полезным орудием для турок, чем на Северо-Восточном Кавказе.

⁴ Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.235.

⁵ Там же.

Анапский паша оказал Мансуру теплый прием и обращался с ним как с важной персоной. Понимая, что в предстоящей войне турки хотят поднять северокавказские народы от Черного моря до Каспия, имам не стал отказывать им в содействии. Он послал своим односельчанам письмо, в котором обещал вскоре вернуться в Чечню «знаменитым человеком» и избавить их от присутствия русских с помощью турецких войск, пушек и снарядов. «Все закубанские народы, – хвастал он, – меня чтут и ко мне присоединились».

Если Мансур и собирался возвращаться на Северо-Восточный Кавказ, то, конечно, не в том состоянии, в котором он его покинул. Чтобы иметь хотя бы какие-то шансы на восстановление влияния среди чеченцев и дагестанцев, имам должен был предъявить им убедительные доказательства собственного могущества и авторитета. И тут все зависело от того, как сложатся его дела в Черкесии.

Перед Мансуром открылись блестящие перспективы. Былая проповедническая и ратная слава, пришедшая по его пятам, никуда не девшиеся личностные дарования, а также мощная поддержка турок сделали свое дело. Черкесы и отчасти ногайцы стекались к нему отовсюду. Одни для утоления своего любопытства, другие для изъявления почтения, третьи для исцеления от недугов, четвертые для участия в грабительских набегах. Почти в точности повторялась история двухлетней давности.

Еще до появления Мансура на Кубани набеговая активность черкесов резко возросла. Она была в большей степени следствием тайных подстрекательств турок и в гораздо меньшей – слухов о скором приходе «пророка»⁶.

Вылазки горцев представляли собой нечто большее, чем простые промысловые набеги. В этих предприятиях принимало участие внушительное количество людей (до 7 тысяч человек), и они носили весьма организованный характер. Разумеется, черкесы не могли вести себя в этих походах иначе, чем предписывали многовековые обычаи войны. Они грабили имущество и уводили русских в плен при первой возможности.

Но, судя по всему, Петербург стал усматривать в военной активности горцев не только мотивацию, обусловленную возможностью захватить добычу. Тот факт, что до апреля 1786 года на Кубани наблюдалось относительное спокойствие (обычные мелкие грабежи не в счет), за-

⁶ Во всяком случае, до 20 сентября 1787 года в русских военно-оперативных сводках, приходивших из Черкесии, его имя не встречается.

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

ставлял искать привходящую причину. И ее больше не с чем было связать, как с обострением русско-турецких отношений. Русское начальство, ссылаясь на международные договоры, неоднократно обращалось⁷ к османским властям с протестами по поводу нарушения черкесами границы (река Кубань) между Османской и Российской империями и требовало возмещения причиненного ими ущерба.

Фактическое отсутствие реакции со стороны Порты наводило на мысль о провокационной политике турок в отношении своих «подданных».

Конечно, Г.А.Потемкин не собирался уповать на дипломатические демарши. Он, как хорошо информированный реалист, готовился к войне, одним из театров которой станет Кубань, где на стороне турок будет умелый военный организатор – Мансур. Северо-Западный Кавказ вызывал у Г.А.Потемкина гораздо большую тревогу, чем Северо-Восточный, где взрывоопасный потенциал, с уходом Мансура, ослаб. П.С.Потемкину было велено особое внимание уделить расширению системы русских укреплений, которых было явно недостаточно для сдерживания набегов. Генерал пошел по пути, так сказать, эшелонирования этой системы, выстраивая на наиболее прорывоопасных участках три рубежа обороны.

* * *

15 июля 1787 г. Порта предъявила России заведомо неисполнимый ультиматум. 5 августа русский посол в Стамбуле Я.И.Булгаков был арестован и посажен в Семибашенный замок. 21 августа турки напали на два русских судна в Очаковском заливе. 9 сентября Екатерина II специальным манифестом объявила о начале войны.

Отныне на Северном Кавказе, как и повсюду, Россия и Турция могли действовать по законам военного времени. В стратегических расчетах обеих сторон этот край играл важную роль. В середине сентября 1787 г. среди закубанцев (черкесов и ногайцев) появились несколько турецких эмиссаров (по другим данным – боевой отряд) для организации нападения на русские границы, под руководством Мансура.

Любопытно отметить, что до этого момента Мансур, находившийся в Черкесии уже два с половиной месяца, не предпринимал никаких военных действий против России. Более того, в этот промежуток времени не было зафиксировано ни одного большого набега на Кубанскую ли-

⁷ *Собственноручные бумаги князя Потемкина-Таврического // Русский архив. 1865. №4. С.415.*

нию, тогда как до этого они случались регулярно. Казалось бы, парадокс: канун русско-турецкой войны, наращивание османских сил на черноморском побережье Кавказа, появление легендарного имама, и на фоне всего этого – набеговое затишье. Но объяснение есть.

Мансур видел, что ситуация на Кубани открывает перед ним возможность испытать свои таланты на масштабной военно-политической, международной арене, чего он был лишен в Чечне и Дагестане. Теперь он мог не размениваться на такие мелочи, как грабеж, а заняться военно-организаторской работой в качестве полновесного союзника Порты, то есть весьма крупного политического игрока, а не заложника наезднического промысла. Имам не видел смысла в бессистемных и бесполезных вылазках черкесов на Кубанскую линию с единственной целью – пограбить. Ему нужно было то, чего он так и не нашел на Северо-Восточном Кавказе, – хорошо организованная, управляемая людская масса, мотивированная, как и он сам, чем-то неизмеримо большим, нежели добыча.

Вероятно, учитывая свой прошлый опыт и совершенно новую обстановку, Мансур теперь предпочитал быть не столько имамом, сколько полководцем, способным предрешить исход крупномасштабного процесса – русско-турецкой войны. Для этого требовалось укротить энергию черкесов прежде всего правильной армейской организацией и идеей победы над Россией как державой, враждебной правоверному султану.

После начала войны Мансур развернул бурную деятельность, которая существенно отличалась от того, что ему приходилось делать раньше. Практически уже ничего не было слышно о его проповедях, призывах к праведной жизни, чудотворческих подвигах. Зато повсюду видны следы прекрасной организаторской работы, мало похожей на подготовку к заурядному набегу. В ней явно присутствовала военно-стратегическая и политическая мысль. На это указывает, прежде всего, выбор места сбора для черкесских и ногайских сил – междуречье Лабы и Урупа (южные притоки Кубани), граница между Черкесией и Кабардой. Отсюда можно было атаковать восточный фланг Кубанской линии и, двигаясь дальше на север, центральный фланг Азово-Кизлярской линии или идти вдоль нее в направлении Чечни и Дагестана. Этот потенциальный удар по тылам русских заставил бы их перебросить сюда войска из Причерноморья, создав тем самым для турок оперативный простор в районе Таманского полуострова.

Территория между Лабой и Урупом являлась идеальным стратегическим плацдармом с точки зрения как наступления, так и обороны: его

северная часть представляла собой равнинную местность, откуда можно было атаковать Кубанскую линию, южная – гористую, где легко было спрятаться. В то же время это пространство служило для Мансура и политическим плацдармом: близость к Кабарде позволяла имаму соблазнять кабардинских князей возможностью соединения с ним с целью отвоевать у России их «исконные» земли. На этой территории Мансур сосредоточил до 8 тысяч горцев и огромное количество провианта. Туда же он велел пригнать 600 повозок для использования их в качестве вагенбурга.

Вовремя узнавший об этом П.С.Потемкин решил упредить Мансура. 20 сентября 1787 г. русские войска (8 тысяч человек, разбитые на четыре отряда, при 35 орудиях) перешли Кубань у Прочного Окопа и Овечьего Брода. Генерал распределил их так, чтобы максимально ограничить противнику поле для маневра и не оголить свои тылы и фланги. Атакующие горцы оказали упорное сопротивление но, потеряв 400 человек, вынуждены были оставить свои позиции.

На следующий день Мансур перешел в контрнаступление. Завязалась жаркая схватка. В ходе ее часть русских войск, угодившая в засаду, попала под фланговый удар. Наступило замешательство, однако вскоре подоспевшая помощь спасла ситуацию. Горцы, в конце концов, были опрокинуты и обращены в бегство.

Отступив верст на десять, Мансур остановился. И тут выяснилось, что он подготовился к войне основательно, о чем свидетельствовали подошедшие к нему резервы – темиргойцы, бесленейцы, абазины. 22 сентября имам вновь приблизился к русским позициям. Встреченные артиллерийским огнем, горцы «разделились по нациям» и засели в «лощинах и рощах». Но были выбиты и оттуда. В следующие два–три дня русские уничтожили расположенный поблизости аул, где находился интендантский склад и резиденция Мансура. 25 сентября П.С.Потемкин приказал войскам возвращаться к берегам Кубани.

Поражения не обескуражили горцев. Они быстро перегруппировались и пошли по пятам русских, стараясь атаковать их арьергард при первом удобном случае. В течение трех дней (26, 27, 28 сентября) имаму удалось навязать неприятелю несколько сражений, последнее из которых, потребовав от русских ответной перестройки своих рядов, отличалось особой ожесточенностью, длилось 7 часов и закончилось бегством горцев. За двадцатые числа сентября Мансур потерял около двух тысяч человек убитыми, П.С.Потемкин – 50 человек убитыми и 146 ранеными.

Это было последнее предприятие П.С.Потемкина на Кавказе. 4 октября он сдал свои полномочия генералу П.А.Текелли.

Несмотря на сентябрьские успехи, достигнутые русскими, до победы над Мансуром было еще далеко. Общая нестабильность на Северном Кавказе, где количество потенциально взрывоопасных очагов не уменьшалось, служила перманентным источником энергии, заряжавшим сторонников имама и морально, и физически. Война дала новые соблазны тем, кто по разным причинам хотел свести старые счеты с Россией или просто воспользоваться ситуацией, чтобы пограбить. Как ни парадоксально, проблему для русских представляли не крупные, хорошо организованные, ожидаемые атаки, с которыми справлялись относительно легко, а мелкие горские партии, постоянно просачивавшиеся через Кубань и доставлявшие застигнутым врасплох казачьим станицам и войсковым хозяйствам большое разорение.

Серьезные опасения вызывала обстановка в Кабарде, от которой в любой момент можно было ожидать чего угодно. В кабардинской социальной элите не было единства взглядов и действий ни в одном вопросе. Это окутывало всю ситуацию на Центральном Кавказе в туман неизвестности, крайне затрудняя Петербургу выбор последовательной линии поведения и мешая ему с доверием относиться к местной знати. В самом деле, если кабардинские князья были искренни в своих верноподданнических клятвах Екатерине II, то кто же тогда организовывал и совершал с территории Кабарды «весьма частые набеги» на русские поселения? Разобраться в этом было непросто. Да и не давала война времени на подобные раздумья. На первый план выступали оперативно-стратегические проблемы, требуя максимальной собранности и концентрации внимания на уязвимых участках русской обороны.

Поражения, которые потерпел Мансур, не внесли перелома в ход военных действий. Имам быстро привел в порядок свои силы и вновь собрал их на лабинско-урупинском плацдарме, практически сведя на нет русские победы. Признаков деморализации в его войсках видно не было.

П.А.Текелли получил приказ подавить противника на левом берегу Кубани – от впадения в нее Лабы до снежных отрогов Кавказского хребта – и не покидать эту территорию до тех пор, пока «надобность будет требовать, истребляя огнем и мечом неприятеля и его селения и *приводя в несостояние покунуться когда-либо на границы*» России (курсив мой. – В.Д.)⁸.

⁸ Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.253.

П.А.Текелли ставил во главу угла достижение конкретного результата – лишить Мансура и его войнство всякой возможности наносить удары по русским территориям. Это была совершенно практическая задача, целиком вписывавшаяся в логику и «мораль» военного времени. Официально находясь в навязанном ей состоянии войны, Россия имела полное право применять к союзникам Турции те же средства, что и к турецкой армии.

Закубанские горцы вместе с Мансуром сделали свой выбор и, нужно сказать, мужественно взяли на себя ответственность за его последствия, прекрасно зная, в чем они будут заключаться. Суровые условия существования и исторический опыт воспитали в горцах мироощущение, в котором не было места для чувства сострадания или снисхождения к врагу. Но и за своим противником они честно оставляли право не испытывать ничего подобного. Более того, подвиги великодушия ставили горцев в психологический тупик, единственным выходом из которого было убеждение, что это либо признак человеческой слабости, достойной презрения, либо извращенная форма унижения противника, достойная отмщения.

13–14 октября 1787 года, во исполнение приказа Г.А.Потемкина, войска П.А.Текелли (общей численностью 12 750 человек), разделившись на три колонны, вновь перешли Кубань (у Темишбека и Аджикале, или Турецкого Окопа). Месячный запас продовольствия и продуманный план действий свидетельствовали в пользу того факта, что шапкозакладательские настроения были чужды многоопытному генералу. Четыре дня (14, 15, 16, 17 октября) Текелли наступал, не встречая никого на своем пути. Мансур отходил на юго-восток, к горам. Там, на границе между Черкесией и Кабардой, в трудно проходимых ущельях жили абазины, принявшие сторону имама. Он, возможно, пытался заманить русские войска в такую же ловушку, в какую в свое время попал Пьери.

Но проделать то же самое с Текелли было не так просто: генерал располагал гораздо большими и правильно рассредоточенными силами, имея за своими плечами опыт нескольких войн и выкарабкивания из самых сложных ситуаций. За ним уже давно закрепились репутация «талантливого партизана», оказавшаяся как нельзя кстати на Северном Кавказе, где против горцев лучше всего было воевать их же оружием. Гоняться за Мансуром командующий не собирался. Во всяком случае, свою стратегическую цель он видел в другом – обескровить противника, лишить его всех средств к сопротивлению. Не изобретая ничего нового, Текелли принялся методично уничтожать покинутые горцами жилища,

захватывать скот и собранный урожай, предавать огню оставшееся на полях зерно. Это был целенаправленный удар по интендантским тылам Мансура, призванный подорвать моральный дух и физические возможности его ополченцев. И это оружие сработало довольно быстро.

18 октября в верховьях Малого Зеленчука абазинцы во главе с имамом попытались оказать сопротивление, но были разбиты. Вскоре к Текелли явилась абазинская делегация с просьбой о помиловании и принятии в подданство России. Генерал ответил согласием.

Собрав оставшиеся резервы, Мансур двинулся на запад, к верховьям Большого Зеленчука. Русские шли по пятам, пока не настигли его войско у реки Уруп, где горцам было нанесено окончательное поражение (приблизительно 21 октября). Имам, оставшийся с горсткой людей, бежал к туркам в Суджук-кале.

2 ноября 1787 г. войска Текелли вернулись на Кубанскую линию, где и расположились на зимних квартирах. За время похода русские потери составили 27 человек убитыми и пропавшими без вести и 57 ранеными. Была захвачена добыча, потребовавшая около 4 тысяч повозок. Удалось освободить русских людей (100 человек), плененных в результате набегов.

Таким образом, сугубо военную задачу, которая заключалась в подрыве материального потенциала, позволявшего восточным закубанцам угрожать России массированными, организованными нападениями, Текелли во многом решил. Судить же о морально-политических итогах кампании и, в частности, о ее психологическом воздействии на горцев было пока рано.

Екатерине II, естественно, сообщили о военной кампании Текелли как о большом успехе. Императрица, настойчиво просившая князя Потемкина держать ее в курсе кубанских дел, ответила награждением Текелли орденом Владимира Первого класса. Однако к чувству удовлетворения, испытанному государыней, вполне возможно, примешивалось удивление и огорчение по поводу того, что в победных донесениях почему-то продолжает присутствовать имя Мансура, в который раз разбитого, но по-прежнему живого и остающегося на свободе⁹.

Екатерина была бы рада больше никогда не вспоминать Мансура, особенно в переписке со своими иностранными корреспондентами, но сделать это все же пришлось. В письме к барону Ф.М.Гримму от

⁹ *Примечательно, что, регулярно спрашивая князя Потемкина о ходе событий на Кубани, Екатерина ни разу не поинтересовалась судьбой Мансура, видимо, полагая, что эта проблема уже не столь актуальна.*

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

11 декабря 1787 года она признала, что «имам Мансур, которого Порта сделала своим инструментом еще до разрыва мира», жив, хотя потерпел «полный разгром» и бежал в Суджук-кале¹⁰.

* * *

С ноября 1787 до конца 1789 года (то есть более двух лет) о Шейх-Мансуре практически нет упоминаний в источниках. Он как будто исчез так же внезапно, как и появился. Это выглядело довольно неожиданно и странно, особенно на фоне русско-турецкой войны, казалось бы, обещавшей стать звездным часом для человека с такими планами, как у Мансура. Чем объяснить выпадение столь яркой личности из времени, как будто судьбой ей предначертанного, историки пока не знают. Этот вопрос и в самом деле окутан тайной, как и многие другие страницы жизни имама.

Следы Мансура теряются после его бегства с верховьев Кубани, по слухам, в Суджук-кале. Но там ли он скрывался в последующие годы или в Анапе, не ясно. Впрочем, важнее другое. Почему его не видно среди черкесов, к которым он для того и ушел в июле 1787 года из Чечни, чтобы продолжить свое дело в новой, более перспективной обстановке? Следствие ли это его социальной не востребоваемости или развившейся неуверенности в себе после очередного (уже какого по счету) поражения? А не приберегали ли его турки для какого-нибудь «часа X», намеренно не выпуская за пределы своих крепостей (если, конечно, он провел все это время именно там)?

Ответы на эти вопросы Мансур, скорее всего, унес с собой. Но это не лишает историка права искать их, опираясь на предположения, которые не противоречат общей логике доподлинно установленных событий.

Ни в одном документе о сентябрьских и октябрьских битвах нет имени Мансура, что заставляет задаться вопросом, почему он не участвовал в них. Малодушие исключалось заведомо: имам никогда не вызывал подозрений в принадлежности к робкому десятку. Бережливо-прагматическое отношение к нему турок? Тоже маловероятно, учитывая, что шансы потерять Мансура в бою были ниже, чем риск дискредитировать в глазах черкесов человека, претендовавшего на роль их военного вождя. Тогда что? Еще одна загадка...

¹⁰ Письма Екатерины Второй к барону Гримму. 1787 год // Русский архив. 1878. №10. С.154.

Возможно, ответ на нее дает донесение русского разведчика премьер-майора Хамурзина, в котором на основании собранной из разных источников информации утверждается, что еще недавно громкое имя Шейх-Мансура потеряло свое прежнее звучание. Имам утратил авторитет, влияние, социальную базу и превратился из вожака чеченцев в человека, «при турках находящегося»¹¹.

Чувствуя, что в таком качестве он не представлял особой ценности ни для Порты, ни для черкесов, Мансур попытался вернуть себе самостоятельную роль вообще и в закубанских делах в частности. Его неудачные военные выступления в Черкесии, а возможно еще какие-то факторы, закрыли для имама перспективу мобилизовать местные ресурсы для решения своей задачи. Искать их нужно было в другом месте, чтобы предъявить туркам доказательства своей состоятельности и нужности.

Пришлось вспомнить о Чечне. В начале 1788 г. Мансур отправил в свой аул Алды письмо, в котором призывал соплеменников «веру свою крепко содержать», «с русскими не мириться» и через месяц ожидать его прихода с двадцатитысячным войском для разгрома русских. Согласно донесению одного армянского купца, побывавшего в Алды, на призыв имама «все единодушно утвердились и дали присяги». Такое же послание было отправлено и к кабардинцам, которые якобы ответили, что «на потребный случай будут в готовности»¹².

Трудно даже предположить, на что рассчитывал Мансур, давая обещания, сдержать которые он не имел ни малейших шансов. Вероятно, он не нашел ничего лучшего как прибегнуть к своему старому способу воздействия на мифологическое сознание и воображение чеченцев. Могло ведь в принципе случиться и так, что они поднялись бы против России раньше, чем «появится» имам. Такой оборот дел сам по себе сыграл бы на руку Мансуру и возвысил бы его авторитет в глазах Порты.

Впрочем, все это лишь догадки. В реальности же оказалось, что никаких последствий письма имама не имели. Он все дальше уходил в тень событий, ход которых определяли другие люди.

Во всех документах, подробно излагающих события 1789 года, мы опять ни разу не встречаем имени Мансура, и это становится все более трудно объяснимым на фоне звучавших идей газавата и пробуждения единоверческих чувств к османам. Почему среди противников России,

¹¹ *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957. Т.2. С.563–564.*

¹² *Там же. С.564.*

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

поднимающих народ на священную войну, перечисляются малоприметные персонажи местной истории, но нет человека, носящего высокое имя имама и имеющего гораздо больше заслуг в борьбе с «неверными»? Мог ли (и если да, то с какой стати) командующий османскими войсками на Кавказе Батал-паша посчитать излишним прибегать на ответственном этапе подготовки крупной кампании против России к услугам организатора и проповедника такого масштаба, как Мансур?

Странно все это...

* * *

1789 год можно, вслед за некоторыми историками, назвать едва ли не самым «спокойным» в истории русско-турецкой войны на Северном Кавказе. Конец этого «тихого» года знаменателен тем, что на исторической сцене, наконец-то, вновь появляется Мансур, точнее его имя. Султан Селим III, как стало известно русским, послал «пророку» фирман, повелевавший склонять горцев к соединению с турками и готовиться к совместному выступлению грядущей весной. Это, безусловно, важный документ, который можно было бы истолковать как свидетельство возвращения Мансура в игровое поле кавказской политики. Но пока это возвращение скорее образа, чем реального деятеля. Его имя промелькнуло в перечне заслуживавших внимания фактов, относившихся к 1789 году, чтобы опять исчезнуть на довольно долгое время.

Как и прежде, было неизвестно доподлинно, где он находится и чем занимается. Полное выпадение этого персонажа из событийной картины, в которой он, казалось бы, обязан был присутствовать, остается труднообъяснимым. Местопребывание Мансура можно предположить лишь умозрительно: это либо Анапа, либо окружающие ее черкесские аулы, либо и то, и другое попеременно. По поводу его деятельности в этот период утверждать что-то определенное еще труднее. В свете призыва турецкого султана к активизации допустимо осторожное предположение о том, что Порты была недовольна пассивностью имама в ответ на все ее знаки внимания.

1790 год на Северном Кавказе был знаменателен генеральным наступлением многотысячной армии Батал-паши. Призванное решить судьбу войны, оно закончилось сокрушительным поражением. Сопутствующие этой кампании бурные события оставили в истории длинный след из имен собственных и подробных сведений о деяниях людей, руководивших или просто принимавших участие в боевых действиях.

Но среди них вновь нет Шейх-Мансура, что возвращает историка к уже традиционному для данного контекста вопросу: почему?

Его постановка на этот раз напрашивается с такой же неотвратимостью, с какой рождается другой вопрос – когда еще османам могла понадобиться помощь знаменитого горца, если не в период подготовки и осуществления самой важной, решающей операции на кавказском фронте русско-турецкой войны? Где тот более подходящий для них случай, на который стоило бы приберегать Мансура?

Почти непроницаемый флер тайны добавляет этому периоду жизни нашего героя тот факт, что после его отъезда из Чечни и появления в Черкесии, а затем в Анапе он, казалось бы, попал на хорошо освещенную историческую сцену, где каждый его шаг должен был бы быть на виду у современников. Но все они почему-то молчат. Неужели им нечего сказать о человеке, еще не так давно внесшем небывалое смятение в ряды русских войск на Северо-Восточном Кавказе? Не потому ли не слышно о Мансуре, что апогей его славы остался там, в глухом ичкерийском ущелье, где был разбит незадачливый Пьери?

**ТРЕТЬЯ АНАПСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ (1791):
ПОБЕДА, РОЖДЕННАЯ
ПОДВИГОМ И УДАЧЕЙ**

Это произошло в начале 1791 года. Именно тогда в исторические документы вновь вернулось имя Мансура в связи с сообщениями о письме, посланном им из Анапы к кабардинцам и народам Северо-Восточного Кавказа. Там говорилось: «Изъявляю вам искреннее почтение мое и советую очистить сердца ваши от пороков и ходить путем истины, по закону Божию. Старайтесь ополчаться против незаконных и мужественно наносите им вред. Я знаю достоверно, что война русских уже страшит; собираю теперь силы; ожидаю прибытия сюда войск правоверных и, с ними соединясь, предприму наступление на русских. Не бойтесь угроз их. Настало уже время ослабления незаконных и торжества мусульманов»¹³.

С этого момента можно с большой долей вероятности утверждать, что Мансур находится в Анапе, где он не слишком удовлетворен своим бездействием и своим статусом то ли союзника, то ли заложника турок. Цитированное его письмо – это, скорее всего, стремление напомнить о себе, выбрать для себя более внятную роль в грядущих событиях, хотя

¹³ Бутков П.Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*. СПб., 1869. Ч.2. С.231; Дубровин Н. *Указ. соч.* Т.2. С.270.

на фоне тогдашних обстоятельств оно выглядит не более чем подручным элементом в османской пропаганде.

«Воскресение» Мансура, конечно, не было для командующего русскими войсками на Кавказе Гудовича проблемой номер один, но оно создавало дополнительные трудности, заставляя в ходе подготовки новой анапской экспедиции учитывать высокую вероятность живого отклика черкесов на призывы имама. И.В.Гудович рассчитывал на деморализацию неприятеля, всячески стараясь избежать кровопролитного штурма. В какой-то момент ему показалось, что дух защитников Анапы сломлен. Генерал прекратил огонь и 20 июня в 8 часов утра послал к начальнику анапского гарнизона Мустафа-паше офицера с предложением о почетной капитуляции, гарантируя свободный выход из крепости гарнизона и мирных жителей. В противном случае Гудович обещал Анапе участь Измаила.

Мустафа-паша, как утверждают источники, готов был согласиться. Для этого у него имелись весомые причины, вытекавшие из конкретного военно-оперативного анализа возможности выстоять. Но все они, в конечном счете, объединялись осознанием одного, самого важного факта: не для того русские в третий раз пришли к Анапе, чтобы вновь уйти ни с чем. Искушение двух предыдущих бесславных попыток стало делом принципа. Непроглядный дым пожарищ и град ядер, обрушившийся на крепость, лишний раз напоминали об этом. Мустафа-паша не был ни трусом, ни фанатиком. К войне он относился вполне профессионально, как к организованной государствами игре – кровавой, но с определенными правилами. Они вовсе не запрещали полководцам подчиняться безвыходным обстоятельствам, в том числе для сохранения жизни своих солдат, и не обязывали их искать героическую смерть. Все это морально облегчало для Мустафа-паши принятие решения о капитуляции.

И он, вероятно, принял бы его, если бы в крепости не было Мансура, который придерживался более взыскательных представлений о воинской доблести. Имам категорически настаивал на сопротивлении. Возникает логичный вопрос: почему именно за ним, а не за командующим анапским гарнизоном осталось последнее слово? Не потому ли, что Мансур действительно «господствовал над умами народа», как писал П.Г.Бутков?¹⁴ Весьма вероятно, ибо в экстремальных ситуациях упраздняются привычные, в том числе иерархические, взаимоотношения меж-

¹⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.2. С.235.

ду людьми, уступая место другим психологическим законам. Дух взял верх над чином. Имам взял верх над генералом.

Мансур возвысил знамя священной войны. Возвысил над обыденностью, над рациональными соображениями, над страхом. И перед этим напором отступили все: одни – чтобы устоять перед врагом, другие – чтобы уйти в лучший мир достойно. Для «пророка» настал звездный час, которого он ждал, быть может, всю свою жизнь. Ждал, когда терпел одно поражение за другим в Чечне и Дагестане. Когда, всеми покинутый, скитался в поисках спасения. Когда совершал переход в Черкесию, чтобы потерять почти все свое войско при первой же встрече с русскими. Когда томился от долгого бездеятельного сидения в Анапе. Теперь настала пора либо поквитаться с судьбой за неудачи, либо покориться ей. Одного Мансура не хотел точно – выйти из своего постылого пристанища под конвоем гяуров и закончить свой жизненный путь в русском плену.

Выстоять под давлением человека с такой мотивацией и с такой нравственной энергией, не потеряв себя в глазах защитников крепости, Мустафа-паша не мог. Ему пришлось умыть руки. С этого момента Анапу обороняли воля и дух Мансура. Ответом на предложение Гудовича были пушечные выстрелы вслед возвращающемуся русскому парламентарю. Штурм Анапы перестал быть вопросом выбора. Большим вопросом, однако, оставалась степень вероятности успеха и его цена. Гудович не имел никакой гарантии на победу. Фактор времени работал на турок. Рассчитывать на то, чтобы взять их измором, не стоило: довольствия у них, в отличие от русских, хватало вдоволь. Еще не все потенциальные ресурсы укрепления обороноспособности Анапы были исчерпаны.

Между тем Гудович не располагал ни осадной артиллерией, ни инженерными частями, а компенсировать их отсутствие можно было только внезапностью атаки с использованием максимально возможного количества войск, готовых на любые жертвы. Лобовой штурм представлял собой тем больший риск, что турок уже нельзя было застать врасплох. Что касается превращения всех имевшихся у Гудовича сил в штурмующие колонны, то такая мобилизация опасно оголила бы тылы и таила фатальные последствия, учитывая крупные скопления в ближайших лесистых холмах черкесов, ждавших от русских малейшей ошибки, чтобы молниеносно нанести разящий удар. Пока же они занимались тем, что постоянно тревожили противника то здесь, то там, чиня ему серьезные помехи во всем, включая добывание фуража.

Одним словом, с каждым днем потенциал обороны сокращал потенциал наступления. Мысль о том, что эта тенденция грозит принять критический характер, крайне обеспокоила Гудовича после получения известия о возможности скорого прибытия в Анапу османского флота (32 корабля) с десантами. Данное обстоятельство повышало вероятность провала штурма и повторения в еще худшем варианте прошлогодней неудавшейся экспедиции генерала Ю.Б.Бибикова. И.В.Гудович откровенно признавал, что «в стране неприятельской, в стане, окруженном со всех сторон или морем, или врагами», это реально¹⁵.

Игра на опережение приобретала для генерала особый, безальтернативный и драматический смысл. Оставалось, как писал сам Гудович, надеяться «на милость Божию». Впрочем, была еще одна великая сила, на которую уповал Гудович. Имя ей – русский солдат, мужественный, терпеливый, всегда готовый к героическим поступкам, но не всегда знающий им цену. Он жил в подвиге так же, как подвиг жил в нем. Такой способ сосуществования носил буднично-бытовой характер и не ассоциировался с чем-то исключительным. Жизнь вблизи смерти и в постоянном преодолении страха через тяжкий ратный труд была для русского воина настолько повседневной частью бытия, что он никогда и не подумал бы назвать ее героизмом.

Весь день 21 июня прошел в приготовлениях к штурму, морально-психологическому предварению которого придавалось особое значение. Гудович объезжал войска, стараясь ободрить их своей уверенностью в победе. Генерал не только воодушевлял солдат призывами представить себе «всю славу успеха», когда он будет достигнут, но и предупреждал их об отсутствии выбора между победой и поражением, ибо последствия неудачи, если вдруг она случится, трудно даже вообразить.

Нужны ли были такие страдания и сыграли ли они какую-нибудь роль – остается лишь гадать. Вне сомнения другое: организационно-техническую подготовку штурма Гудович, несмотря на спешку, произвел исключительно профессионально. Войсковые части были рассредоточены так, чтобы обеспечить максимально быстрое и эффективное взаимодействие между ними в условиях, когда любая неожиданность могла обрушить весь русский план сражения и потребовать срочных корректив. Чтобы не дать такой ситуации застать себя врасплох, Гудович позаботился о мобильных резервах, готовых оказать скорую помощь на проблемных участках атаки. Ну и, конечно, он постарался вы-

¹⁵ См.: *Северная пчела*. 1828. №85.

смотреть в системе неприятельской обороны наименее защищенные места, куда и направил свой главный удар.

Штурм начался на рассвете 22 июня. Ему предшествовала артиллерийская подготовка, под прикрытием которой русские войска вплотную приблизились к крепости. Гарнизон и жители Анапы оказали мужественное сопротивление. «Штурм, – писал И.В.Гудович, – был жестокий и кровопролитный; неприятель, не имея никакого убежища, кроме Черного моря, оборонялся отчаянно, имея больше нежели втрое против атакующих войска, за глубоким и широким рвом, одетым камнем. Пять часов продолжался жестокий ружейный и картечный огонь, и победа была сумнительна»¹⁶. Это подтверждают рядовые участники событий, один из которых вспоминал: «Дрались с обеих сторон с необычайной лютостью»¹⁷.

Атакующих расстреливали пулями и картечью почти в упор. Сразу же выбыли из строя командиры трех из пяти штурмующих колонн. Первая атака на правый, относительно слабый фланг обороны противника захлебнулась. Та же участь постигла 5-ю колонну генерала Шица, наступавшую на левый, более укрепленный фланг. Лишь 4-й колонне полковника Самарина удалось выполнить свою задачу – взять подъемный мост, – однако ей тут же пришлось идти на выручку другим.

Турки, черкесы и ногайцы дрались храбро и умело. Некоторым подразделениям, овладевавшим каким-то участком крепостного вала, не удавалось развить успех, поскольку некому было взять на себя руководство боевыми действиями: командиры погибали или выбывали из строя, не успевая сменить друг друга.

Ожидал такого начала Гудович или нет, но ему сразу же пришлось вводить в бой все резервы. Риск был колоссальный, поскольку никаких других козырей, кроме уже выложенных на стол, у командующего больше не оставалось. Весы судьбы замерли в хрупком равновесии, готовые в любую минуту склониться в пользу турок. Тень беды, нависшая над русскими войсками, сгустилась еще сильнее, когда 8 тысяч черкесов ринулись с окрестных высот и дружно ударили по тылам наступавшей армии и по вагенбургу, внутри которого находились все продовольственные и боевые припасы.

¹⁶ *Московские письма в последние годы екатерининского царствования // Русский архив. 1876. №11. С.261.*

¹⁷ *Жизнь Александра Пищевича, им самим описанная // Чтения в Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете. 1885. Кн.2. С.141.*

Не учти Гудович этой возможности заранее и не оставь он в том пункте особый отряд генерал-майора Загряжского, горская атака, вполне вероятно, предрешила бы печальный для русских исход дела. Позже, оценивая этот момент, командующий писал: «Во всю мою жизнь не находил я себя в таком критическом положении»¹⁸.

Этим критическим положением Гудович был обязан одному человеку – Мансуру. В смертельной игре с русским генералом имам взвинтил ставки до предела, поставив на карту нечто большее, чем свою жизнь. Свое имя, свою честь, свое место в истории, наконец. Имам не оставил себя ничего среднего между победой над гяурами и мученической гибелью за веру. Когда готовился штурм Анапы, Мансур был в центре оборонительной работы, и физической, и моральной. Но, как только грянула русская канонада и полки неверных пошли на приступ, он, хотя и руководил военными действиями, в сущности, решал уже не военные проблемы, а разбирался с самим собой, выяснял, почти как герой Достоевского, но на свой, горский, манер, вечный вопрос: «Кто я, на что способен и чего стою?» Скорее всего, именно так настраивался Мансур на этот, быть может, последний, самый строгий экзамен в своей жизни. Он не торопился умирать, но смерти не боялся. Вверив себя Аллаху, имам неистово бросился в самое пекло выполнять свой долг перед теми, кто верил в него и готов был идти за ним до конца. Он хотел вымостить себе дорогу в рай земным подвигом во славу идеалов священной войны и переступить порог Вечности со словами: «Я сделал все, что было в человеческих силах».

Гудович моментально почувствовал настроение противника – по ожесточению, о которое разбились первые волны русских атак. Он ничего не преувеличивал, когда говорил, что судьба всего экспедиционного корпуса висела на волоске. Военные специалисты знают, каково это – подчистую задействовать все имеющиеся резервы на самой ранней стадии сражения при полной неясности перспектив. У Гудовича не было времени на размышление об источнике той энергии сопротивления, которая вынудила ввести в бой почти все, что у него было, едва ли не в первые минуты штурма. Теперь оставалось ждать, хватит ли введенных в дело сил, чтобы переломить ситуацию или, называя вещи своими именами, спасти ее. Если не хватит и наступающие войска выдохнутся, то самым страшным в тех условиях будет отход назад, чреватый разгромом всего корпуса.

¹⁸ *Московские письма в последние годы екатерининского царствования. С.262.*

Какие жуткие, «неджентльменские» сюрпризы заготовливают горцы для отступающих и что потом делают с угодившими в их ловушки – было хорошо известно. Опыт войны в горах уже не раз убеждал в том, что нет более сильного образа для воинственного перевозбуждения горца, чем вид спины отступающего противника.

Гудович, возможно, догадывался, что ему противостоит не только вражеская армия, но и невидимый вдохновитель этого отчаянного сопротивления. Чтобы одолеть великий союз военной силы и человеческого духа, одного полководческого искусства было мало. Нужен был составленный из тех же элементов контрсоюз. У Гудовича такое орудие имелось. Каждый из его закаленных в боях воинов мог гордиться своей личной историей преданного служения Отечеству. Они не нуждались в проповеднике, который взывал бы к их чувству долга и объяснял бы, во имя чего им необходимо выстоять. Пройдя через тяготы и испытания, познав триумфы и горечь утрат, простые русские солдаты не собирались пасовать ни перед кем.

Схлестнулись две воли к победе. И это, в конечном итоге, решало все и было важнее правильных или ошибочных военно-оперативных планов. Гудович в каком-то смысле стал посторонним лицом в схватке двух армий. Двинув на поле боя все, что у него имелось, он уже не мог кардинально повлиять на ход событий, которые неумолимо развивались по своей, в чем-то метафизической, логике. Генерал погрузился в изнурительное ожидание. Тягостная, драматическая суть этого ожидания заключалась в том, что он не знал, куда движутся стрелки его часов – к триумфу или к позору. В любом случае, они ползли медленно, невыносимо медленно для человека, ждущего приговора судьбы.

Прошел час, второй, третий, четвертый... Ровно такое же число русских атак было отбито. Потери росли угрожающе. А с ними и взаимное ожесточение. Шансы сторон колебались, придавая динамике ситуации сходство с качелями. Где они «успокоятся», куда переломится эта динамика, при той готовности биться на смерть, которую героически демонстрировали оба противника, никто не знал до последнего момента. Все физические и моральные силы, еще остававшиеся у русских, были собраны в кулак для пятого по счету и решающего по значению приступа. Всего себя мобилизовал и неприятель, тоже чувствовавший приближение кульминации.

Шел восьмой час утра. Несмотря на то, что ряды обороняющихся поредели, соотношение сил по-прежнему было не в пользу наступающих. К этому времени русским ценой неимоверного напряжения уда-

лось овладеть некоторыми участками крепостного вала. Казалось, нужно еще одно усилие и противник где-нибудь да дрогнет. Вопрос был в том, откуда взять эти силы. Атакующие колонны находились на пределе человеческих возможностей.

У Гудовича оставалось 100 егерей, которых он держал при себе на самый крайний случай. Они являлись последним, что еще можно было бросить на чашу весов, чтобы склонить ее в пользу русских. «С сими, – писал Иван Васильевич, – я положил конечно (решил окончательно. – *В.Д.*) или победить или пасть на ратном поле»¹⁹. В сравнении с общей массой войск, участвовавших в штурме и обороне Анапы (более 50 тысяч человек), сотня егерей – это крохотная величина. Но, похоже, она и сломала тот скользкий баланс между триумфом и трагедией, который сохранялся в течение пяти часов кровавой мясорубки.

Не обошлось и без вмешательства фортуны. Восемь тысяч черкесских конников, обрушившихся на тылы штурмующих колонн в разгар наступления, представляли смертельную опасность. Они фактически брали противника в окружение, создавая для него реальную перспективу поражения. Но тут на помощь Гудовичу пришел обычай горцев, их, так сказать, набеговой инстинкт, плохо подчинявшийся контролю и боевой дисциплине. Черкесы вместо того, чтобы решать возложенные на них, как на османских союзников, стратегические задачи, бросились на вагенбург, чтобы разграбить хранившиеся там продовольственные запасы. После того как генерал Загряжский со своим отрядом отбил их атаки, горцы отошли на приличное расстояние и оттуда наблюдали за штурмом, готовые в любой момент воспользоваться его провалом, либо окончательно ретироваться, если победят русские.

Вскоре глазам этих наблюдателей открылась огорчительная для них картина: гяуры наконец-таки взяли верх над правоверными защитниками Анапы. Наступавшие проломили оборонительные порядки и ворвались в крепость. Хотя там им и пришлось вести жесточайшие уличные бои, психологическое преимущество уже было целиком на стороне русских. Вскоре наступил момент, когда турки, теснимые отовсюду, оказались физически дезорганизованными и морально сломленными. В сопротивлении почти никто уже не видел смысла.

Понимал его бесполезность и Мансур. Но для него, человека, давно привыкшего к близкому дыханию смерти, душа которого настроилась на последний подвиг у входа в райскую обитель, земные, рациональные

¹⁹ *Московские письма в последние годы екатерининского царствования. С.261.*

категории утратили значение. Сейчас самое важное – встреча с Тем, кто воздаст имаму по заслугам не здесь, в круговороте суеты и порока, а там, в высокой небесной тиши, где все обретает свою подлинную цену и свои настоящие имена. Преддверием для этой сакральной встречи Мансур избрал погреб, в котором он, запершись вместе с шестнадцатью своими приверженцами, намеревался стоять до последнего вздоха, чтобы принять мученический венец.

Однако на роду ему была написана другая смерть, не здесь и не сейчас. Сказано ведь в Коране: «Никому не дано умереть иначе, как с позволения Аллаха». 22 июня 1791 года такого позволения для Мансура не последовало. Вместо черного ангела к нему явился посланец генерала Булгакова с сухим уведомлением, что в случае продолжения сопротивления погреб будет взорван. Поскольку имам хорошо знал, что останется от человека, попавшего в эпицентр большого взрыва, такая «некрасивая» дорога в рай его не устраивала. Он не хотел быть доставленным туда по частям. Какие еще мотивы заставили его сдаться, мы не знаем. Но если среди них присутствовало чувство страха, то оно было таким же ничтожным, как и надежда спастись от русского плена.

Приблизительно около 8 часов утра Мансур, «душа всей обороны» Анапы, как назвал его один русский историк, вышел из землянки на свет не самого счастливого дня в своей жизни. Не его, а чужие идеи, замыслы и мечты торжествовали в тот день. Торжествовала русская воля к победе.

В отличие от Мансура, высший командный состав анапского гарнизона во главе с Мустафа-пашой, вместе с другими османскими военачальниками и представителями черкесской знати, сдался без особых нравственных терзаний. Но эти пленники, при всей их знатности, обладали в глазах победителей гораздо меньшей ценностью, чем Шейх-Мансур. С турецкими командирами обошлись в соответствии с тогдашними международными обычаями – вернули их на родину. Шейх-Мансура ждала другая участь. Его отправили в Петербург в Шлиссельбургскую крепость, а затем в Соловецкий монастырь. Для Екатерины II он был не представителем побежденной стороны, а мятежником, сбившим с толку чеченский народ, «многократно присягавший на подданство России».

Факт пленения Шейх-Мансура не получил должного информационного освещения, рассчитанного на кавказских горцев, потому что он, с точки зрения Петербурга, говорил сам за себя и не нуждался в дополнительном пропагандистском тиражировании. В российской столице еще

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

не настолько хорошо познали Северный Кавказ, чтобы вникнуть в суть его мифологического мышления, которое, в отличие от рационального, порой не требует никаких доказательств в отношении невероятного, но зато настаивает на них, когда дело касается абсолютно очевидного.

Отчасти благодаря недооценке этой особенности массового сознания рождались фантастические домыслы. В течение довольно продолжительного времени среди горцев бытовало убеждение в том, что русские правители (видимо, из чувства глубокого пиетета к Шейх-Мансуру) никуда имама не ссылали, а пожаловали ему несколько имений в кавказских горах, где он и жил в свое удовольствие.

* * *

В Анапе закончилась героическая часть жизненной эпопеи Мансура. Началась тоскливая проза доживания. Его отправили в Петербург как обыкновенного пленника, в обращении с которым не было ничего похожего на почести, оказанные через 70 лет имаму Шамилю фактически всей Россией, и официальной, и простонародной.

Мансур сразу же попал в ведение людей, обязанных строго стеречь его, как бунтовщика, и вести с ним допросные речи, не предназначенные для обнародования. Единственное, чем его удостоила (если верить легенде) высшая власть в лице Екатерины II, – беглый взгляд из дворцового окна, под которым «пророка» провели специально по указанию императрицы. Было ли в этом взгляде что-то, кроме любопытства, – одному Аллаху известно.

Судьба каким-то образом помогла Мансуру до конца сохранить свой таинственный ореол даже тогда, когда он во всей своей плоти предстал перед имперской тюремно-следственной машиной, казалось бы, для того и созданной, чтобы срывать покровы тайны. Весьма странно, что при таких обстоятельствах фактически ничего не известно о последних годах жизни знаменитого узника. Даже о месте его заточения (Шлиссельбургская крепость или Соловецкий монастырь) нет единого мнения.

По официальным данным, Мансур умер 13 апреля 1794 года в Шлиссельбурге и похоронен неподалеку от крепости «без всякого обряда».

Доверять этому сообщению или нет, но, похоже, настоящая жизнь нашего героя началась после его смерти – жизнь в истории, легендах, народной памяти. И, конечно, в бурных перипетиях нынешней реальности, вольно или невольно превращающей Шейх-Мансура в нашего современника.

Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному; к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

Некоторые из нас глубоко устали
и, быть может, готовы, под
разными злостными влияниями,
разочароваться в том деле,
которому они так или иначе
служили, готовы назвать свое
пребывание на чужбине
никчемным и даже зазорным.
Наша цель – твердо сказать:
подымите голову! Миссия, именно
миссия, тяжкая, но и высокая,
возложена судьбой на нас.

И.А. Бунин

Михаил Ковалев

**«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ
МЫ РАСТЕМ
И В СВОИХ,
И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»**

**ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ (1921–1930)¹**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94

The article covers the phenomenon of scientific congresses organized by Russian émigré scientists during the 1921–1930 years. These congresses combined Russian academic community abroad, coordinated scholars's activities, regulated system of education and scientific manpower training. The article is devoted to the congresses organized in Prague (1922), Belgrade (1929) and Sofia (1930). A.A.Kizewetter, A.V.Florovsky, A.S.Lomshakov, N.O.Losky, M.M.Novikov, P.B.Struve and others were members of congresses. Congresses have played a huge role in the development of scientific communication between Russian émigré scientists.

Ключевые слова: Зарубежная Россия; научные съезды; русские академические группы; история науки; Прага; Белград; София.

Key words: Russia Abroad; scientific congresses; Russian academic groups; the history of science; Prague; Belgrade; Sofia.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Окончание. Начало: *Россия XXI*. 2013. №4.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01251a2 и в рамках гранта Института Георга Эккерта – Института Лейбница (Georg-Eckert-Institut – Leibniz Institut für Internationale Schulbuchforschung).

ВТОРОЙ СЪЕЗД РУССКИХ УЧЕНЫХ

Второй съезд русских академических организаций за границей, прошедший 9–13 октября 1922 года в Праге, продолжил решать организационные вопросы. И вновь эмигрантский научный

конгресс получил значительную поддержку со стороны чехословацких властей, выделивших на его проведение 50 000 крон и предоставивших участникам бесплатные залы заседаний, питание и льготный проезд по железной дороге². Карлов университет, как и в минувшем году, взял на себя покровительство над съездом, а его новый ректор профессор-правовед Кирилл Горачек принял звание Почетного председателя съезда. Именно патронаж со стороны правительства и общественных кругов республики способствовал повторному проведению эмигрантской встречи в Праге.

В работе съезда с правом решающего голоса участвовали представители ряда академических групп³ и Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев⁴. Кроме того, от лица Правления Союза русских академических организаций за границей в нем участвовали А.С.Ломшаков, В.А.Францев, А.А.Копылов, А.А.Вилков, В.Д.Варенов. Почетными членами съезда с решающим голосом стали академики Н.И.Андрусов, Н.П.Кондаков, П.Б.Струве и В.А.Францев. Всего в съезде приняли участие 35 делегатов с правом решающего голоса, причем 15 из них проживали в Праге. В общем числе участники представляли более 500 членов Союза русских академических организаций за границей⁵. Особенностью съезда было то, что его работа широко освещалась Русским телеграфным агентством и бюро печати РУССУНИОН.

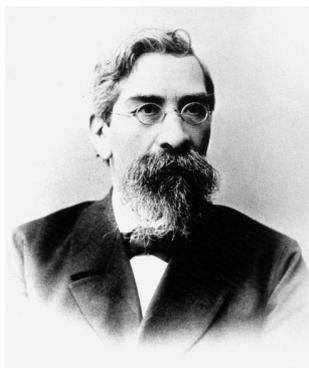
² Съезды русских академических организаций за границей. 1-й съезд. 10–17 октября 1921 года. 2-й съезд. 9–16 октября 1922 года. Прага, 1923. С.99.

³ Были представлены академические группы: при I Армейском корпусе в Болгарии (Н.Н.Малышев и Г.И.Ширяев); в Болгарии (И.А.Базанов и В.В.Завьялов); в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Е.В.Аничков); в Бельгии (Л.М.Берлин); в Великобритании (В.Г.Коренчевский); в Париже (А.Н.Анцыферов, А.В.Карташев, Л.И.Кепинов, Н.М.Могиланский и Д.М.Одинец); в Польше (Д.М.Соколов); в Чехословакии (Г.В.Вернадский, Д.Д.Гримм, И.Д.Жуков, С.В.Завадский, В.И.Исаев, П.И.Новгородцев и А.П.Фан-дер-Флит); в Эстонии (М.А.Курчинский).

⁴ Ал.Д. и Ант.Д. Билимовичи, Н.М.Бубнов, Е.В.Спекторский, В.И.Теребинский, В.В.Фармаковский.

⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С.99–100.

Сохранившиеся в Национальном архиве Чешской республики пресс-релизы позволяют восстановить картину заседаний и их итоги. За скупыми сообщениями скрывается важная информация, которую трудно почерпнуть из других источников.

Византиновед,
академик Н.П.Кондаков

На правах старейшего члена русского научного сообщества за рубежом заседания открыл академик Н.П.Кондаков⁶. Вслед за ним выступил А.С.Ломшаков, который выразил благодарность чехословацким властям и лично президенту Т.Масарику, премьер-министру Э.Бенешу и заместителю министра иностранных дел В.Гирсе. Слова профессора зал встретил овацией. Затем П.Б.Струве прочитал доклад «Русская наука в русской культуре», посвятив его памяти выдающихся историков М.А.Дьяконова и А.С.Лаппо-Данилевского, безвременно ушедших из жизни (1919) в ужасающих условиях большевистского Петрограда⁷.

На первом собрании был избран Президиум⁸. Работа съезда проходила в общих собраниях и на заседаниях специальных комиссий, избранных для обсуждения докладов и общих вопросов. Всего было создано десять таких комиссий:

- по проверке полномочий членов съезда,
- по рассмотрению отчетов Правления и съезда,
- по рассмотрению вопросов о положении русских студентов,
- по вопросам о положении русских ученых за границей,
- по вопросу о помощи русским ученым за границей,
- по изданию ученых трудов и учебников,
- по вопросам русской средней школы за границей,
- по вопросу об учреждении Русского педагогического института и Курсов общественной гигиены,
- по рассмотрению изменений в Уставе Союза,

⁶ Второй съезд русских ученых // Студенческие годы. Прага, 1922. №3–4. С.20.

⁷ Струве П.Б. Русская наука в русской культуре // Возрождение. Париж, 1926. 7 июня.

⁸ Председатель – Е.В.Спекторский, его заместители – А.Н.Анцыферов, Д.Д.Гримм и П.И.Новгородцев, секретари – Г.В.Вернадский и В.И.Исаев.

- по выработке Положений о государственных испытаниях и экзаменах и защите диссертаций на ученые степени⁹.

Комиссия по улучшению быта студентов наметила ряд конкретных мер. Докладчики подчеркивали, что даже в тех странах, где русская молодежь получает правительственную помощь, ее материальное положение остается тяжелым, незавидным. «Проходя по Белграду мимо строящихся зданий, – говорил профессор Е.В.Спекторский, – я с болью в сердце видел, как со мной раскланиваются чернорабочие, которых отличают от других рабочих только интеллигентные лица, – это мои слушатели»¹⁰. Осознавая важность и сложность этого вопроса, делегаты съезда предложили создать международную организацию по оказанию помощи эмигрантскому студенчеству. В итоге съезд принял Постановление о внедрении студенческой анкеты, о выработке общего плана размещения студентов в разных странах, о срочных мерах по оказанию им материальной помощи, о снабжении студентов учебными пособиями, о создании международного комитета спасения русской молодежи¹¹.

Комиссия по социальной гигиене подчеркнула важность подготовки инструкторов по дезинфекции, дезинсекции, бактериологии, гигиене и санитарной технике на специальных 6-месячных курсах. Базой для таких курсов могли бы стать чехословацкие университетские лаборатории. Проблема эта для эмиграции была в числе острейших, ввиду распространения в послевоенной беженской Европе туберкулеза, инфекционных заболеваний. Инициатива была поддержана дочерью чехословацкого президента Алисой Масариковой, которая выступила на съезде 11 октября и заверила, что будет способствовать выделению средств¹².

На заключительном общем собрании был обновлен состав Правления Союза русских академических организаций за границей. А.С.Ломшаков сохранил пост председателя, а В.А.Францев и А.А.Копылов – его заместителей. Членами правления были избраны Е.В.Спекторский, Д.Д.Гримм, П.Б.Струве, П.И.Новгородцев, С.А.Острогорский. Казначеем и секретарем стали А.А.Вилков и В.И.Исаев соответственно. Все делегаты осознавали и признавали выдающуюся роль А.С.Лом-

⁹ Съезды русских академических организаций за границей. С.101–102.

¹⁰ Съезд русских ученых в Праге. Пятый день – доклады с мест // Národní archiv ČR (далее – НА). F. Ministerstvo zahraničních věcí – Ruská pomocná akce (далее – MZV–RPA). Kart.329. Inv.č. 186.

¹¹ Съезды русских академических организаций за границей. С.113.

¹² Там же. С.102.

шакова не только в организации съезда, но и в научной жизни эмиграции вообще. В выступлении на закрытии съезда Е.В.Спекторский говорил, что энергия и отзывчивость профессора являются гарантией того, что работа Союза русских академических организаций за границей, «как бы становящегося русским министерством народного просвещения за границей, находится в твердых и надежных руках»¹³.

В пятый, заключительный день съезда были заслушаны доклады о деятельности академических групп в разных странах Европы: Н.М.Могилянскогo – о Русской академической группе в Париже, Е.В.Спекторского – об Обществе русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Г.И.Ширяева – о Русской академической группе при I Армейском корпусе в Болгарии, П.И.Новгородцева – о Пражской академической группе¹⁴.

В заключительный день съезда для его участников был организован вечер в обществе «Мещанская беседа». Перед гостями выступил К.Крамарж. В речи, проникнутой глубокой любовью к России и верой в нее, он говорил об истории чешской политической мысли и чешско-русских интеллектуальных связях. Затем слово было предоставлено русским профессорам, и перед всеми гостями выступили Е.В.Спекторский, Е.В.Аничков, Н.М.Бубнов, А.В.Карташев¹⁵.

В числе важнейших решений съезда было создание в Праге двух эмигрантских научных учреждений. Первым из них стал Русский педагогический институт имени Я.А.Коменского, о необходимости открытия которого говорил годом раньше С.В.Маракуев. Институт ставил задачей реорганизацию образования в России посредством подготовки высших педагогических кадров, поэтому в ряды слушателей принимались только лица с законченным высшим образованием и педагогическим стажем¹⁶. Во главе института встал профессор С.А.Острогорский, бывший директор курсов имени П.Ф.Лесгафта в Петрограде. Превосходный уровень преподавания обеспечивали отменные специалисты¹⁷. Силами ведущих исследователей преподавался широкий круг гуманитарных дисциплин – славяноведение (В.А.Францев), русская история

¹³ Там же. С.102, 111.

¹⁴ Съезд русских ученых в Праге. Пятый день – доклады с мест.

¹⁵ Вечер в «Мещанской беседе» // *NA. MZV-RPA. Kart. 329. Inv. č. 186.*

¹⁶ *Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Ред.-изд. С.П.Постников. Прага, 1928. С.89–90.*

¹⁷ Среди них литературовед А.Л.Бем, философы С.Н.Булгаков, В.В.Зеньковский, И.И.Латшин.

(А.А.Кизеветтер), история педагогики (А.В.Флоровский)¹⁸. Правда, существует Русский педагогический институт недолго. Уже к середине 1920-х годов число школьников в эмиграции уменьшится, а значит, сократится потребность в педагогах. Кроме того, будет постепенно угасать надежда на скорое возвращение на Родину, в обновленную Россию без большевиков. В 1925 году состоится последний прием слушателей, а годом позже Русский педагогический институт будет закрыт¹⁹.

Вторым учреждением, созданным по итогам съезда и при активном лоббировании со стороны А.С.Ломшакова, стал научно-исследовательский Русский институт в Праге. Делегаты обсудили и одобрили план его работы. Однако Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословакии (Земгор), через который в начале 1920-х годов осуществлялось финансирование эмиграции, не желал помогать детищу профессора Ломшакова. Контролировавшие Земгор эсеры имели хорошие отношения с Министерством иностранных дел Чехословакии, чтобы убедить чиновников, что они (эсеры) сами должны взять на себя ведущую роль в изучении России и тем самым добиться исключительного финансирования своих исследовательских проектов. Но профессор, имевший обширные связи в чешских научных и политических кругах, сумел получить необходимые для организации института средства из неправительственных источников²⁰.

Правовед П.И.Новгородцев объяснил необходимость открытия Русского института именно в Праге культурной близостью русского и чешского народов: «Мы, русские, живо чувствуем наше глубокое отличие от чехов, но в то же время мы ощущаем и какую-то родственную близость к ним, какую-то кровную связь с ними. И, живя здесь, мы знаем, как любят и ценят здесь русскую музыку, русскую поэзию, русскую

¹⁸ Учебный план Русского педагогического института // Архив Российской Академии наук. Ф.1609. Оп.1. Д.227. Л.1–2; Учебный план Русского педагогического института // НА. F. MZV–RPA. Kart. 111. Inv. č. 84; Список преподавателей Русского педагогического института имени Яна Амоса Коменского // Ibid. Kart. 112. Inv. č. 84; Русские в Праге. С.89; Ковалев М.В. Антоний Васильевич Флоровский и Русский педагогический институт в Праге // Экология: синтез естественнонаучного, технического и гуманитарного знания: Материалы всероссийского форума. Саратов, 2013. Вып.3. (в печати).

¹⁹ В Русском педагогическом институте // Руль. Берлин, 1924. №1187; Русские в Праге. С.90; Andreyev C., Savický I. *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938*. New Haven; L., 2004. P.100.

²⁰ Andreyev C., Savický I. *Op. cit.* P.102.

мысль и как от всего сердца хотят блага и счастья России. Мы знаем, что наш голос не будет здесь гласом вопиющего в пустыне»²¹. Причем П.И.Новгородцев верил, что в будущем подобные институты могут возникнуть и в других странах мира.

В Положении об институте говорилось: «Русский институт в Праге учреждается Союзом Русских Академических Организаций за границей в целях утверждения и развития русской культуры вообще и, в частности, русской науки. Русский Институт в Праге имеет также своей задачей сближение России с Чехословакией и распространение сведений о России, русской культуре и результатах текущей работы русских ученых, писателей и представителей всех областей знания и искусства»²². К функциям института было отнесено осуществление научно-исследовательской и просветительской работы. Первое направление предусматривало проведение научных мероприятий и публикацию результатов исследований. Второе – предполагало устройство популярных лекций для русской и чешской аудитории, которые могли читаться на одном из двух языков²³. Отличительной чертой института от иных организаций, возникших при участии эмигрантов, было его изначальное подчинение чехословацким властям. Правительственные круги рассматривали его как важный аналитический и консультативный центр. В личном фонде выдающегося геолога Радима Кеттнера в Архиве Академии наук Чешской республики сохранилась небольшая записка, четко и ясно очерчивающая эти стратегические задачи, исходя из представлений о неразрывной связи России и славянства. Среди них, помимо знакомства чехословацкого общества с духовной и материальной культурой русского народа, обозначены выгоды торгово-промышленного сотрудничества (Россия рассматривается как крупнейший рынок сбыта чешских товаров), а также место республики в качестве экономического посредника между Россией и Западной Европой²⁴.

²¹ Съезды русских академических организаций за границей. С.118.

²² Положение о Русском Институте в Праге // Literární archiv Památníku národního písemnictví. F. Francev V.A. 2/E/1. Russkij institut.

²³ См.: Ковалев М.В. Русский институт в Праге в контексте российско-чешских интеллектуальных связей 1920–1930-х гг. // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л.Бабка, И.Золотарев. Прага, 2012. С.141–150; Его же. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С.180–186.

²⁴ Ruský institut v Praze // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. F. Radim Kettner. Sign.IV. Kart.51. Inv.č. 2712.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

Анализируя стратегию развития эмигрантской науки, обсуждаемую на съезде, нельзя обойти стороной вопрос о создании русского научного журнала за границей и организации специального издательства на кооперативных началах. Идея эта, впрочем, из-за недостатка финансов так и осталась нереализованной. Делегаты в очередной раз подтвердили необходимость активных контактов с международными научными организациями, например, Международным университетом в Брюсселе, Международной конфедерацией интеллигентных тружеников и др. Союзу русских академических организаций за границей надлежало представлять интересы русской науки и ученых перед ними.

Важность патронажа со стороны иностранных правительств, организаций и отдельных филантропов осознавалась всеми эмигрантами. Именно поэтому в заключительной речи Е.В.Спекторский благодарил чехословацкое правительство и народ республики, особенно К.Крамаржу, «в груди которого бьется сердце более русское, чем у иных русских по крови». Благодарили и югославского «короля-рыцаря» Александра I, и «Великую Северо-Американскую Республику, о которой еще Герцен писал, что именно ей суждено быть в тесной связи с Россией», и благородную светскую и духовную бельгийскую интеллигенцию с кардиналом Ж.-Д.Мерсье во главе, и «подлинных друзей России» во Франции²⁵. Важнейшим решением съезда, безусловно, стало окончательное принятие Правил о присвоении ученых степеней и защите диссертаций, разработка которых началась еще в 1921 году²⁶.

Все эти действия имели большое значение для развития русской науки в изгнании. «Своеобразное и, как казалось в прошлом году, лишь временное насаждение русской академической жизни в иностранной обстановке приобретает, как выяснилось на съезде, более длительный и планомерный характер, и, несомненно, оно не замрет даже и тогда, когда наступит желанный момент нашего возвращения в освобожденную

Правовед,
профессор Е.В.Спекторский

²⁵ Съезды русских академических организаций за границей. С.115–116.

²⁶ Второй съезд русских ученых. С.22.

от ига большевиков Россию», – заявил в интервью РУССУНИОНу председатель съезда Е.В.Спекторский.

Если первый съезд Русских академических организаций за границей был посвящен общим вопросам, то второй съезд решал уже конкретные проблемы, отказавшись, по сути, от широких деклараций. Его делегаты официально признали Прагу интеллектуальным центром Зарубежной России, «Меккой для русской интеллигенции, не приемлющей большевизма». В отчете о съезде говорилось, что русские ученые приветствуют «древнюю чешскую столицу, Золотую Прагу, одно имя которой уже таит в себе нечто бесконечно обаятельное и чарующее для каждого сознательно мыслящего и чувствующего русского славянина»²⁷.

И ВНОВЬ «ДОСТОСЛАВНАЯ СЛАВЯНСКАЯ ПРАГА»

В январе 1924 г. началась подготовка Третьего съезда русских академических организаций за границей, работу которого смогли организовать только к осени²⁸. Его заседания прошли в

Праге с 25 сентября по 2 октября 1924 года. И вновь русские ученые не смогли обойтись без поддержки со стороны республиканских и городских властей. В телеграмме приматору (мэру) Праги доктору К.Баксе профессор А.С.Ломшаков благодарил его от имени «русских профессоров, встретившихся в достославной славянской Праге»²⁹. Официальное открытие съезда состоялось 25 сентября в актовом зале Минералогического института (Албертов, 6), который часто использовался эмигрантами для проведения своих мероприятий. Секционные заседания проходили в Зоологическом институте Карлова университета (У Карлова, 3)³⁰.

Съезд был посвящен памяти двух скончавшихся накануне ученых – профессора П.И.Новгородцева и академика Н.И.Андрусова. Поэтому речи в их память прозвучали на торжественном открытии сразу после выступления В.А.Францева (на чешском языке) о научных связях между

²⁷ Съезды русских академических организаций за границей. С.111, 115.

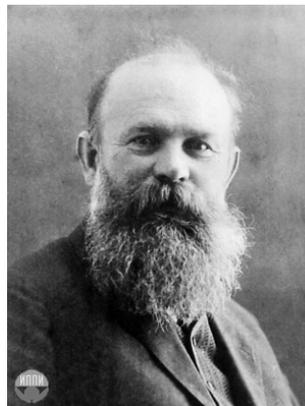
²⁸ Третий съезд русских академических организаций за границей // Огни. Прага, 1924. 28 января. №4.

²⁹ Telegram. Primátor měst pražských doctor Baxa. 25. září 1924 // Archiv hlavního města Prahy. F. Magistrát hlavního města Prahy I (далее – АНМР. F. Magistrát). Sign.15/153. Inv.č. 2285.

³⁰ Расписание занятий научных секций III-го съезда русских ученых в Праге // АНМР. F. Magistrát. Sign.15/153. Inv.č. 2285.

Россией и зарубежным славянством. На пленарном заседании был также заслушан обстоятельный доклад Г.В.Вернадского «О значении научных трудов академика Н.П.Кондакова»³¹. Сам знаменитый археолог выступил с программным сообщением «Научная постановка изучения истории Восточной Европы». Для академика съезд стал последним в жизни научным мероприятием. Вскоре он ушел из жизни.

Характерной чертой съезда стало преобладание научной стороны над организационной. Предыдущие два съезда даже не ставили своей задачей проведение научных заседаний. Однако уже на Втором съезде представители Русской академической группы в Париже высказали предложение в будущем приурочивать к рабочим, сугубо деловым встречам исследовательские доклады, что и было воплощено в жизнь в 1924 году³². Таким образом, Третий съезд Союза русских академических организаций за границей стал первым, на котором работали тематические секции: юридических и экономических наук, философских и историко-филологических наук, естественных наук и медицины, чистой и прикладной математики и технических знаний. Кроме того, из первой секции были выделены экономическая и юридическая подсекции, из второй – словесная и филологическая, из третьей – медицинская. Можно сделать вывод, что бытующее порой в историографии представление о Третьем съезде как организационном неверно. Эта точка зрения сформировалась из-за того, что его материалы не были изданы, хотя участники думали о публикации. Предполагаемое издание должно было составить 50 печатных листов, причем 40 из них отводилось текстам докладов (максимальный объем 10 000 знаков каждый), а 10 – прениям по ним³³.

Выдающийся геолог,
академик Н.И.Андрусов

³¹ Там же; Вернадский Г.В. О значении научной деятельности Н.П.Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844 – 1.XI – 1924. Прага, 1924.

³² Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 года). Белград, 1929. С.4.

³³ Постановления съезда русских ученых // Руль. Берлин, 1924. 5 октября. №1168.

Состав участников Третьего съезда был очень сильным в научном плане³⁴. Ими было сделано более 150 научных сообщений, распределенных следующим образом по секциям:

- наук юридических и экономических – 46,
- наук философских и историко-филологических – 32,
- наук естественных и медицины – 57,
- математики чистой и прикладной и технических знаний – 23.

Однако приведенную статистику следует рассматривать с определенной условностью. Дело в том, что съезд отличала междисциплинарность и высокая степень взаимодействия разных областей знания. По этой причине проводились объединенные заседания. Например, 29 сентября – 1 октября состоялось совместное заседание секции наук юридических и экономических и секции наук философских и историко-филологических³⁵.

Некоторые ученые делали сразу несколько докладов в одной секции, как, например, метеоролог В.П.Полетика³⁶, ботаник В.С.Ильин³⁷, механик А.П.Фан-дер-Флит³⁸ и др. Секция наук философских и историко-филологических оказалась едва ли не самой представительной, что обеспечивалось присутствием в ее рядах знаменитых ученых. Прозвучавшие доклады хорошо иллюстрировали круг научных пристрастий русских историков за рубежом. А.А.Кизеветтер описывал, сколь большой интерес аудитории вызвали выступления П.М.Бицилли об истории раннего христианства, новых направлениях в изучении Ренессанса и

³⁴ Присутствовали историки П.М.Бицилли, Г.В.Вернадский, А.А.Кизеветтер, А.В.Флоровский, Е.Ф.Шмурло; правоведы Н.Н.Алексеев, Е.В.Спекторский, Н.С.Тимашев; философы И.И.Лапшин, Н.О.Лосский, Б.В.Яковенко; биологи В.В.Лепешкин, С.И.Метальников, М.М.Новиков; математики и механики Е.Л.Буницкий, Н.Е.Подтягин, А.П.Фан-дер-Флит; инженеры А.С.Ломшаков, Г.Н.Пио-Ульский; и др.

³⁵ С докладами выступили видные историки А.А.Кизеветтер, В.В.Саханев, И.А.Стратонов, П.Б.Струве, Ф.В.Тарановский, М.В.Шахматов, М.Н.Ясинский.

³⁶ «Климат высот Крыма», «Пути развития русской метеорологии», «Метеорологические условия засух и голодные бедствия».

³⁷ «Влияние солей на изменение осмотического давления растительной клетки», «Роль солей в усвоении углеводов растений», «Солеустойчивость растений и ее причины», «Физиологическая характеристика засухоустойчивых растений».

³⁸ «Об изгибе балки с одною консолью со сжатием в пролете», «О неправильности практикующегося вычисления трения воды о поверхность судна и следствиях этой неправильности», «О формулах для вычисления прироста деревьев».

критике учения О.Шпенглера³⁹. Проблемам всеобщей истории были также посвящены сообщения Н.М.Бубнова, Д.Н.Вергуна, М.Н.Ясинского. Но большая часть докладов⁴⁰ касалась русской истории⁴¹.

В целом, тематика всех выступлений на съезде хорошо обрисовывала круг вопросов, имевших для эмиграции не только научную, но и общественную значимость. Например, на секции юридических и экономических наук были заслушаны доклады В.А.Косинского (о пределах интенсивности капиталистического сельского хозяйства), П.И.Рудченко (о современном финансовом положении ведущих государств мира), Я.Д.Садовского (о земельной реформе в Чехословакии), А.Ю.Вернера (о систематике рабочего законодательства), А.А.Овчинникова (об инфляции в Германии) и т.д. Интересно, что значительное число докладов касалось разных сторон развития Советской России⁴².

Другой особенностью съезда стала впервые организованная в условиях эмиграции публичная защита диссертации согласно Правилам, выработанным на предыдущих двух съездах. 3 октября в Большой аудитории Минералогического института преподаватель Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге И.В.Емельянов представил работу «Кооперативные организации среди земледельцев» на соискание ученой степени магистра агрономии. Защита прошла успешно, и соискатель был утвержден в искомой степени.

О конкретных итогах съезда судить крайне сложно ввиду незначительного числа сохранившихся источников. После его окончания новые встречи ученых-эмигрантов несколько лет не организовывались, что было связано в первую очередь с материальными трудностями. В этих условиях, как отметила екатеринбургская исследовательница В.И.Цепилова, основная работа легла на Правление, регулярно соби-

³⁹ Кизеветтер А.А. *Историческая наука на съезде в Праге* // *Руль*. Берлин, 1924. №1175. 14 октября. – П.М.Бицилли отрицал шпенглеровское понимание культуры и цивилизации как сменяющих друг друга стадий и доказывал тождественность этих понятий.

⁴⁰ Среди их авторов были А.В.Флоровский, И.И.Лаппо, Е.Ф.Шмурло, П.Б.Струве, М.В.Шахматов, В.Ф.Тарановский, В.В.Саханев, И.А.Стратонов, А.А.Кизеветтер, В.А.Мякотин, А.Ф.Изюмов, Н.М.Могиланский и др.

⁴¹ Кизеветтер А.А. *Историческая наука на съезде в Праге*.

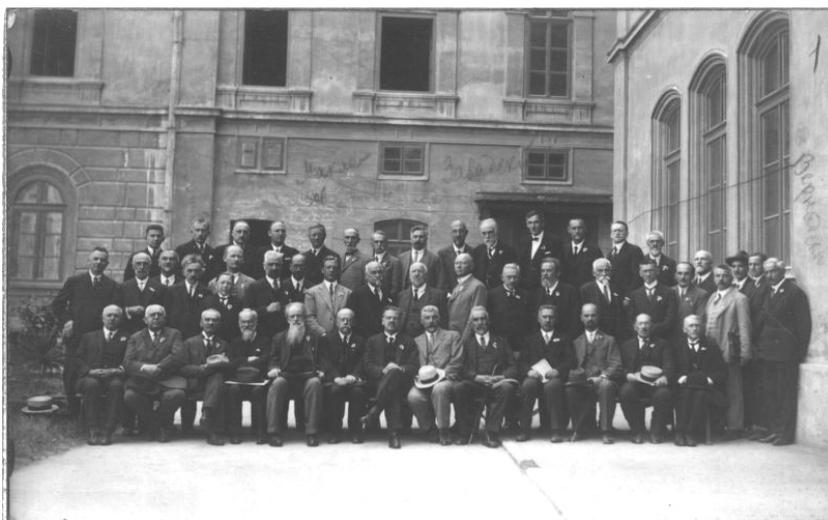
⁴² Например, сообщения о предварительных итогах изучения советского права (Н.С.Тимашев); о денежной реформе в СССР в 1924 г. (Н.С.Жекулин); об изучении производительных сил России в 1914–1924 гг. (П.Н.Савицкий); о состоянии архивов в СССР (А.Ф.Изюмов); о положении музеев после революции (Н.М.Могиланский) и т.д.

равшееся на сессии. Оно решало все главные задачи, в том числе утверждение результатов защиты диссертаций⁴³.

ВСТРЕЧА В БЕЛГРАДЕ

Четвертый съезд Союза Русских академических организаций состоялся в сентябре 1928 года в Белграде. О проведении его в югославянской столице говорили еще с начала 1920-х годов,

желая тем самым отдать дань уважения Королевству сербов, хорватов и словенцев за поддержку русской эмиграции. К тому же «Русская акция» чехословацкого правительства уже завершилась, и взоры эмигрантов устремились в сторону югославского короля Александра. Они надеялись увидеть в нем нового патрона и щедрого покровителя. Съезд в Белграде должен был служить символом единения сербов и русских и выражением признательности Королевству.

Участники Белградского съезда 1928 г. (Архив РАН. Ф.1609. Оп.1. Д.199)

Организационные функции взяло на себя Общество русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, которое весной 1928 г.

⁴³ Цепилова В.И. *Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.)*. Екатеринбург, 2005. С.70–71.

созвало комитет по подготовке съезда. Его председателем стал профессор Е.В.Спекторский, секретарем – А.В.Соловьев, казначеем – Н.Н.Салтыков, членами – Ант.Д.Билимович, В.С.Жардецкий, С.М.Кульбакин, В.Д.Ласкарев, Г.Н.Пио-Ульский и Ф.В.Тарановский. На группу под начальством Ю.Н.Вагнера возложили обязанность по подготовке научных секций⁴⁴.

Если первые три съезда щедро финансировало чехословацкое правительство, то теперь его место заняли сербские деятели. Большую поддержку оказали власти и общественные круги Королевства, например епископ Нишский Досифей, министр просвещения Милан Грол, ректор Белградского университета Чедомил Митрович, глава Сербской академии наук А.Белич. Державная (государственная. – М.К.) комиссия по оказанию помощи русским беженцам и МИД оказали материальную помощь съезду. Русским делегатам, как когда-то в Чехословакии, был предоставлен льготный проезд по железным дорогам. Власти Белграда присовокупили к нему бесплатный проезд в городских трамваях. Белградский университет выделил аудитории для заседаний, а ряд столичных организаций дал русским делегатам бесплатное жилье⁴⁵.

Открытие съезда состоялось 16 сентября 1928 года в Большой физической аудитории Белградского университета в присутствии многочисленных высокопоставленных гостей. Заседание открыл ректор Ч.Митрович. Затем, по предложению Е.Л.Зубашева, председателем съезда единогласно был избран бывший профессор Военно-медицинской академии в Петрограде В.Г.Коренчевский. поприветствовав участников и гостей на сербском и французском языках, он произнес речь, обращенную к интеллектуалам, оставшимся в СССР: «Ученые – мозг страны. Жутко быть мозгом страны. Для русских в страшные времена революции – это бремя непосильной тяжести... Мы раскололись на две части: большую, задавленную террором и совершенно лишенную основного элемента науки – свободы в исповедовании науки и ее идей, и другую – меньшую, эмигрантскую, более слабую, но свободную... К вам несется наша любовь, привет и преклонение перед мученическим служением родной науке. К вам, которые отказались оправдать авторитетом науки и ученого то страшное и нелепое, что большевики творят в России и с Россией. Мы с вами – одно. Мы знаем, что наша любовь и привет донесутся до вас, ибо ни далеким пространством,

⁴⁴ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.4–5.

⁴⁵ Там же. С.5.

ни тюрьмой и мучениями – ничем нельзя остановить свободы слова и духа. Дух дышит, где хочет»⁴⁶. В этих обстоятельствах, по словам профессора, на ученых в эмиграции ложится особое бремя по бережному сохранению научных традиций и культуры. Закономерно, что во время съезда в Белграде состоялось торжественное открытие Русского научного института (под председательством Е.В.Спекторского), который должен был стать одним из ведущих эмигрантских исследовательских учреждений.

Русские ученые встретили необычайно теплый прием: многие белградские дома были украшены российскими флагами, сербы устраивали банкеты в честь русских, их принял сербский патриарх. Поначалу участников съезда поселили в студенческом общежитии. Но уже на следующий день владелец одного белградского отеля, из чувства уважения к русской науке, предложил безвозмездно поселиться у него семи профессорам, среди которых были и прибывшие из Праги А.А.Кизеветтер и Е.Ф.Шмурло⁴⁷. Русских участников приглашали на концерты и чаепития, власти Белграда устроили для них банкет в гостинице «Сербский король», в Народном театре для них играли «Народных посланников» Б.Нушича, министр народного просвещения принял их в зале «Касина», в честь них дали концерт камерной музыки в зале «Эксельсиор». В отчете о съезде оставалось лишь констатировать, что «чествование членов съезда сербскими общественными организациями носило исключительно сердечный характер и вылилось во внушительную славянскую манифестацию»⁴⁸. Кизеветтер описывал, как во время экскурсии в Нови Сад ему и его коллегам оказывали прием как «путешествующим принцам», местные жители осыпали их цветами, «простые женщины, очень похожие на наших деревенских баб, жадно впивались в нас глазами»⁴⁹.

За ходом съезда следил и король. В ответ на приветственную благодарственную телеграмму от русских ученых он написал: «Приятно тронут приветствием съезда русских ученых. Сердечно благодарю и желаю успеха в полезной работе. Александр»⁵⁰. 22 сентября король встретился

⁴⁶ Там же. С.6–7.

⁴⁷ Письмо А.А.Кизеветтера родным от 16 сентября 1928 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.566. Карт.28. Д.54. Л.13 об.–14 об.

⁴⁸ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.12.

⁴⁹ Письмо А.А.Кизеветтера родным, сентябрь 1928 г. // ОР РГБ. Ф.566. Карт.28. Д.54. Л.17–17 об.

⁵⁰ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.8.

с делегацией съезда⁵¹. В тот же день особой аудиенции был удостоен А.С.Ломшаков. Двенадцати русским профессорам были присвоены сербские ордена Святого Саввы второй⁵² и третьей⁵³ степеней⁵⁴.

По подсчетам В.И.Цепиловой, на съезде было представлено 11 академических групп из 14 существовавших. Вместе с ними прибыли 10 ученых, которые не являлись официальными делегатами, но могли участвовать в научных дискуссиях. В их числе были историки Б.А.Евреинев, С.П.Мельгунов, Н.Л.Окунев, С.Г.Сватиков и др. В составе съезда были созданы научные секции:

- общественно-экономическая (председатель – Ал.Д.Билимович),
- историко-юридическая (Ф.В.Тарановский),
- юридическая (А.В.Маклецов),
- истории литературы и искусства (А.Л.Погодин),
- биологическая (Ю.Н.Вагнер),
- агрономическая (И.П.Марков),
- историческая (А.П.Доброклонский),
- филологическая (С.М.Кульбакин),
- физико-химическая (Н.А.Пушин),
- философская (И.М.Малинин),
- медицинская (А.И.Игнатьев),
- технологическая (Г.Н.Пио-Ульский),
- геологическая (В.Д.Ласкарев),
- математическая (Н.Н.Салтыков)⁵⁵.

Русские ученые прочитали 158 докладов. Правда, некоторые исследователи делали по 2–3 сообщения. Среди участников было немало выдающихся представителей эмигрантской науки⁵⁶.

⁵¹ В.Г.Коренчевский, С.И.Метальников, С.В.Завадский, Е.В.Спекторский, П.А.Остроухов, А.В.Соловьев.

⁵² В.Г.Коренчевский, А.С.Ломшаков, Е.Л.Зубашев, А.А.Кизеветтер, П.Б.Струве, Е.В.Спекторский.

⁵³ В.К.Агафонов, А.Н.Анцыферов, С.В.Завадский, И.И.Лапто, Н.О.Лосский, Е.Ф.Шмурло.

⁵⁴ Письмо А.А.Кизеветтера родным, сентябрь 1928 г. Л.17; Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде. С.11.

⁵⁵ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.27.

⁵⁶ В.К.Агафонов, М.В.Бернацкий, П.М.Бицилли, А.А.Кизеветтер, В.Г.Коренчевский, Н.О.Лосский, С.П.Мельгунов, П.Ф.Миловидов, М.М.Новиков, Д.П.Рябушинский, П.Б.Струве, С.П.Тимошенко, А.В.Флоровский, Е.Ф.Шмурло и другие (См.: Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.27–34).

Если же говорить о круге рассматриваемых вопросов, то следует отметить принятие новых редакций Устава Союза русских академических организаций за границей, а также Положений о приобретении ученых степеней и о государственных испытательных комиссиях. Кроме того, были утверждены ученые степени Н.И.Никифорова (магистр всеобщей истории), А.П.Маркова (магистр финансового права) и Г.И.Ширяева (магистр ботаники). Большой резонанс имело предложение А.В.Маклецова о составлении библиографии трудов русских ученых-эмигрантов. Эта идея получила одобрение, и уже в 1931 году при участии Русского научного института в Белграде был издан первый выпуск «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом», по сей день остающихся бесценным справочным пособием⁵⁷.

Административные вопросы на съезде рассматривались в специальных комиссиях:

- по пересмотру Устава Союза и Положений о приобретении ученых степеней и о государственных испытательных комиссиях,
- по рассмотрению отчета Правления Союза,
- по утверждению в ученых степенях,
- по вопросу о деловом объединении эмиграции,
- по студенческим делам,
- по вопросу о точной квалификации полноправных членов академических групп,
- по рассмотрению проекта Положения о кассе взаимопомощи,
- по делам средней школы,
- по проверке полномочий делегатов и ревизионная комиссия.

В итоге, на заседаниях было решено немало серьезных вопросов и принято немало важных предложений. Например, съезд выразил желание организовать исследования по военным наукам на базе Русского научного института в Белграде. Было обсуждено текущее положение русских научных учреждений за рубежом. Съезд сожалел о прекращении набора студентов на Русский юридический факультет в Праге, свидетельствующем наглядно об угасании русского учебного дела за рубежом. Делегаты обратились к Чешской академии наук и искусств с просьбой поддержать Русскую зоологическую станцию в Вильфранш-

⁵⁷ *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Белград, 1931. Вып.1. – Следующий выпуск увидит свет в 1941 году и станет последним (То же. Белград, 1941. Вып.2. Ч.1).*

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

сюр-Мер путем дальнейшей аренды рабочих мест на ней. Они желали способствовать тому, чтобы такая же аренда практиковалась со стороны Польши, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Эстонии, Латвии и Литвы. Кроме того, русские выразили готовность обратиться с просьбой о субсидиях к американцам⁵⁸.

Очевидно, что Четвертый съезд русских академических организаций за границей ориентировался на традиции первых трех съездов. Но думается, что делегаты уже осознавали невозможность решения многих проблем эмигрантской академической жизни, тем более на волне нарастающего экономического кризиса и общего сокращения русского учебного и научного дела за рубежом. Лучшим памятником съезду стало издание прочитанных докладов и сообщений, значительная часть которых по сей день сохраняет свою значимость⁵⁹.

**«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ
РАСТЕМ И В СВОИХ,
И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»**

Последний, Пятый съезд Русских академических организаций за границей прошел в 1930 году в Софии. Решение о его проведении в этом городе было принято еще на белградском съезде,

когда делегаты единодушно высказались за Болгарию, как «славянскую державу, наиболее из всех остальных связанную с нашей родиной посредством и религиозных, и культурных, и кровных уз»⁶⁰.

Число участников софийского съезда значительно сократилось по сравнению с предыдущими. Это было вызвано в первую очередь резким ухудшением материального положения русских за рубежом на фоне разразившегося мирового экономического кризиса и сворачивания программ поддержки эмигрантов. Состав делегатов до последнего момента корректировался. Однако большинство из них все же смогло приехать. В Государственном архиве Софии сохранился список участников со следами корректировок. Согласно ему, из намеченных изначально

⁵⁸ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде. С.18; Ульянкина Т.И. Русская акция помощи и судьба Русской зоологической станции имени профессора А.А.Коротнева в Вильфрани-сюр-Мер (1921–1935) // Русская акция помощи в Чехословакии... С.151–162.

⁵⁹ Труды IV Съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч.1–2.

⁶⁰ До Господина Кмета на Столичната Община, 23 юлий 1930 г. // Държавен архив – София (далее – ДА-София). Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.9 гр.

102 исследователей участие в съезде приняло 93 человека, причем подавляющее число было не из Болгарии⁶¹.

В болгарских архивах сохранилось немало интересных документов, рассказывающих о подготовке съезда. Она началась еще летом 1930 г., когда был образован Оргкомитет во главе с жившим в Софии бывшим протопресвитером русской армии Г.И.Шавельским. Он сразу обратился за поддержкой к болгарским властям и ученым. В письме к выдающемуся болгарскому профессору историку Василу Златарскому он писал: «Вам, как питомцу Русской высшей школы, несомненно, приятно будет встретиться на родной земле с многими славными представителями Русской науки, а как ученому не менее приятно будет принять живое участие в научных занятиях Съезда. Организационный Комитет, свидетельствуя Вам свое совершенное почтение, позволяет себе надеяться, что Вы не откажете в своем благосклонном внимании созываемому Съезду и сделаете все возможное, чтобы этот Съезд прошел с наилучшим успехом и еще более укрепил узы, связывающие Русский и Болгарский народы, Русскую и Болгарскую культуры»⁶².

Болгарский историк,
профессор В.Златарский

Всем устроителям съезда было понятно, что без внешней помощи не обойтись. В июле 1930 г. Оргкомитет направил кмету (мэру) Софии В.Вазову письмо. Его авторы сообщали, что среди русских эмигрантов, разнесенных по всему свету, имеется несколько сотен ученых. Все они, живя на чужбине, стремились к профессиональному объединению и в итоге договорились о создании академических групп. К 1930 году в разных странах мира насчитывалось 15 таких групп, численность некоторых из них доходила до ста человек. Их членов объединяла «непоколебимая верность началам, на которых развивается наука во всех цивилизованных странах», и «академическим традициям»⁶³. Говорилось,

⁶¹ Список членов съезда // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.3–6.

⁶² Письмо Г.И.Шавельского В.Златарскому от 15 июня 1930 г. // Научен архив на Българска академия на науките (далее – НА БАН). Ф.9 к. Оп.2893. Л.1–1 гр.

⁶³ До Господина Кмета на Столичната Община, 23 юлий 1930 г. Л.9.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

что научные коммуникации между членами всех групп осуществляются на регулярных академических съездах, которые изначально хотели проводить каждые два года. Подчеркивалось, что чехословацкие и югославские власти оказали предыдущим съездам щедрую финансовую поддержку, и, по сути, авторы письма призывали теперь к тому же болгарскую сторону.

В сентябре 1930 года с аналогичной просьбой к городским властям обратился Комитет русских воспитанников в Болгарии. Он был создан специально для помощи в организации съезда и включил видных болгарских ученых – В.Златарского, П.Стоянова и Т.Кулева⁶⁴. В официальном письме говорилось, что поддержку съезду уже готова оказать Болгарская академия наук и правительство страны. Авторы письма просили помочь с организацией приема высоких гостей. Они сообщали, что на банкете в честь открытия съезда выступит министр просвещения, что 20 и 21 сентября будут даны торжественные представления в Национальном театре, что 18 сентября русские станут гостями Священного Синода в Рильском монастыре. Таким образом, софийским городским властям останется для организации приема три дня – с 15 по 17 сентября. Авторы призывали дать возможность русским ученым во время их пребывания в Софии «близко, непосредственно и по-родственному соприкоснуться с гражданами и народом, увидеть, почувствовать и убедиться в искренней и широкой благодарности, искренности и родственности, которые имеют болгарские граждане и болгарский народ к России и русским»⁶⁵.

В конечном счете, Постоянное присутствие при Столичном общинном совете 9 сентября 1930 г. рассмотрело все ходатайства русских. Докладчиком выступил сам софийский кмет В.Вазов, который зачитал письменные обращения эмигрантских организаций. Судя по сохранившемуся в архиве протоколу заседания, никаких возражений по поводу оказания посильной помощи не возникло. В итоге городские власти приняли решение выделить 3 000 левов на покупку ста трамвайных билетов для раздачи их делегатам и организовать банкет в честь участ-

⁶⁴ Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд русских ученых за рубежом // Нансеновские чтения – 2007. СПб., 2008. С.290.

⁶⁵ До Господин Кмета на ст. София, 5 септември 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.7.

ников съезда. Контроль за исполнением поручений был возложен на помощников кмета И.Дечева и Г.Русчуклиева⁶⁶.

Как и в 1928 году в Белграде, русским ученым в Софии был оказан радужный прием. Поддержку съезду оказали болгарское правительство и мэрия Софии, Болгарская академия наук и другие общественные, политические и научные организации⁶⁷. Открытие съезда состоялось в Народном театре в присутствии болгарских научных и культурных деятелей, например, епископа Софийского Стефана. Почетный президиум съезда возглавил министр народного просвещения Александр Цанков, а председателем всего съезда был избран А.А.Кизеветтер. В своем выступлении профессор В.Златарский, столь много сделавший для организации съезда, указывал

Историк, профессор
А.В.Флоровский (Архив РАН.
Ф.1609. Оп.1. Д.186)

на неразрывную связь русской и болгарской науки. Он вспоминал о болгарях, учившихся в России и испытавших на себе внимание, заботу и гостеприимство местного населения. Теперь же, в дни проведения съезда, болгары получили возможность выразить благодарность за то, что им дал русский профессор, русская наука, русская культура⁶⁸. От лица Болгарского исторического общества Златарский пожелал всем эмигрантам, участвующим в съезде, «закончить все свои организационные начинания и свои научные занятия в полном единении и с большим успехом для процветания русской национальной науки и прославления имени

великого русского народа»⁶⁹.

После торжественных речей, приветствий и поздравлений в храме Александра Невского была отслужена панихида по императору Александру II, а затем были возложены цветы к его памятнику и к памятнику Святому Клименту Охридскому. Особенностью съезда стало многообразие

⁶⁶ Протокол №101, София, вторник, 9 сентября 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.10–10 гр.

⁶⁷ Рожков С.А. Пятый конгресс русских ученых за рубежом и его значение для единения славянского мира // Русское Зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С.58.

⁶⁸ «Почитаемо собрание...» // НА БАН. Ф.9 к. Оп.2895. Л.1–2.

⁶⁹ «Членам V-го съезда русских зарубежных ученых...» // НА БАН. Ф.9 к. Оп.2895. Л.3.

тематических научных секций: юридической; богословской; истории, литературы, искусства и филологии; исторической; военной; биологической; медицинской; математической; технической; философской; статистической и экономической⁷⁰. Причем доклады делали не только русские, но и болгарские ученые, в то время как на предыдущих съездах иностранцы с научными сообщениями не выступали. Другой особенностью стало большое внимание участников к истории Болгарии и русско-болгарских отношений⁷¹. Например, А.В.Флоровский прочитал развернутый доклад «Основные формы русско-болгарских отношений в XIX веке», сделав основной упор на выдающуюся роль императора Александра II в деле освобождения Балкан от турецкого ига⁷².

Болгарский исследователь С.А.Рожков обоснованно заметил, что конгресс русских ученых в Софии не измерялся только научными докладами, но воплощал в себе «живое взаимодействие культур, личные контакты, общение, духовное сближение и единение»⁷³.

Для русских гостей, многие из которых впервые оказались в Болгарии, организовали экскурсии по стране, которые должны были продемонстрировать единение болгар и русских, показать общность их исторического пути. Поэтому большое внимание уделили памятным местам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Так, в Старой Загоре престарелый ветеран произнес столь трогательную речь, что П.Б.Струве и А.А.Кизеветтер расплакались⁷⁴. Сообщая об экскурсии по Болгарии, все тот же А.А.Кизеветтер писал своим родным: «Это было нечто феерическое. В каждом городе на вокзале наш поезд встречался оркестром.

⁷⁰ Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд... С.291–292.

⁷¹ Этой теме были посвящены доклады С.Г.Вилинского («Петко Тодоров как народный поэт»), В.Златарского («Болгарский историко-литературный элемент в русской летописи»), П.Мутафчиева («Русско-болгарские отношения при Святославе»), А.М.Ону («Граф Николай Павлович Игнатъев и внешняя политика России»), И.Раева («Вековые русско-болгарские языковые и литературные связи») и др.

⁷² Флоровский А.В. Основные формы русско-болгарских отношений в XIX веке // Труды V-го Съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч.1. С.463–485; Трифонова А. Темата за Руско-турската освободителна война (1877–1878 г.) в творчеството на руския историк-емигрант А.В.Флоровски // 135 години по-късно: България – Русия – Евразия. София: Евразийския център VIA EVRASIA, 2013 (в печати).

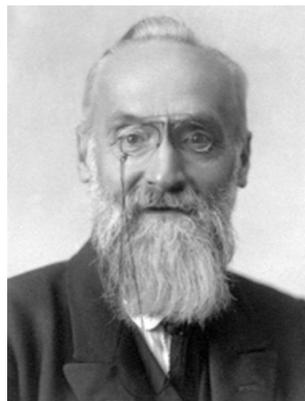
⁷³ Рожков С.А. Пятый конгресс русских ученых... С.59.

⁷⁴ Рожков С.А. «Русский академический союз» в Болгарии и V конгресс русских ученых за рубежом // Нансеновские чтения: тезисы докладов. СПб., 2007. С.66–67.

Городской голова говорит речь, я отвечаю, затем длинная процессия ведет нас торжественно по городу, цветами забрасывают. Потом – банкет. И так в каждом городе»⁷⁵. Схожие впечатления сложились и у биолога С.И.Метальникова: «Никак не могу остаться в отеле – все время меня приглашают в гости гостеприимные болгары»⁷⁶.

Все русские констатировали необычайно теплое отношение к себе и высокий уровень организации. В письме на имя В.Вазова председатель Правления Союза русских академических организаций за границей профессор А.С.Ломшаков подчеркивал, что всем участникам съезда запомнилась радушная встреча в Софии: «Глубокие впечатления, полученные всеми членами Съезда от этого приема, навсегда сохраняются в их памяти»⁷⁷. Ему вторило Общее собрание Русской академической группы в Чехословакии. Заслушав 25 октября 1930 г. отчеты о поездке своих делегатов на съезд в Болгарию, оно обратилось с письмом к софийским городским властям, поблагодарив «за радушный и братский прием членов Группы, который останется навсегда для них памятным, как знак тесной дружбы, связующей русский и болгарский народы»⁷⁸.

Важность съезда трудно переоценить. В интервью одной из болгарских газет А.А.Кизеветтер заметил: «Проводя эти съезды в каждой из славянских стран, русские ученые входят в контакт со своими коллегами за рубежом, со славянской культурой, со славянскими народами. Получается одно взаимное познание, взаимное сближение, повышается наше общее славянское самочувствие. На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих

Историк, профессор
А.А.Кизеветтер

⁷⁵ Письмо А.А.Кизеветтера родным от 26 сентября 1930 г. // ОР РГБ. Ф.566. Карт.28. Д.54. Л.42–43.

⁷⁶ Цит. по: Рожков С.А. Русские академические организации в Болгарии и V съезд... С.292.

⁷⁷ Письмо А.С.Ломшакова кмету Софии, 27 октября 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.2.

⁷⁸ Письмо кмету города Софии, 29 октября 1930 г. // ДА-София. Ф.1 к. Оп.2. А.е.1019. Л.1.

«НА ЭТИХ СЪЕЗДАХ МЫ РАСТЕМ И В СВОИХ, И В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ...»

глазах»⁷⁹. Софийский съезд стал последним в истории Союза русских академических организаций за границей, в последний раз были изданы объединенные труды русских ученых-эмигрантов⁸⁰. После 1930 года русские ученые-эмигранты больше никогда не собирались вместе в широком составе.

* * *

Съезды русских академических организаций за границей занимают совершенно особое место в истории Зарубежной России и ее научной культуре. Они способствовали развитию научных коммуникаций между интеллектуалами-эмигрантами, распыленными по разным странам мира, а кроме того, упрочению их связей с иностранными учеными. По сути, для ученых-эмигрантов эти съезды были единственной возможностью выступить перед широкой русской научной аудиторией, увидеть своих друзей и коллег. Практика проведения съездов хорошо отвечала динамике истории Зарубежной России. В начале 1920-х годов, когда эмиграция еще верила в скорое падение большевизма и свое возвращение на Родину, когда она получала финансовую помощь от иностранных держав, съезды имели широкий размах, они обсуждали не только локальные, но и глобальные вопросы, вроде перестройки школы в будущей России. Но по мере таяния надежд на возвращение домой объединительная активность падала. К концу 1920-х годов ослабла связь с учеными, оставшимися в СССР, резко сократилась финансовая поддержка. В этих условиях эмигрантам приходилось делать выбор: либо продолжать ощущать себя изгнанниками с чувством великой миссии, либо вливаться в научную среду стран, в которых они волею судеб оказались. Выбор был, пожалуй, очевиден. После софийского съезда 1930 года русская эмиграция не предпринимала попыток создать новый научный форум. А вскоре сошла на нет и деятельность русских академических групп, столь активно заявивших о себе в 1920-е годы.

Конечно, практика деятельности съездов во многом исходила из идеалистических установок ученого сообщества. Тем не менее в 1920-е – 1930-е годы они выполнили чрезвычайно важную объединительную и организационную функцию, способствуя развитию русской науки за границей.

⁷⁹ *Цит. по: Рожков С.А. «Русский академический союз» в Болгарии и V конгресс... С.66–67; Его же. Пятый конгресс русских ученых... С.59.*

⁸⁰ *Труды V Съезда Русских академических организаций за границей. София, 1930. Ч.1–2.*

ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

К счастью, мы принадлежим
к замученному,
но великому народу.

А.И.Деникин

РОССИЯ XXI 05. 2013

Война в одинаковой мере облагает
данью и мужчин, и женщин,
но только с одних взимает кровь,
а с других – слезы.

Уильям Теккерей

Любовь Жванко

**СУДЬБА
ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ**

**ПО ДОКУМЕНТАМ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹**

УДК
93/94

The author deals with one of the most dramatic and new social phenomena the Russian empire encountered during the World War I, i.e. massive flow of refugees. The author considers various aspects of a female refugee as these are represented by results of new document studies. The main types of new documents are newspaper publications and some female refugees' letters kept in archives. The author describes a wide range of a female refugee's fears and alarms, difficulties of such females' life at new places of residence in the escape.

Ключевые слова: Первая мировая война; Российская империя; беженство; женщина-беженка.

Key words: World War I; Russian empire; refugees; a refugee woman.

E-mail: zhvan2012@gmail.com

¹ *Стиль документов сохранен. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами современного русского языка.*

Первая мировая война уничтожила устои многих европейских государств, изменила геополитическую карту континента, привела в движение огромные человеческие массы, наполнила жизнь простого обывателя ужасом и горем. В этом водовороте особенным трагизмом отмечена судьба беженцев, миллионов немых, неизвестных до сих пор статистов всех последующих в XX веке войн. Их судьба была трагической из-за неизвестного будущего, непереносимости переживаний, нежелания покидать родной дом, но давно решена за дипломатическими кулисами.

Наивысшим драматизмом отличалась судьба женщины-беженки. Война и женщина – абсолютно полярные понятия. Если первая своим деструктивным началом разрушает мир, привычную жизненную среду и даже ставит под угрозу существование человечества, то вторая в экстремальных условиях вооруженного конфликта мобилизует все свои силы на сохранение своего рода, потомства и, по большому счету, будущего самой цивилизации.

На Восточном фронте с началом принудительной эвакуации гражданского населения, которую осуществляло российское военное командование, разыгралась настоящая беженская драма. Это было похоже на апокалиптическую картину тотального движения целой империи Романовых². Государство, по выражению немецкого историка Йорга Баберовски, «...превратилось в страну беженцев»³. В этом водовороте перемещений почти десятилетие беженцы чувствовали себя чужеземцами в еще недавно совместном имперском доме. Страх и приказы военных вынудили женщину – польку, латышку, еврейку, литовку, немку, белоруску, украинку, русскую, – покинувшую свой дом на западных окраинах России в статусе подданной императора Николая II, возвращаться обратно гражданкой новых независимых государств. И это никак не способствовало обретению женщиной душевного покоя и уверенности в завтрашнем дне, поскольку новые правительства Польши, Литвы, Латвии, заняв прагматическую позицию по отношению к своим соотечест-

² Жванко Л. [Рец. на:] Piskorski J.M. *Wygnańcy. Przesiedlenia i uchodźcy w dwudziestowiecznej Europie*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2010. – 339 s. // *Схід – Захід. Історико-культурологічний збірник. Проблеми історичної урбаністики*. Харків: ТОВ «НТМТ», 2011. Вип. 15. С.321–330; Piskorski J.M. *Op. cit.* S.32.

³ Баберовскі Й. *Червоний терор. Історія сталінізму*. Київ: К.І.С., 2007. С.22.

венникам-беженцам, зачастую отказывались принимать их из обьятной гражданской войной России⁴.

**ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМЫ**

Важными источниками в изучении судеб беженков стали некоторые газетные публикации, поскольку именно они, среди прочего, передают трагизм ситуации. Также очень

важны и письма беженков, написанные или ими самими, или по их просьбе, если они были неграмотны. В этих письмах громадный ступок горя и отчаяния, неимоверной тяжести и безысходности. В отдельных случаях они написаны стандартно, потому что неграмотные беженки несли свои гроши к одному и тому же человеку, известному в среде беженцев, который мог описать их проблемы. Иногда стиль писем был очень похож, как похожи и судьбы этих женщин. Когда женщина писала самостоятельно, письмо могло быть достаточно объемным с подробным описанием проблем, сетований на жизнь и просьбами не отказать в помощи. Современница тех событий Вера Славенсон, работавшая в одной из организаций по регистрации беженцев в Петрограде, писала: «Беженские письма обычно сдержанны, несколько сухи, изредка лишь промелькнет горечь по своем разметанном хозяйстве и беженец назовет себя "сиротой" или "несчастливым". Женские письма в этом отношении лиричнее и импульсивнее других»⁵.

Есть также важные аналитические статьи в тогдашней печати, передающие драму беженков, увиденную журналистами и просто неравнодушными людьми.

С целью понимания ситуации, в которой оказалась масса женщин, выброшенных из привычных условий жизни, нужно хотя бы вкратце обратиться к основным принципам политики Российской империи в отношении беженцев, которые распространялись на всю ее территорию, включая и украинские земли.

⁴ Жванко Л. Трудный путь домой... Возвращение польских, литовских и латвийских беженцев Первой мировой войны из Советской России на родину (20-е годы XX в.): [Доклад, прочитанный на конференции: «Migration-Integration-Isolation-Interaktion Imperialier Zerfall und staatlicher Neuaufbau in der Zwischenkriegszeit», 16 октября 2010 г. Люнебург, Германия].

⁵ Славенсон В. Беженское (По поводу писем беженцев) // Вестник Европы. 1916. Июль. №7. С.297.

**ГОСУДАРСТВО И БЕЖЕНЦЫ:
ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ**

Сначала в имперских руководящих кругах избегали даже термина «беженец», а самих беженцев рассматривали как досадное недоразумение, которое не вписывалось в доктрину

победоносной войны. Власть надеялась на общественность и создала для этого специальный комитет под патронатом Великой княжны Татьяны, дочери императора Николая II. Однако официальный статус общественной организации не давал возможности координировать деятельность государственных органов власти в деле эвакуации и расселения беженцев. Понимая, что, если проблему игнорировать, она может взорваться социальным конфликтом, правительство было вынуждено взяться за ее решение. И термин «беженец» прочно закрепился в законодательных нормах – «Законе об обеспечении нужд беженцев» и «Руководящих положениях по устройству беженцев» – и чуть ли не впервые в Европе получил юридическое толкование.

Законодательство определило систему центральных и местных органов, роль и участие в ней самоуправления, общественных союзов, духовенства и широкой общественности в целом, определило принципы финансирования, отчетности и контроля.

Была создана система государственных органов, которую возглавило Особое совещание по устройству беженцев при имперском МВД. Были назначены два главноуполномоченных по устройству беженцев на Северо-Западном (Сергей Зубчанинов) и Юго-Западном (Николай Урусов) фронтах и 12 уполномоченных внутри Российской империи. Местная вертикаль находилась под патронатом губернаторов, а непосредственная опека над беженцами была возложена на земские и городские управы, сеть общественных организаций, из которых особенно выделялись Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов⁶.

Обеспечение жизненно важных потребностей беженцев на местах их нового проживания составило целый комплекс проблем, решить которые до конца не удалось органам власти Российской империи. Главным препятствием была продолжающаяся война. Несмотря на это, было организовано расселение беженцев, создана сеть приютов, налажено питание, лечение в земских и городских медицинских учреждениях, обеспечение одеждой и обувью; детям беженцев была предоставлена

⁶ Жванко Л.М. *Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.). Дис. ... докт. іст. наук. Полтава, 2012. С.402–404.*

возможность продолжить обучение, а для взрослых созданы условия для поиска работы. Указанные меры определенным образом облегчали положение этих людей, позволяя части из них адаптироваться в местный социум. Но постепенно с ухудшением ситуации на фронте, нарастанием негативных явлений в экономической и политической жизни Российской империи, программы государственного финансирования помощи беженцам начали сворачиваться. Безусловно, все это отрицательно отразилось на жизни самих эвакуированных. С каждым новым годом войны трансформировалось и отношение местного населения к беженцам и беженкам, в частности, общая волна сочувствия сменилась нагнетанием локальных конфликтов различного характера⁷.

Отношение официальной власти к беженкам и беженству в целом было более чем циничным, а реакция высших военных чинов на процесс насильственной эвакуации была довольно грубой. Например, генерал Николай Янушкевич, подчеркивая характер войны, которая должна осуществляться, по его мнению, «огнем и мечом», так заявил о местном населении, которое подвергалось эвакуации: «Пусть страдают». В оценке самого явления беженства и организации эвакуации населения достаточно интересны мнения, которые высказывали представители высшего государственного руководства на заседаниях Совета министров империи. Их записал, а впоследствии и опубликовал Аркадий Яхонтов, помощник управляющего делами этой структуры. При этом поражает циничный тон, с которым вершились судьбы сотен тысяч подданных императора, независимо от их этнической и половой принадлежности.

Например, 6 августа 1915 г. на заседании Совета министров рассматривался еврейский вопрос, и все его участники были вынуждены констатировать разрушение черты оседлости. Один из его участников, Александр Кривошеин, член Государственного Совета, говоря о целесообразности выселения евреев, озвучил то, о чем присутствующие высокопоставленные чиновники предпочитали промолчать: «Вопрос обывателей – на время войны, а предприятия – в решительном порядке навсегда (эвакуировать. – Л.Ж.). Бедноту держать под страхом. Нельзя сразу вести войну с Германией и евреями одновременно. Нужно разделить эти войны»⁸.

⁷ Там же. С.406–407.

⁸ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова: (Записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С.260.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

В конце августа 1915 года на одном из правительственных заседаний министр внутренних дел Николай Щербатов выразил свою оценку тотальной эвакуации гражданского населения, которую проводила военная власть: «Если дальше отступать, целесообразно мужское население эвакуировать? За ними женщины и дети. Миллионы к нам придут голодать. Пусть мрут у немца под пятой». 11 сентября того же года министр признал: «Путаница в эвакуации – или слишком рано или слишком поздно». В тот период рассматривалась судьба Риги, часть населения которой получила статус беженцев. Предполагалось сжечь запасы леса, дабы они не достались врагу, но возникла опасность, что пострадает и город. На это председательствующий грубо произнес: «Когда Ригу сожгут, то ничего не имею против – не попадет в руки немцев»⁹.

СТРАХИ И ДОРОГА

Первые обозы с беженцами появились в Российской империи уже осенью 1914 г., главным образом, из ее западных губерний, из Королевства Польского. Это стихийное движение

носило добровольный характер и было «...естественным следствием наступления врага на нашу территорию»¹⁰. Массовое прибытие беженцев в тыловые губернии Российской империи с западного театра военных действий началось в июле–августе 1915 года, в результате отступления российских армий и внедрения в жизнь военными доктрины «выжженной земли». Своего максимума оно достигло в сентябре–октябре, а завершилось в ноябре–декабре того же года.

По способу перемещения беженцев в тыловые губернии выделим два его временных этапа. На первом, который длился с лета до начала осени 1915 г., основным способом эвакуации населения были гужевые перевозки. Подавляющее большинство беженцев двигалось на собственных подводах, покрытых брезентом и нагруженных наиболее ценным имуществом. Иногда в спешке собиралось то, что попадалось под руку. Непосредственные участники тех событий на Волыни упоминают нехитрую утварь: «На телегу клали сундук с одеждой, полотенцами и ряднами, хлебную кадку, лопату для посадки хлеба, кадучку с салом, мешок муки, лопату, топор и пилу. А больше на телегу не помещалось.

⁹ Там же. С. 260; 267; 265.

¹⁰ Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания // Известия Всероссийского союза городов. 1916. №27–28. 1–15 марта. С.174.

Каждая из них сверху была накрыта от дождя. Из-за того, что было сухо, телеги очень скрипели»¹¹.

Анализируя, что именно наскоро клали на подводы, можно заключить: эти люди рассчитывали только на себя, увозя запас пищи и орудия труда, пожалуй, основные и для женщины, и для мужчины. Беженка надеялась, что где-то на пути своего движения она обязательно встретит дом с печью, в которой можно будет испечь хлеб и вынуть его собственной лопатой, как это она делала много раз дома. Фактически на новом, чужом месте этим людям, по большому счету, хотелось вести образ жизни «как дома». А лопата, топор и пила – это те орудия, с помощью которых в начале прошлого века строили дома. Вот и ехали беженцы на своих фурах в глубь империи с надеждой переждать эту военную выюгу, что закружила их семьи и разбросала в чужих мирах...

Дорога для беженки превратилась в сплошное испытание. Она рожала и хоронила своих младенцев; ее путь был отмечен холмиками умерших в дороге детей и престарелых родителей; ее догоняло известие о гибели на фронте мужа, любимого, отца. Она искала пропитание для своих детей, теряла их в дорожной путанице. Она боялась всего:

- врага, который может убить;
- отстать от своего обоза;
- ночевать в лесу, в придорожных канавах;
- пить воду из грязных луж, когда поблизости нет колодца;
- чужих людей, несущих неизвестность;
- потерять свое имущество;
- быть обманутой разными перекупщиками и просто мошенниками;
- быть изнасилованной солдатами;
- никогда не увидеть свой дом;
- наконец, умереть в чужой земле.

Еще одним чувством беженки была неопределенность в будущем, которая не покидала ее все время. «Что ждет ее завтра, будет известие о смерти мужа, болезни детей, откажет местный комитет помощи беженцам в выдаче продуктового пайка или выгонят на улицу владельцы дома?..» Таких вопросов было множество и никакой уверенности в каждом завтрашнем дне. Поэтому можно подискутировать с Питером Гетреллом относительно чувства гордости «...многих женщин от того, что они взяли на себя дополнительные обязанности...». Впрочем, автор тут

¹¹ Берест І.Р. Соціальне становище населення Східної Галичини і Західної Волині в роки Першої світової війни. Дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2009. С.103.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

же поправляет себя, подчеркивая, что «в условиях беженства выполнение этих обязанностей покупалось очень дорогой ценой»¹².

С осени началась перевозка беженцев по железным дорогам и появились новые проблемы. Отсталая, по сравнению с европейскими государствами, железнодорожная инфраструктура Российской империи, значительно усложняла процесс перевозки беженцев. Зачастую на станциях, при отсутствии должного количества поездов, наблюдались многочасовые задержки. Во многих случаях из-за переполненности станций беженцами местные комитеты оказывались бессильными оказать помощь всем эвакуированным. Работники медицинских пунктов не всегда успевали с осмотром прибывших. Все это приводило к асоциальному поведению последних, что можно понять, поскольку речь шла о простом человеческом выживании. Например, 15 октября 1915 г. начальник Славянского жандармского отделения телеграфировал харьковскому губернатору Николаю Протасьеву: «Доведенные до крайности беженки с детьми, не получив ни от кого топлива, открыто грабят уголь из вагонов на станции, идут по железной дороге. Затрудняюсь в репрессивных мероприятиях»¹³.

И таких телеграмм было много.

Работники пунктов питания пытались накормить всех эвакуированных если не горячей пищей, то хотя бы раздать хлеб. Случалось так, что уже после прибытия большого количества беженцев уменьшали нормы его выдачи. Радость беженцев, получивших пищу, вызвала горькую обиду, а иногда и озлобленность у других, с того же поезда, не успевших еду получить. Случалось, что талоны на еду были получены, но по распоряжению станционного начальства предстояло ехать дальше. Мать, чьи дети остались голодными, конечно же, страдала от безысходности и ожидала прибытия на новую станцию, чтобы уж точно там получить еду.

О самом механизме получения пищи современник писал так: «Подходит поезд утром или поздно вечером, беженцы получают чай, хлеб и т.д., прибывает в полдень – получают и горячую пищу. Желание накормить каждый поезд горячей пищей при значительном их наплыве побудило некоторые пункты отказаться от варки мяса (требует много времени) и

¹² Гетрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // *Россия и Первая мировая война (материалы междунар. colloquium)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С.115.

¹³ *Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф.18. Оп.21. Д.10. Л.144.*

заменить его салом, маслом и большим количеством крупы, муки и картофеля... На некоторых пунктах выдавали детям молоко... Зачастую после прибытия поезда с беженцами специальные работники идут к нему и, узнав, сколько там взрослых и детей, издают особые талоны, на которых отмечено их количество, иногда выдают такие талоны не на вагон, а на семью. С таким талоном и посудой беженцы идут к кухне или столовой и тут же получают пищу. Также были и пункты, где еду приносили или привозили к поезду и тут же раздавали ее в посуду беженцев, а сухую прямо в руки»¹⁴.

На станциях посадки разыгрывались настоящие трагедии, неспособные угаснуть уже и на новых местах расселения. Обратимся к описанию одной из станций, чтобы понять весь трагизм ситуации, в которой оказывались беженки. Где бы они ни находились, им постоянно нужно было думать о своей семье, устраивая временные жилища. Причем с приходом осени становилось все труднее, т.к. дождливая погода и холода сказывались на здоровье беженцев, и главным образом детей.

«Когда вступишь на территорию Волыни, воочию убеждаешься, что значит переселение народов. Весь край поднялся и двинулся куда-то вперед, дальше от театра военных действий. Впрочем, побывавшие здесь раньше говорят, что теперь лишь остатки передвижения. А за несколько недель перед этим совершалось в полном смысле великое переселение. [...]

И всюду, во всех этих поездах, одна и та же картина: заглянешь и не поверишь, как могло там вместиться столько людей, с какими усилиями натискивали, куда только можно, узлы, сумки, чемоданы...

Почти у каждого окна вагона группы русских детских головок. Поднимают навстречу личики и так беспечно-беспечно смотрят на вас ясные детские глазки. И улыбаются: им что? Может быть, рады этому путешествию. И, вероятно, рады...

А на местах остановок загнанные в железнодорожные тупики длинные улицы темно-красных товарных вагонов ждут очереди, чтобы отправиться дальше. Пока же живут в вагонах. И живут самым настоящим образом: поставили столы, разложили и развесили домашнюю рухлядь. Получились передвижные квартиры... Но это все-таки счастливицы. А большинство двинулись в неизвестную путь-дорогу на уцелевших "колячках". [...]

¹⁴ Джонс В. Деятельность питательных пунктов Союза Городов по питанию беженцев // Известия Всероссийского союза городов. 1916. №24. 15 января. С.93.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

Пустынны теперь благодатные поля нашей Волыни. Исчезли картины мирного труда. Здесь – царство войны... Небо часто заволакивается тяжелыми, серыми тучами. Временами холодный ветер уже бушует над покинутыми равнинами. Идут дожди. [...] Станции полны беженцев, терпеливо дожидаящихся свободных мест. Уезжают одни, тянутся другие. В суматохе и толкотне нередко забываются на станциях детишки»¹⁵.

В сентябре 1915 г. харьковский губернатор Николай Протасьев о критической ситуации с беженцами, которые скапливались на станциях, так писал министру внутренних дел Николаю Щербатову: «В течение нескольких суток девять поездов с беженцами, следующими в Воронеж, стояли голодными на станции Ворожба только потому, что Управление Московско-Киево-Воронежской железной дороги отказывалось от дальнейшей перевозки беженцев. На других станциях, где даже нет питательных пунктов, также допускается простой поездов с беженцами в течение двух и более суток. Люди голодают, зачастую в вагонах находят мертвые тела, смертность и заразные болезни прогрессируют»¹⁶.

В плачевном состоянии они прибывали и на места своего расселения. На это не раз указывали члены местных комитетов, активисты, которые оказывали беженцам помощь и поддержку. То же отмечала и периодика: «Мрачную картину представляют собой эти люди. Расстроенные, разоренные, старые, женщины, дети, изнуренные, желтолицые... Невольно текли слезы у сострадавших людей, слушавших их рассказы об ужасных разорениях, выпавших на долю их края, выступлении из родных жилищ, о разлуках мужа с женою, родителей с детьми»¹⁷.

Лица беженков, как писали современники, несли печать безумного ужаса от пережитого, а слезы, и это не будет метафорой, лились просто морем. При этом были случаи, когда среди беженцев распространялись заведомо ложные слухи, что еще больше усугубляло и без того трагическую ситуацию. Например, когда партия беженцев из Волыни прибыла в Херсон, беженцы просто боялись выходить из вагонов, потому что кто-то пустил слух, что их всех утопят в море. Женщины-беженки были просто в ужасе: «Это нас повезут в море топить!»¹⁸

¹⁵ *На Волыне // Нежинец. 1915. №36. 29 августа. С.14.*

¹⁶ *ГАХО. Ф.18. Оп.21. Д.10. Л.85–86.*

¹⁷ *Письма из уезда. Беженцы // Известия Херсонского уездного земства. 1915. №45. С.1244.*

¹⁸ *Емцев Т. Обездоленные // Известия Херсонского уездного земства. 1915. №41. 9 октября. С.1112.*

**СТАТИСТИКА,
ПЕРИОДИЗАЦИЯ И БЕЖЕНКИ**

Первую перепись беженцев в Российской империи организовал Татьянинский комитет. По состоянию на 20 декабря 1915 г. было зафиксировано 2 706 309 беженцев¹⁹. Больше

всего их осело в Екатеринославской и Московской губерниях (собственно в Москве), а также в губерниях, прилегающих к линии фронтов. Значительную нагрузку по численности беженцев несли украинские губернии, из которых Екатеринославская, где нашли убежище 227 942 человека, заняла первое место среди 45 европейских губерний Российской империи²⁰. Харьковская по количеству размещенных беженцев была второй среди украинских губерний и пятой среди остальных местностей империи. На весну 1916 г., по подсчетам Татьянинского комитета, в Российской империи осело 3 306 051 беженцев. На 1 ноября 1916 г. было зарегистрировано уже 3 573 471, из которых 761 245 проживали в Украине, что составило 21% от общего количества. Эти и другие данные нельзя назвать точными, они лишь ориентировочные, поскольку в условиях войны чрезвычайно трудно провести любой статистический сбор данных.

Половозрастной состав беженцев можно проанализировать на примере трех губерний: Екатеринославской, Подольской и Полтавской, – из которых поступили сведения в статистическое бюро Татьянинского комитета. К сожалению, материалы не отражают окончательной картины, поскольку измерения касались лишь 1,2 млн. беженцев²¹. Тем не менее достаточно условно полученные данные можно спроецировать и на общеукраинский контекст. Количество беженцев в трех украинских губерниях, среди которых был установлен половозрастной срез, составило 174 325 человек, то есть около трети от общего их числа. Женщины составили 56%, тогда как мужчины – 44%. Из этого числа: дети до 15 лет – 43% от общего количества, взрослые – 51%, престарелые – 4%.

¹⁹ Жванко Л. М. *Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.)*. С.527–528.

²⁰ Жванко Л.М. *З історії перебування біженців Першої світової війни в Катеринославській губ. (1915 р.)* // *Наддніпряньська Україна: історичні процеси, події, постаті: зб. наук. пр.* / [Відп. ред. С.І.Світленко]. Дніпропетровськ, 2006. Вип.4. С.219.

²¹ *Распределение беженцев по полу, возрасту и национальности* // *Известия Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны*. 1916. №5. 1 августа. С.11.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

Женщины в возрасте от 15 до 60 лет составили 30%, что в сумме вместе с детьми дало 74%²².

И хотя довольно сложно определить точное количество женщин-беженок, поскольку некая их часть в статистических данных, которые готовили местные комитеты помощи беженцам, попала в графу «*Без разделения на пол*», все же можно утверждать о преобладании среди беженцев именно женщин. В июле 1915 г. екатеринославская газета писала: «Большинство беженцев – многосемейные, почти исключительно, женщины и дети»²³. В другой уездной газете: «Из русских окраин потянулись сотнями и тысячами обездоленные жители, и среди них немало женщин, стариков и детей»²⁴.

Еще более красноречивы архивные источники, согласно которым, например, 3 марта 1915 г. из Люблинского уезда в Харьков прибыли 37 женщин и 148 детей в возрасте от 1 месяца до 16 лет²⁵. Например, 19-летняя беженка из Пултуского уезда Варшавской губернии Регина Гаак приехала в Харьков с сыном, которому было всего две недели. Если учесть возможности железных дорог, военное положение, то можно справедливо предположить, что мальчик родился в дороге. Всего из 806 детей-беженцев, прибывших в Харьков с 28 февраля по 15 марта 1915 г., 404 ребенка были в возрасте до семи лет²⁶. Почти все женщины были многодетные. Вот только одно подтверждение. 2 марта 1915 г. в Харьков прибыло 63 семьи из Плоцкой губернии, среди которых была 35-летняя Амалия Пим. С ней приехали восемь детей: Ванда (15 лет), Эмиль (13 лет), Шарлотта (11 лет), Людвиг (9 лет), Эльза (7 лет), Юлиана (4 года), Герман (3 года) и Анна (2 года)²⁷. Можно представить, как тяжело было этой женщине в эвакуации.

Рассмотренные факты убеждают нас в том, что образ несчастливой женщины-беженки действительно правдив и не является затертым штампом, сформированным официальными лицами, общественными деятелями и журналистами.

²² Жванко Л. *Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.)*. С.54.

²³ *Помощь беженцам-славянам* // *Екатеринославская земская газета*. 1915. 14 июля.

²⁴ *Лохвица – разрушенным окраинам* // *Лохвицкое слово*. 1915. 29 мая.

²⁵ ГАХО. Ф.18. Оп.21. Д.3. Л.30–32.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л.2 об.

Российские историки, изучавшие эту проблему, также подтверждают тезис о том, что среди беженцев преобладали женщины и дети²⁸.

В жизни беженки Первой мировой войны можно выделить три довольно условных периода, имеющих свои особенности и временные границы. Первый: от начала войны и до конца 1915 года – время эвакуации, наполненное ужасом разлуки с родными местами и потерей родственников в долгой дороге, страх в ожидании нового, неизвестного в тылу, в чужих губерниях. Второй: 1916 – середина 1918 г. – временное пребывание в эвакуации, вживание в роль «гостьи», а позже и, по некоторым оценкам местного населения, «иждивенки». Третий: середина 1918 – октябрь 1924 г. – реэвакуация, начатая Украинской Державой гетмана Павла Скоропадского; затем, уже во время советской власти, – достаточно сложная репатриация на родину. Это было обусловлено жесткими формализованными условиями составления списков беженцев и получения ими надлежащих проездных документов. В основу этого деления нами положен принцип мобильности женщины – «эвакуация – временное проживание – репатриация». В настоящей статье автор, прежде всего, акцентирует внимание на том периоде истории Российской империи, который охватывает, наверное, самый сложный момент в жизни беженки – дорога в эвакуацию, дорога в никуда, дорога в неизвестность...

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ БЕЖЕНОК

Значительное количество беженок составили представительницы разных этнических групп. К сожалению, точно установить, какой сегмент составляла каждая из них, невоз-

можно, поскольку в данном случае возникают две цифры: официальные, собранные сотрудниками различных комитетов, и неофициальные, никем не зафиксированные. В конце декабря 1915 г., по данным Татьянинского комитета, на территории империи находилось 480 тыс. польских беженцев, 320 тыс. – латышских, 204 800 – еврейских, 89 600 – эстонских. При объективном определении этнического состава беженцев возникает еще одна проблема – обобщенное понятие «русские беженцы», к которым причислялись русские, украинцы и белорусы. Наибольшую после «русских» беженцев этническую группу составили поляки. Их количество исчисляется от 617 174²⁹ до одного миллиона³⁰.

²⁸ Курцев А.Н. *Беженство // Россия и Первая мировая война... С.142.*

²⁹ Mądzik M. *Z działalności Polskiego Towarzystwa Pomocy Ofiarom Wojny na Białorusi w*

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

Разнятся данные и по количеству латышских беженцев, они варьируются от 760 тыс. человек, из которых 334 651 были зарегистрированы в комитетах по оказанию помощи беженцам, до «одного миллиона латышей в статусе беженцев»³¹.

За этими сухими статистическими данными стояли судьбы несчастных, которых военное лихолетье забросило далеко от родного дома. Женщинам, вырванным из обычных условий существования, часто без знания языка, в чужой религиозной и ментальной среде, было довольно трудно переносить беженство. Оно стало не только материальным испытанием, что выражалось в нужде, но и, возможно, даже более тяжелым в моральном плане. Неопределенность в будущем, потерянные члены семьи – все это приводило их в отчаяние. Зарубежные историки, анализируя проблему этнических беженцев, отмечают некий психологический барьер, который приходилось преодолевать последним – так называемый «порог» или «границу», в зависимости от ситуации. Те, кто «переступил порог» неизвестности, и те, кто их встретил, были вынуждены сосуществовать вместе. Подчеркнем: «Для многих беженцев нерусского происхождения не было разницы между беженцами и коренным населением. Однако не во всех случаях положение тех, кто переступил "порог", было одинаковым... В некоторых случаях граница – географическое понятие, а в других – культурное (между городом и деревней), или религиозное, или комплекс культурно-правовых норм»³².

Для этнических беженцев было чужим все, начиная с языка (на что неоднократно указывают источники) и заканчивая национальной кухней. Например, в Кривенецкой экономии графа Браницкого Таращанского уезда Киевской губернии проживало несколько семей польских беженцев. Местные крестьянки очень прониклись сочувствием к этим несчастным людям, но «они несвободно понимают друг друга, так как беженцы разговаривают только по-польски»³³. Любопытно, что часть местных комитетов выдавала беженкам даже продукты для пригото-

latach I wojny światowej // Zapiski Historyczne. 1996. T.LXI. Z.1. S.63.

³⁰ *Najdus W. Uchodźcy polscy w Rosji w latach 1917–1919 // Kwartalnik Historyczny. 1957. №6. S.26.*

³¹ *Žvanko Ļ. Latvieš bēgļi Pirmā pasaules kara gados Harkovā (1915–1916) // Latvijas Kara muzeum gadagrāmata. X. Rīga: Latvijas Karamusejs, 2009. L.19. Хроника // Утро. 1916. 19 января.*

³² *Гетрелл П. Указ. соч. С.48.*

³³ *Цегельнюк В. Беженцы // Киевская земская газета. 1915. Октябрь. С.27.*

ния своей национальной еды. Судьбы этнических беженок – отдельная страница в истории женщины-беженки, так как, номинально пребывая в пределах одного государства, в эвакуации они столкнулись с совершенно иным миром. Ведь, даже чтобы родить ребенка, ей нужно было отыскать врача, который знал ее язык. Так, например, латышский комитет в Харькове выискивал из числа латышских беженцев медицинский персонал и брал их к себе на службу, чтобы те оказывали помощь своим соотечественникам.

Интересна и в то же время трагична судьба польской беженки Антонины Урбан, которая была эвакуирована в Харьков из Люблина. В «Книге беженца» за 1916 год значился состав семьи: «отец – Петр Урбан, 29 лет; мать – Антонина Урбан, 22 года; дети – Люцина, 2 года, Юзефа 1 год». В 1917 году на свет появилась Ядвига. Муж умер в 1919 году от эпидемии оспы, в тот же год умерла и маленькая Юзефа. Антонина осталась одна с двумя маленькими дочками без средств к существованию, без знания языка, и только добрые люди не дали ей и детям умереть с голоду. Эта женщина прожила в Харькове много лет, но единственной мечтой, которая, по словам ее внучки Людмилы Топорковой, осталась несбыточной и о которой она жалела все время: «Хотя бы на мгновенье увидеть родной Люблин». Женщин, которые так и не вернулись на родину, было множество.

В начале войны, в условиях удачно разыгранной пропаганды по поводу зверств врага, беженство получило широкую поддержку общественности. Помощь «братьям, которые первыми встретили, приняли на себя жестокий удар войны»³⁴, рассматривалась как священный долг. Местная пресса, которая сыграла свою положительную роль в деле помощи беженкам, печатала несколько наивные и одновременно трогательные стихотворные призывы:

*Помагайте биженцям!
Мов той ворон в пизню осинь
Сумно кряче, летючи.
Бидни люде стогнуть, плачуть
От кордона идучи.
.....
Помагайте ж, товариши,*

³⁴ Журнал очередного Валковського уездного земского собрания сессии 1915 г. 27–30 октября. Валки: Типогр. Ф.В.Савченко, 1916. С.88.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

*Биженцам сердешным.
За це сто раз заплатитья
Вам Творцем Небесным³⁵.*

С далеких окраин империи беженцы несли в ее тыловые губернии иной образ жизни, религию, язык, даже другой внешний вид. В то время даже одежда беженок служила неким маркером, по которому узнавали даже целые губернии. Одессит – очевидец тех событий – писал:

«Губерния идет за губернией. Через несколько часов пути вы уже начинаете различать губернию от губернии.

Вот идет Холмская губерния.

Вы узнаете ее по прическам баб. Из-под платка на лоб выбились подстриженные "челки". Какие наши дамы носили лет 20 тому назад.

Это белгорайки. Крестьянки Белгорайского уезда, которых терпеть не могут и презирают за эти самые "челки" крестьянки других губерний:

– Простоволосые!

Холмские раньше всех вышли, дольше всех идут и больше всех озлоблены. Их бабы сварливы, смотрят злобно, из всяких пустяков истерически кричат.

Видимо, всю душу из них вымотало. Нерва живого не осталось.

Вот степенно в красноватых кожухах с выпушью идет Гродненская губерния. Вы узнаете ее по гродненским кибиткам. Кибитки на телегах, обтянутые клетчатыми и полосатыми материями. Этот домотканый материал для нарядных бабьих плахт.

В Гродненской губернии у баб:

– Такая мода»³⁶.

ЖИЗНЬ В ЭВАКУАЦИИ

Война разрушила патриархальные устои семейной жизни, выбросила женщину в новый, полный опасности мир. Ощущение постоянной потери, по выражению Питера Гетрелла, у беженок обусловлено тем, что прочная связь с семейным очагом с началом войны была грубо прервана³⁷. Отсутствие крыши над головой, не-

³⁵ «Помагайте биженцям!» // *Нежинец*. 1915. №37. 5 сентября. С.10. – В тексте украинские слова написаны русскими буквами. Тогда нельзя было использовать украинский шрифт.

³⁶ *Крестный ход* // *Одесский листок*. 1915. 15 октября.

возможность почувствовать себя на новом месте хозяйкой отнюдь не способствовали внутреннему спокойствию беженки. Взяв на себя ответственность за семью, когда мужчина находился на войне, в плену, а хуже – без каких-либо известий о нем, женщина изменила свою социальную роль, и из пассивной «хранительницы очага» превратилась в кормилицу семьи.

Женщина была вынуждена пойти работать или искать приемлемый для нее вид заработка. Хотя работать было трудно: чужая местность, люди, обычаи, язык. Часть беженцев из привилегированных социальных слоев вообще никогда не работала, а потому им особенно было тяжело. Некомфортно было и крестьянкам, которые нашли временное убежище в городах, и горожанкам, поселившимся в сельской местности.

Интересный пример поиска средств к выживанию, а равно и иллюстрации повседневной жизни беженки можно найти в письме латышки Анлизы Крольман. В октябре 1916 г. она обратилась к харьковскому губернатору Николаю Оболенскому:

«Я беженка из города Митавы, по национальности латышка, мне теперь 60 лет от роду, муж мой умер около 7 лет тому назад, и летом 1915 года при внезапном наступлении неприятельских войск я вместе с другими жителями города Митавы убежала и на казенный счет меня привезли в город Харьков. Так как я совершенно больна: обе ноги при малейшем движении сильно пухнут и болят, вследствие чего я лишена трудоспособности и личным трудом не могу зарабатывать для себя пропитание; не имея никаких средств к существованию, я обратилась по месту моего жительства в Холодногорский Поселковый Комитет по оказанию помощи беженцам с ходатайством о выдаче мне надлежащего вспомоществования для поддержания моего существования. Комитет, удостоверившись в моей крайней бедности, постановил выдать мне пособие по 4 рубля 50 коп. кормовых, 60 коп. квартирных и 80 коп. на отопление в месяц, итого 5 рублей 90 коп. в месяц. Это пособие я получала начиная с 14-го ноября 1915 года по август месяц сего 1916 года, причем с мая месяца мне пособие увеличили на 1 рубль 20 коп. в месяц, выплачивая по 7 рублей в месяц. Однако когда я за сказанным пособием явилась в попечительство в начале августа месяца сего года, то мне там объяснили, что больше никакого пособия мне не выдадут по той причине, что я занимаюсь торговлей.

³⁷ Гетрелл П. Указ. соч. С.114.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

А потому на основании изложенного, имея в виду, что я никакой торговлей не занималась и ныне не занимаюсь, ибо не имею для торговли никаких средств, что то обстоятельство, – что я, привыкшая на родине вечно находиться в работе и здесь не могу усидеть в душной комнате, беру корзиночку, покупаю в лавке несколько фунтов семечков подсолнечных и их на улице, сидя, по копейкам продаю, – не может быть отнесено к торговле, от прибыли которой я могла бы себя содержать, ибо другой день я могу на 30 до 40 коп. продать семечек и выгадать себе 5–10 коп., а на другой день и [на] 10 коп. не могу продать, так что тогда ни копейки прибыли не имею, между тем жить же надо и лишиться себя жизни я не могу, я всепокорнейшее прошу, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, заступиться за меня несчастную старушку беженку, сию мою жалобу проверить и в случае надобности допросить хотя бы всех наших окрестных жителей для выяснения того обстоятельства, чем я торгую и сколько я могу заработать, после чего предписать Холодногорскому Поселочному Комитету беспрепятственно выдать мне пособие в сумме по 7 рублей в месяц, так как при существующей страшной дороговизне на съестные припасы первой необходимости, если я и на самом деле могла бы каждый день и по 10 коп. заработать на продаже подсолнух-семечек, то и тогда в общем весь мой доход вместе с пособием в месяц составит лишь 10 рублей, крайне ничтожную сумму сравнительно с существующей дороговизной.

Также прошу Комитету предписать выдать мне удержанное за август, сентябрь и октябрь месяцы пособие, дабы я на эти деньги могла купить себе кое-какую зимнюю одежду, а равно и дрова и уголь на зиму»³⁸.

Конечно же, очень трудно было подыскать работу женщинам, у которых были маленькие дети. И вообще в условиях безработицы женский труд, по большому счету, был не очень востребован.

Пропитание беженки получали на специальных пунктах, в открытых столовых или же на руки в качестве пайка. В августе 1916 г. корреспондент одной из киевских газет так описал посещенный им пункт питания: «Время обеда. Серая толпа. Престарелые, подростки, дети, но, в основном, женщины. Серые малороссийские свитки, кожухи, городские пальто, галицкие поярковые шапки. Сквозь толпу едва протискиваются сестры милосердия, которые разносят еду. Беженцы едят за длинными столами, другие ждут своей очереди, третьи получают продуктовую пайку и идут

³⁸ ГАХО. Ф.18. Оп.21. Д.153. Л.9–9 об.

домой. У одной из сторон столы справочных бюро: русское, польское, еврейское»³⁹.

Расселяли беженков и их семьи в специально устроенных приютах либо у местного населения на квартирах. Условия жизни были неодинаковыми и зависели от множества разных факторов. Осенью 1915 г. корреспондент Тимофей Емцев, в прошлом земский учитель, записал жуткую историю очевидца, который посетил один из приютов для беженцев в Херсонском уезде:

«Днем и ночью, надрываясь, плакал младенец. Он, охрипший от крика и посинев, сновал худыми зеленоватыми, похожими на червячков ножками, сновал и уже не плакал, а стонал, как взрослый. Мать с измученным, заплаканным лицом, совала ему в ротик пустые, обвисшие, как тряпка, груди и отрывисто бросала:

...Умри! У меня нет молока! О! Умри! Я не могу!.. Она охватила голову и стонала: "О-о! Я больше не могу! Боже, возьми его. Я не могу!"

Ночью внезапно ребенок умер. Он больше не кричал и не сновал своими ножками-червячками, а мать сидела над маленьким трупиком и билась головой о стену»⁴⁰.

По-другому описывается жизнь беженков в одном из одесских приютов: «Вот на кровати сидит женщина, подперев голову рукой в задумчивой позе. Изваяние грусти. Ей, вероятно, вспоминается родимый край, и она мечтой летит к былому. Ее жизнь – вся в прошлом. Но дети жизнерадостные»⁴¹.

Интересно, что власть, расселяя беженков у местного населения, закладывала фактически мину замедленного действия, которая в условиях усталости от неудачной войны, задержки выплат за предоставление помещений, и без того обесцененные инфляционными процессами, и др. в 1916 г. взорвалась локальными социальными конфликтами. Местное население, недавно гостеприимно и с сочувствием принимавшее к себе беженцев, теперь порою выгоняло их на улицу. В то же время можно говорить и о вмешательстве в собственный мир человека, ведь в доме на несколько лет поселились чужие. Беженки также не всегда комфортно себя чувствовали, безусловно, возникали бытовые ссоры, претензии, а

³⁹ Деятельность Волынского и Киевского отделений Комитета Ее Высочества // Известия Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1916. №6. 15 августа. С.6.

⁴⁰ Емцев Т. Указ. соч. С.1112.

⁴¹ Разнесенные бурей // Одесская почта. 1916. 12 января.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

потому получить крышу над головой еще не означало получить в условиях войны хотя бы иллюзорный душевный покой.

Длительная эвакуация не добавляла здоровья беженцам, в связи с чем, не имея возможности работать, они обращались за помощью к местным высокопоставленным чиновникам. Например, 3 июня 1916 г. беженка Зальма Ласман писала харьковскому губернатору: «Честь имею просить, Ваше Сиятельство, помочь мне получить деньги из комитета, нужные для моего существования. Муж мой на войне. Я осталась с ребенком и старухой матерью без всяких средств к жизни. Сама очень больная и потому не могу зарабатывать»⁴².

Вопрос объединения семей был также важен. Но местная власть, не желая увеличения численности беженцев в «своей» губернии, не всегда положительно решала прошения об их перемещении из одного населенного пункта в другой. Беженкам хотелось скорее очутиться среди родных и близких. 27 июня 1916 г. Матильда Балод в надежде на положительное решение писала харьковскому губернатору: «Покорнейше прошу Ваше превосходительство ходатайствовать перед надлежащими властями о разрешении мне, моему сыну Августу 12 лет и старухе матери Ильзе Балтим 75 лет выехать из Харькова в г. Псков, где живет моя родная сестра Елизавета Либер. Там, в Пскове, муж моей сестры Петр Либер работает на электрическом заводе, и поэтому мы все могли бы там устроиться возле своих родных, а здесь в чужом для нас городе, мы оказываемся совершенно беспомощными»⁴³.

5 октября 1916 г. Ловиза Соколовская, мещанка из Курляндской губ., эвакуированная в Харьков, обратилась к губернатору с прошением, о чем с ее слов было написано местным жителем В.Нестеренком: «Муж мой и сыны призваны на военную службу, и я в настоящее время осталась в Харькове без всяких средств к жизни и по болезни не могу добывать себе пропитание. Посему имею честь просить Ваше Превосходительство разрешить отъезд в Москву, где у меня есть два брата, которые мне могут оказать нужную помощь, и дайте мне проезд до Москвы»⁴⁴.

Достаточно серьезной проблемой для беженцев было и сексуальное насилие и проституция. В городах даже возникли «Общества защиты

⁴² ГАХО. Ф.18. Оп.21. Д.63. Л.108.

⁴³ Там же. Д.54. Л.102.

⁴⁴ Там же. Л.235.

женщин»⁴⁵ с целью спасти «молодых интеллигентных и полуинтеллигентных беженцев» от «пагубного влияния городской жизни». Неоднократно тогдашняя пресса публиковала предостережения для молодых беженек, чтобы они боялись «...мужчин, предлагающих свои услуги», которые в действительности «...вводят свои жертвы в притоны порока», и «...алчных дам, проникающих в приюты для беженцев»⁴⁶. Уже к концу 1916 г. беженство стало обычным явлением для местного населения. Теперь никого не удивляли очереди возле помещений комитетов для получения мизерной помощи, не было прежнего рвения организовывать различные сборы пожертвований. Наедине со своими бедами оставались беженки, убаюкивая младенцев, рожденных от расквартированных поблизости солдат⁴⁷, а потерянные родителями дети-сироты уже не трогали своим жалобным видом корреспондентов⁴⁸. По существу, можно говорить, что часть беженек начинает вживаться в новую социальную роль кормилицы семейства на новом месте. «Беженство уже перестало быть чрезвычайным явлением. Сами беженцы и коренные жители привыкли к создававшемуся положению, и вопрос беженский сделался будничным, заурядным. Беженцы, в большинстве случаев, осели, акклиматизировались. Кто открыл свое дело, кто поступил на службу, на работу, – но все завели у себя дома и в отношениях к населению "оседлые" порядки. Уже реже слышишь "у нас в Варшаве", "у нас в Гродно". Приучились говорить – "у нас в Полтаве"»⁴⁹.

* * *

Первая мировая война принесла женщинам невероятные испытания. Многие из них по обе стороны фронта примерили на себя трагическую роль беженки. С особенной остротой проявилась эта проблема в Российской империи, подтверждением чего могут послужить процессы, имевшие место на украинских землях, входивших в ее состав. Женщина-беженка вынесла основную тяжесть эвакуации семей и организации жизни на новых местах. Ежедневными спутниками женщины-беженки стали страх, неопределенность в будущем, чувство разрыва с родной землей.

⁴⁵ Хроника // *Екатеринославская земская газета*. 1915. 3 ноября.

⁴⁶ *Местная хроника // Речь*. 1915. 6 августа.

⁴⁷ *Государственный архив в Автономной Республике Крым. Ф.63. Оп.1. Спр.1163. Арк.25.*

⁴⁸ *Семь вагонов детей // Юго-Западный край*. 1915. 13 сентября.

⁴⁹ *Среди беспризорных детей // Полтавский день*. 1916. 2 августа.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ-БЕЖЕНКИ

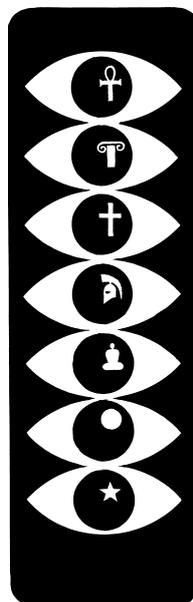
Женщина-беженка с детьми. Фото из журнала «Летопись войны».

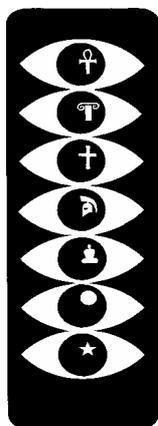
Война не совершается по строго определенному плану, а состоит вся из совокупности случайных обстоятельств. Тот, кто умеет пользоваться и применять эти последние, бывает в выигрыше.

Фукидид

**Я уверен, что ошибки прежней
войны не будут повторены;
вероятно, мы совершим другой ряд
ошибок.**

Уинстон Черчилль

Михаил Вебер

ЭСЕР НА СЛУЖБЕ У КОЛЧАКА

**УПРАВЛЯЮЩИЙ ИРБИТСКИМ
УЕЗДОМ В 1918–1919 ГОДАХ
М.А.АТМАКИН¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).084.3

This article is devoted to the biography of Markel Atmakin, socialist-revolutionary and journalist, who was governor of Irbitskii uezd in 1918–1919. The article is focusing on activity of Atmakin during the period of Russian Civil war. With use of various archival documents, the background of conflicts between civil and military authorities of Kolchak regime is described in the article. According to the author's opinion, such conflicts bring the White movement in the East of Russia to defeat.

Ключевые слова: гражданская война; Урал; эсеры; Колчак; Аткакин.

Key words: Civil war; Ural; socialist-revolutionaries; Kolchak; Atmakin.

E-mail: mikeveber@mail.ru

¹ Публикация подготовлена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН, проект «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы», №12-Т-6-1003.

Традиционная российская государственность рухнула, не выдержав испытания Первой мировой войной и революциями 1917 г. Затем, в ходе кровопролитной гражданской войны, различные политические и социальные силы предприняли несколько попыток восстановить ее на новых началах, но лишь одна – советская – оказалась успешной. Тем не менее большой научный интерес представляют попытки и модели воссоздания российской государственности, в т.ч. имевшие место в восточной части России, альтернативные советской. Как известно, во время гражданской войны Урал в течение года находился под властью антибольшевистских режимов, но их деятельность по идеологическим мотивам была показана в работах советских историков в самых общих чертах и зачастую весьма односторонне. В последние 20 лет изучение различных аспектов деятельности органов государственного и муниципального управления, созданных белыми на Урале, стало одной из актуальных тем исторических исследований². Жанр биографии позволяет через судьбы отдельных людей услышать

² См.: Сичинский Е.П. Из истории Временного областного правительства Урала (к вопросу о «третьем пути» русской революции) // История СССР. 1992. №1. С.164–172; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале в 1918–1919 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1994; Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Сб. документов. Тверь, 1999; Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В.Колчака. Кемерово, 2001; Плешкевич Е.А. Временное областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования // Российская история. 2003. №5. С.30–35; Его же. Структура органов государственной власти и управления Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 г.) // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. Материалы науч. конф. в Челябинске 19–22 апреля 2002 г. М., 2003. С.62–67; Салазникова С.С. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции» (январь–ноябрь 1918 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; Рышков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006; Его же. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008; Его же. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сб. научных статей / Науч. ред. В.И.Шишкин. Новосибирск, 2012. С.125–158; и др.

биение пульса эпохи, почувствовать атмосферу реальных событий того времени³.

Эта статья посвящена личности Управляющего Ирбитским уездом Пермской губернии в 1918–1919 годах Маркела Андреевича Атмакина⁴. В основе статьи лежит следственное дело, заведенное на М.А.Атмакина колчаковской контрразведкой, которое содержит много интересных, а главное, достоверных сведений о его жизни и деятельности на посту Управляющего уездом⁵.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЮНОСТЬ И РЕСПЕКТАБЕЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ

Маркел Атмакин родился в 1883 году в крестьянской семье, проживавшей в селе Афонькино Ишимского уезда Тобольской губернии⁶. Он получил типичное для выходца из этой

социальной среды образование – окончил учительскую семинарию, именно там сформировались его взгляды. Не секрет, что подобные учебные заведения в имперской России были лучшей кузницей кадров для революционного движения. Многие студенты активно участвовали в деятельности различных подпольных кружков, распространяли нелегальную литературу и находились в глухой оппозиции официальным властям. Прошел через эту школу жизни и Атмакин.

В своих показаниях колчаковскому следователю Атмакин признался, что при царском режиме его арестовывали за принадлежность к Учительскому союзу. Очевидно, арест имел место осенью 1906 года, во время Первой русской революции. Тюменская газета пишет, что «аре-

³ См.: Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002; Звягин С.П. Управляющий Пермской губернией Н.П.Чистосердов: страницы биографии // Гражданская война на Востоке России. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь, 2008. С.101–104; и др.

⁴ Ранее я уже обращался к этой теме, но выявленные в архивах новые документы и материалы позволили существенно дополнить и расширить предыдущую публикацию, которая лишь наметила основные вехи биографии Атмакина (См.: Вебер М.И. Управляющий Ирбитским уездом в 1918–1919 гг. М.А.Атмакин: страницы биографии // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты. Сб. научных статей. Екатеринбург, 2011. Ч.1. С.111–118).

⁵ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф.40218. Оп.1. Д.253.

⁶ Там же. Л.31.

стованные 17 октября Васенин и Кузнецов "высылаются из пределов Тобольской губернии". Арестованным тогда же Мишину и Аتماкину будет предъявлено обвинение⁷. В этот период жизни Маркел Андреевич по своим политическим взглядам тяготел к социал-демократам. Со временем, однако, его симпатии повернулись в сторону партии социалистов-революционеров.

Активная общественная и политическая позиция М.Аتماкина, с одной стороны, и несомненные литературные способности, – с другой, побудили его заняться журналистикой. Со временем эта работа стала для него основной. Корреспонденции и статьи Аتماкина печатались в различных газетах, например, в екатеринбургских «Уральском крае» и «Голосе Урала». В предвоенные годы журналистская карьера Аتماкина пошла на взлет и он перебрался в столицу, где сотрудничал с разными изданиями. В частности, Маркел Андреевич редактировал ежедневную газету «Вечерний Петербург», издававшуюся в 1914–1915 годах. К этому времени Аتماкин успел жениться, у него было трое детей.

Начавшаяся Первая мировая война радикально изменила привычный образ жизни миллионов людей, поменявших мирные профессии на военное ремесло. Образованная часть русского общества влилась в императорскую армию в качестве офицеров, сменив кадровый офицерский корпус, почти поголовно выбитый уже в первый год войны. Довелось примерить на себя офицерскую шинель и Маркелу Аتماкину. К 1917 году он дослужился до чина штабс-капитана и воевал с немцами в рядах 128-го Старооскольского пехотного полка⁸.

Революция обозначила новый крутой поворот в судьбе Аتماкина. В апреле 1917 года он приехал с фронта в Петроград. Очевидно, во время службы в армии он не терял связи с эсерами, так как сразу же был назначен корреспондентом газеты «Русский инвалид» по личному распоряжению военного министра, эсера А.Ф.Керенского. Затем Маркела Андреевича перевели на работу в издававшуюся при Верховном Главнокомандующем газету «Армия и флот Свободной России». После большевистского переворота М.А.Аتماкин продолжил заниматься журналистской деятельностью и стал трудиться в газете антибольшевистской направленности «Эхо». В январе 1918 г. эта газета была закрыта революционным трибуналом, редакцию арестовали, а сотрудники скры-

⁷ Хроника // Сибирский голос. 1906. 21 ноября. №2. С.3.

⁸ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.31.

лись⁹. Аتماкин решил уехать в Сибирь, но доехал только до города Ирбита, где решил остаться и переждать смутное время.

ИЗ КРЕСЛА РЕДАКТОРА В УЕЗДНЫЕ КОМИССАРЫ

30 июля 1918 г. Ирбит был занят войсками Временного Сибирского правительства – Омским офицерским партизанским отрядом штабс-капитана Н.Н.Казагранди¹⁰. Аتماкин, как

боевой офицер, был мобилизован белыми и назначен помощником коменданта Ирбита. Интересно, что параллельно с работой в военной, а затем и в гражданской администрации судьба подарила Маркелу Андреевичу возможность снова заняться своим любимым делом – журналистикой. Дело в том, что после освобождения города от большевиков в Ирбите возобновилось издание ежедневной независимой газеты, информирующей горожан о событиях местной и губернской жизни – традиция, прерванная на полгода большевиками зимой 1918 г. Новая городская газета стала выходить под названием «Ирбитский вестник». И лучшей кандидатуры на пост редактора, чем Аتماкин с его опытом работы в столичной прессе, на тот момент в городе не нашлось. Благодаря высокому профессионализму Маркела Аتماкина «Ирбитский вестник» ни в чем не уступал газетам, издававшимся в губернских центрах.

Одновременно с работой в «Ирбитском вестнике» М.А.Аتماкин подвизался в качестве собственного корреспондента Сибирского (позднее переименованного в Российское) телеграфного агентства. Последнее было главным поставщиком официальной информации на территории белой Сибири. Сотрудники агентства собирали информацию, представляющую общественный интерес, на основе которой выпускались информационные бюллетени, рассылавшиеся членам правительства, губернским комиссарам, иностранным консулам, а также редакторам всех сибирских газет¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ Немытов О.А., Дмитриев Н.И. 16-й Ишимский стрелковый полк. Очерки истории. Екатеринбург, 2009. С.17–19.

¹¹ Шевелев Д.Н. Сибирское-Российское-Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. Серия История. 2011. №2 (14). С.113.

19 августа 1918 года на Чрезвычайном Земском собрании Ирбитского уезда М.А.Атмакин был избран Уездным комиссаром¹². Кандидатуру Атмакина на этот пост предложил ирбитским земцам уполномоченный Временного Сибирского правительства поручик Корепанов¹³. Скорее всего, выдвижение состоялось благодаря договоренности между Корепановым и Атмакиным о том, что последний будет лоялен Сибирскому правительству. Впрочем, ирбитская общественность с энтузиазмом отнеслась к кандидатуре столичного журналиста. Допрошенный впоследствии в рамках следственного дела над Атмакиным председатель Ирбитской земской управы С.Ф.Чувашев отметил, что не был знаком с Атмакиным до 1918 года, однако поддержал его выдвижение на пост Уездного комиссара из-за высоких деловых качеств Атмакина. Чувашев охарактеризовал Маркела Андреевича как «энергичного, живого и деятельного», знающего свое дело человека¹⁴. Логичней предположить, однако, что сыграла свою роль партийная принадлежность Маркела Атмакина. Дело в том, что и сам Чувашев был эсером; более того, возглавлял в 1917 году ирбитское отделение этой партии и даже баллотировался от эсеров в Учредительное собрание по спискам Пермской губернии.

Маркел Андреевич был хорошо информирован об эсеровских внутрипартийных делах. Так, в статье о свержении большевистской власти в Сибири Атмакин проявил отличную осведомленность о принятом весной на партийном съезде Сибирского краевого комитета эсеров в городе Мариинске решении начать подготовку к вооруженному восстанию против большевиков и со знанием дела рассуждал о том, что это восстание планировалось начать не раньше осени¹⁵. Характерно, что поначалу Атмакин и сам не скрывал своих политических взглядов и при заступлении на должность открыто сообщил вышестоящему начальству о том, что он эсер. Летом 1918 г. подобные заявления были уместны.

Однако уже в первые месяцы борьбы с большевиками хрупкое единство антибольшевистского лагеря стало понемногу давать трещины.

¹² *Ирбитский вестник*. 1918. 21 августа. №16. С.4. – При Колчаке, в январе 1919 г., эту должность переименоуют в Управляющего уездом.

¹³ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф.Р-1951. Оп.1. Д.57. Л.64.

¹⁴ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.35–36.

¹⁵ Атмакин М.А. *Борьба с большевиками в Сибири* // *Ирбитский вестник*. 1918. 6 августа. №4. С.2.

Военные не смогли преодолеть антагонизм к эсерам и другим социалистам, которых считали виновными в развале русской армии в 1917 году. Эсер на посту Уездного комиссара, пусть даже служивший в армии, был бельмом на глазу у той части офицерства, которая придерживалась правых взглядов. Поэтому вскоре после избрания у Аتماкина начались конфликты с военными властями.

ВО ИМЯ МИЛОСЕРДИЯ

Одним из камней преткновения стала редакционная политика «Ирбитского вестника», в т.ч. по вопросу о внесудебных расправах, весьма острому в первые месяцы после свержения большевистской власти. Советские историки не проводили различий между стихийным и организованным белым террором, предпочитая обвинять во всем белые правительства и их агентов. Между тем, как показывают современные исследования, значительная часть жертв белого террора приходится на стихийный, внеинституциональный террор, террор «снизу»¹⁶. Уральский историк А.М.Кручинин, проанализировав составленные советскими органами власти (в 1919–1920 гг.) списки жертв белого террора в соседнем с Ирбитским Камышловском уезде, пришел к выводу, что не менее 35% из них были казнены односельчанами по приговорам сельских обществ¹⁷. Как правило, эти люди участвовали ранее в конфискации имущества и скота у зажиточных крестьян, разделе земли, взыскании налогов и контрибуций, были активными сторонниками советской власти и разрушали, как могли, традиционный уклад деревенской жизни. В тех случаях, когда этим людям удавалось бежать, гнев сельского схода нередко вымещался на их родственниках, зачастую ни в чем не повинных и становившихся жертвой традиционалистского, внеправового сознания уральских крестьян.

¹⁶ *Красный террор помимо организованных форм также часто проявлялся в виде стихийных расправ, т.н. красного бандитизма, имевшего место как в ходе гражданской войны, так и в первые годы после ее окончания (См.: Шишкин В.И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Сб. статей. Новосибирск, 2002. С.3–79; Габушин К.Н. «Красный бандитизм» на Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С.135–141).*

¹⁷ *Кручинин А.М. Красный и белый террор в России в 1917–1922 гг. // Ретроспектива. 2011. №2. С.13–14.*

Страницы «Ирбитского вестника» пестрят сообщениями о стихийных самосудах крестьян над сторонниками большевиков. Так, в одном из номеров сообщается, что «крестьянами с. Белослудского расстреляны 11 наиболее видных местных деятелей и сторонников советской власти... Ежедневно в г. Ирбит крестьянами уезда привозятся арестованные по деревням и селам большевики и красноармейцы. Тюрьма не в состоянии вместить всех арестованных»¹⁸. Согласно другому выпуску, «по сообщениям крестьян из дер. Чувашевой, Ницинской волости, перешло в Красную армию около 50 человек. Больше 30 из них уже расстреляно, человек 15 скрываются в лесах Ницинского бора»¹⁹. Естественно, что подобные кровавые акции всячески поощрялись военными властями, но вызывали оторопь у местной интеллигенции.

В редакции «Ирбитского вестника» прекрасно понимали, как опасно неконтролируемое, существующее вне правовых рамок насилие и к чему может привести разжигание социальной розни. Поэтому, начиная с 7 августа 1918 года, на страницах газеты был напечатан целый ряд редакторских колонок и статей, осуждающих самосуды и призывающих к прекращению насилия. Эти материалы – ценный исторический источник, показывающий степень раскола уральской деревни в результате инициированного большевиками процесса экспроприации частной собственности. Кроме того, они ярко характеризуют мировоззрение Маркела Аткакина.

Так, редакторская передовица в одном из октябрьских номеров с горечью констатирует последствия братоубийственной гражданской войны в Ирбитском уезде: «целые села и деревни совершенно разграблены, хлеб увезен, скот угнан, имущество утащено. Волости: Невьянская, Антоновская, Осинцевская, Неустроевская и другие совершенно разорены. Обиднее и досаднее всего то, что в разгроме того или другого села принимали участие не только красноармейцы, но и жители соседних сел и деревень. Можете себе представить, какой ненавистью пылают теперь села и деревни по отношению друг к другу. Из всех разоренных мест поступают сведения, как крестьяне жестоко расправляются с теми, у кого находится то или иное имущество. По селам организованы отдельные дружины, которые ходят из деревни в деревню и производят полевальные обыски. Конечно, на этой почве создаются сотни недоразумений. Иногда отнимается имущество владельца и передается другому,

¹⁸ *Ирбитский вестник. 1918. 8 августа. №6. С.3.*

¹⁹ *Там же. 23 октября. №63. С.4.*

иногда на одно и то же имущество претендует несколько хозяев... Не менее жестоко расправляются крестьяне с теми, родственники которых ушли с красными. Мало того, что арестовывают отца и мать, если у них ушел сын, мало того, что арестуют или прогонят из общества жену, муж которой ушел с красными, но отбирают все имущество и делят его между общественниками или между теми, кто сильнее пострадал от большевиков. Сельские дружины, разъезжая по соседним деревням, реквизируют имущество у семей красноармейцев и затем делят его дома между односельчанами»²⁰.

Характерно название другой редакторской передовицы – «Довольно крови, довольно жестокой мести...». В ней М.Атмакин опубликовал протокол общего собрания граждан села Шогринского, состоявшегося 11 октября. Шогринские крестьяне судили 8 односельчан, обвиняемых в сотрудничестве с большевиками, и приговорили 4-х из них к смертной казни. Маркел Андреевич так оценил крестьянский самосуд: «Каким ужасом средневековья веет от этого протокола. Неужели в селе не нашлось ни одного благоразумного человека, который бы остановил общество от ложных, безумных шагов»²¹. Понятно, что подобные статьи «Ирбитского вестника» и особенно гражданская позиция его редактора вызывали раздражение у военных властей, в глазах которых расправа местного населения над большевиками была оправданной.

ОМСКИЙ ВОЯЖ И ВЫСОКИЕ ПОКРОВИТЕЛИ

Как можно понять из хранящегося в материалах следственного дела частного письма к Атмакину его приятеля Михайлова, Атмакин, чувствуя, что готовится его отставка, а возможно и арест, решил переиграть своих недоброжелателей и уехал искать покровительства в столицу белой Сибири – город Омск. Для поездки нашелся удачный повод – принятое городской думой и уездным земством решение о присоединении Ирбитского уезда к территории, находящейся под юрисдикцией Временного Сибирского правительства²². Стоит отметить, что на Ирбитский уезд претендовало и Временное Об-

²⁰ Там же. 19 октября. №60. С.1.

²¹ Там же. 26 октября. №66. С.1–2.

²² Там же. 26 сентября. №43. С.3

ластное правительство Урала²³ и даже прислало в Ирбит своего уполномоченного И.Г.Морозова, но он опоздал: делегация ирбитчан во главе с М.А.Атмакиным уже уехала в Омск²⁴. Михайлов оценил в своем письме омский вояж Атмакина как «победное путешествие»²⁵. 12 сентября 1918 г. министерство внутренних дел Сибирского правительства утвердило Маркела Атмакина в должности Уездного комиссара²⁶.

Интересно, однако, что вслед за Атмакиным из Ирбита в Омск отправилась телеграмма²⁷ следующего содержания: «Омск. Кадетский корпус. Отряд особого назначения²⁸. Прапорщику Саенко. Сегодня выезжает в Омск ирбитский комиссар Атмакин, необходимо по приезде арестовать его и по возможности скорее ликвидировать как вредного элемента. Передай об этом Сергею. Иосиф Новодворский²⁹». Учитывая

²³ *Демократическое правительство с участием кадетов и умеренных социалистов, сформированное в Екатеринбурге 19 августа 1918 г. по инициативе «Союза возрождения России» и при поддержке иностранных дипломатов в качестве своеобразного буфера, призванного не допустить войны между социалистическим КОМУЧем и правым Временным Сибирским правительством. ВОПУ не имело собственной армии, но пыталось играть самостоятельную политическую роль – впрочем, весьма скромную. После того, как Временное Сибирское правительство присоединило к своей территории 3 уральских уезда (Ирбитский, Камышловский и Шадринский), власть ВОПУ распространялась фактически лишь на Екатеринбургский и освобожденные от большевиков части Красноуфимского, Кунгурского и Верхотурского уездов. В связи с созданием – по итогам Уфимского государственного совещания – Временного Всероссийского правительства ВОПУ сложило свои полномочия 10 ноября 1918 г. (См.: Крель Л.А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921).*

²⁴ ГАСО. Ф.Р-1951. Оп.1. Д.57. Л.64–65.

²⁵ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.44.

²⁶ *Ирбитский вестник*. 1918. 26 сентября. №43. С.3.

²⁷ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.44.

²⁸ *Речь идет о партизанском отряде войскового старшины И.Н.Красильникова, который квартировал в здании 1-го Сибирского кадетского корпуса. Как известно, красильниковцы приняли активное участие в антиэсеровском перевороте, приведшем к власти адмирала Колчака, и были замешаны в политических убийствах социалистов, например, в расправе 22 декабря 1918 г. над группой содержащихся в омской тюрьме видных эсеров и меньшевиков.*

²⁹ *Личность отправителя точно пока не установлена. Скорее всего, он входил в отряд красильниковцев (150 штыков при 3 пулеметах), который в августе 1918 г. был отправлен из Омска на Урал на подмогу частям генерал-майора Г.А.Вержбицкого, оперировав-*

мексиканский характер омских политических нравов, подобная телеграмма могла привести к весьма печальным для Аتماкина последствиям в виде внесудебной физической расправы в одном из темных закоулков Омска, но этого не произошло. 24 сентября 1918 г. Аتماкин благополучно вернулся из Омска в Ирбит.

Здание Сибирского кадетского корпуса в Омске, в котором в 1918 г. размещался партизанский отряд атамана И.Н.Красильникова, осуществлявший политические убийства

В связи с этим особый интерес вызывает личность автора письма Аتماкину. Письмо не подписано, но тот, кто его написал, был известен колчаковской контрразведке, поэтому в описи вещей, изъятых у Аتماкина при аресте, автором письма указан некий Михайлов. Как можно понять из текста письма, Михайлов – омский чиновник со связями, личный друг и покровитель Маркела Аتماкина. Именно он, на условиях конфиденциальности, предупредил Маркела Андреевича о готовящемся на него в Омске покушении и предпринял ответные меры. Как отмеча-

шим в районе города Ирбита. Любопытно, что в отряд красильниковцев целиком записался и отправился на фронт 4-й класс Сибирского кадетского корпуса – подростки 14–15 лет (Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн.1. С.103).

лось в письме Михайлова, «когда ты приезжал к нам в Омск, меня известили таинственными путями, что тебе угрожает серьезная опасность. Естественно, что я пришел в беспокойство и принял меры... Впрочем, пользы от моих "мер" тебе бы не было, если б с тобой что-либо и случилось. Но в этом я бы уже не был виновен»³⁰.

На тот момент на сибирской политической сцене было два известных Михайлова, связанных с партией эсеров; это министр финансов Временного Сибирского правительства Иван Адрианович Михайлов и лидер томских эсеров, бывший член Западно-Сибирского комиссариата Павел Яковлевич Михайлов. Павел Михайлов, однако, отпадает, поскольку к сентябрю 1918 г. его уже отодвинули от власти, кроме того, во время поездки Аتماкина в Омск он находился в Томске. Таким образом, более предпочтительной выглядит версия, согласно которой автором письма был Иван Михайлов. На его возможную связь с Аتماкиным указывают и некоторые факты биографии И.А.Михайлова. Перед Первой мировой войной, когда Аتماкин редактировал в Санкт-Петербурге газету «Вечерний Петербург», Михайлов также жил в столице, где обучался в университете. Участвуя в то время в работе нелегальных революционных кружков, Михайлов вполне мог сойтись на этой почве с Аتماкиным. Их знакомство могло также состояться или получить дальнейшее развитие в 1917 году, когда И.А.Михайлов работал личным помощником министра финансов Временного правительства А.И.Шингарева, а позже состоял товарищем председателя Петроградского союза сибиряков-областников. Если омским покровителем Маркела Андреевича был именно «серый кардинал» Сибирского правительства Иван Адрианович Михайлов, то это во многом объясняет удивительную политическую живучесть Аتماкина, сохранявшего свою должность, несмотря на противодействие военных. Как бы то ни было, прямых доказательств этого пока нет, и идентифи-

Министр финансов Временного
Сибирского правительства
И.А.Михайлов –
предполагаемый друг и
покровитель Маркела Аتماкина

³⁰ РГВА. Ф.40218. Он.1. Д.253. Л.44.

цировать личность автора письма к Аتماкину без дополнительных изысканий в архивах не представляется возможным.

**В КЛИНЧЕ С ВОЕННОЙ
КОМЕНДАТУРОЙ**

Осенью 1918 г. государственный режим на освобожденной от большевиков территории Урала медленно, но верно дрейфовал в сторону военной диктатуры. Постепенно накапливалось все больше и больше противоречий между интересами военных и органов местного самоуправления. В частности, в прифронтовой полосе военные создавали систему управления, де-факто параллельную гражданской администрации. В отбитых у красных уездах командиры корпусов Белой армии назначали специальных уполномоченных по охране государственного порядка и общественного спокойствия, в городах и заводских поселках – военных комендантов. На всей территории Пермской губернии, контролируемой белыми, действовал режим военного положения. Военные регулярно вмешивались в распоряжения гражданской администрации, и те, и другие зачастую не могли или не хотели понять логику рассуждений друг друга. На этой почве между представителями военной и гражданской администраций в Ирбитском уезде, как и везде, происходили постоянные конфликты и столкновения.

Под давлением обстоятельств Аتماкин был вынужден отказаться от редактирования «Ирбитского вестника». Вскоре последовало введение предварительной цензуры для газет, которое заметно сказалось на информативности и общем тоне публикаций. Крайне острым и болезненным оставался вопрос белого террора, принявшего к этому моменту организованные формы. В Ирбите военный комендант города корнет Мензелинцев еще в августе установил контроль над городской тюрьмой, отстранив прежнего ее начальника и назначив туда своего подчиненного офицера. Вслед за этим последовали массовые аресты горожан, заподозренных в сочувствии к Советской власти: к октябрю в ирбитской тюрьме, рассчитанной на 75 заключенных, содержалось уже около 200 человек, еще 80 гражданских лиц и 56 бывших красноармейцев находились в двух экстренно переоборудованных под тюрьму помещениях. Обращение военных властей с заключенными было неоправданно жестоким. Аتماкин неоднократно пытался восстановить надзор гражданских властей над городской тюрьмой, но Мензелинцев всячески противодействовал этому.

Ни сам Маркел Андреевич, ни значительная часть ирбитской общест­венности не могли одобрить перенятую военными властями у боль­шевиков практику бессудных расправ над политическими противника­ми. 14 октября 1918 г. Аتماкин пожаловался тобольскому губернскому комиссару В.Н.Пигнатти на то, что за первые 2 месяца, прошедшие с момента освобождения Ирбита от красных, представители военной ад­министрации изъяли из городской тюрьмы без всяких документов около 20 человек³¹. Об этих изъятиях и их печальных последствиях говорит одна из заметок в «Ирбитском вестнике». Там, в частности, указывается, что «жене бывшего председателя ирбитского совдепа местного учителя Бирюкова комендантом города корнетом Мензелинцевым выдано удо­стоверение в том, что Бирюков убит при попытке бежать из-под стражи. Бирюков числился содержанием в тюрьме за следственной комиссией. Дело о нем не закончено. Союз учителей намерен принять меры к выяс­нению, при каких обстоятельствах был убит Бирюков»³². Движущим мотивом коменданта города, вероятно, была месть, так как его отец – бывший ирбитский земский начальник Н.А.Мензелинцев – был рас­стрелян большевиками 26 июля 1918 года в числе 22-х видных горожан, ранее взятых в качестве заложников³³.

К тому моменту, когда Аتماкин пожаловался губернскому комисса­ру на незаконные действия корнета Мензелинцева, Маркелу Ивановичу уже удалось одержать верх в борьбе с последним, заручившись под­держкой нового начальника гарнизона Ирбита подполковника Н.В.Украинцева³⁴: 11 октября военная комендатура Ирбита была рас­формирована, а городская тюрьма перешла под контроль гражданских властей³⁵. Решительно протестуя против произвола ирбитской военной комендатуры, Маркел Андреевич нажил себе немало врагов среди той

³¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф.41. Оп.2. Д.387. С.107–108.

³² Ирбитский вестник. 1918. 2 октября. №47. С.5.

³³ Аتماкин М. Подробности зверского расстрела 22 граждан г. Ирбита // Ирбитский вестник. 1918. 9 августа. №7. С.3–4.

³⁴ Подполковник Николай Владимирович Украинцев 10 сентября 1918 г. был отправлен в Ирбит формировать резерв для 3-го Уральского армейского корпуса – 8-й кадровый стрелковый полк. В начале декабря 1918 г. полк был переименован в 48-й Туринский стрелковый и выступил из Ирбита на фронт (Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С.231–233, 518).

³⁵ ЦДООСО. Ф.41. Оп.2. Д.387. С.107–108.

части офицерства, которая считала целесообразным бороться с большевизмом любыми средствами, не останавливаясь перед массовым террором.

**НА СТРАЖЕ КРЕСТЬЯНСКИХ
ИНТЕРЕСОВ**

В начале октября 1918 г. произошел еще один крупный конфликт М.А.Атмакина с военными властями. Дело в том, что до 25 ноября 1918 г. северо-западная часть уезда была

прифронтовой полосой³⁶. На этой территории военные напрямую давали различные распоряжения населению³⁷, не согласовывая их с гражданскими властями уезда и не соизмеряя размер повинностей с реальными возможностями крестьян. Гражданскому населению за невыполнение повинностей грозили строгие кары. Так, в конце сентября в Глинскую волость соседнего с Ирбитским Екатеринбургского уезда пришел приказ «немедленно же организовать доставку всех продуктов в г. Алапаевск для войск Сибирского правительства, как-то: хлеба печеного, муки, масла, капусты, картофеля, овса, сена, луку, моркови и живого рогатого скота. Неисполнение настоящего приказа будет рассматриваться как противодействие войскам Временного Сибирского правительства, а виновные будут предаваться [военно-]полевому суду»³⁸.

Военные повинности тяжелым бременем легли на хозяйство уральского крестьянина. Состоявшееся 27 сентября 1918 г. совещание председателей волостных управ Ирбитского уезда констатировало: за 2 месяца 20 волостей уезда «дали для войск Сибирского правительства 36 360 подвод, 5 796,5 пудов овса, 6 936 пудов хлеба, около 2 400 пудов мяса, около 12 000 пудов сена и 1 630 рабочих рук. В переводе на деньги это даст по минимальному подсчету 1 200 000 рублей»³⁹. Местные жители жаловались на реквизиции, производимые военными, и в первых числах октября Атмакин запретил ирбитским крестьянам выполнять любые распоряжения военных властей без предварительного согласования с ним.

На практике, однако, забота Маркела Атмакина о крестьянах обернулась во вред нуждам армии: жители отдаленных от уездного города

³⁶ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.39–40.

³⁷ По доставке подвод, набору добровольцев, сбору теплых вещей для армии и т.п.

³⁸ ГАСО. Ф.Р-1951. Оп.1. Д.65. Л.8.

³⁹ Ирбитский вестник. 1918. 13 октября. №56. С.5–6.

волостей подчас тратили на согласование слишком много времени. Например, был случай, когда крестьяне Клевакинской волости, расположенной в 73 верстах от Ирбита, потратили на согласование с Аتماкиным распоряжения военных властей целых 5 дней. Разумеется, вся эта волокита нервировала военных. Масла в огонь подлил тот факт, что Клевакинская волость была выделена из Костинской волости в самостоятельную административную единицу весной 1918 г. большевиками; они же в июне назначили местный совдеп, который с приходом белых был просто переименован в волостную управу⁴⁰. В отличие от гражданской власти в лице М.А.Атмакина, военные не признавали Клевакинскую волость, демонстративно отдавая все распоряжения клевакинским крестьянам через волостную управу Костинской волости.

Конфликт гражданской администрации Ирбитского уезда с военными привел к трагичным последствиям. Военные власти решили демонстративно применить силу. В Клевакинскую волость был прислан карательный отряд, который расстрелял председателя волостной управы, ранее бывшего также председателем местного совдепа, П.Н.Салкова. Распоряжением военного коменданта города Алапаевска Клевакинская волость была упразднена⁴¹.

**ОТСТРАНЕНИЕ
ОТ ДОЛЖНОСТИ –
ЕЩЕ НЕ ПОВОД
С НЕЕ УХОДИТЬ**

Одновременно с карательной акцией против костинских крестьян военные предприняли демарш против Атмакина. Приказом №119 по войскам 3-го Уральского корпуса М.Атмакин

был отстранен от занимаемой должности. Начальник гарнизона Ирбита подполковник Украинцев получил из Челябинска от начальника штаба 3-го Уральского корпуса генерал-майора Н.Т.Сукина телеграмму следующего содержания: «Уездного комиссара Ирбитского уезда штабс-капитана Атмакина устраняю от должности комиссара. Начальнику гарнизона города Ирбита препроводить штабс-капитана Атмакина в распоряжение начальника [7-й] Уральской дивизии. О деятельности штабс-капитана Атмакина в должности уездного комиссара распоряжением начальника 7-й Уральской дивизии⁴² произвести расследование»⁴³.

⁴⁰ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.9.

⁴¹ Там же. Л.9, 32.

⁴² Генерал-майора В.В.Голицына.

⁴³ Плоды ирбитской политики // Власть народа. 1918. 28 ноября. №134. С.3–4.

Атмакин сдал дела своему помощнику, но тем не менее решил не ехать в Екатеринбург. Вместо этого он связался по телеграфу со своим непосредственным гражданским начальником – тобольским губернским комиссаром В.Н.Пигнатти. Последний, в свою очередь, связался по этому вопросу с Омском, и вскоре в Ирбите была получена следующая телеграмма: «Правительство телеграфирует о приостановке распоряжения генерала Сукина. Будет произведено расследование. Гуком Пигнатти»⁴⁴. На основании этой телеграммы Маркел Андреевич снова вступил в исполнение обязанностей уездного комиссара, ожидая обещанного расследования. Интересно, что Атмакин, попав в сложную служебную ситуацию, попробовал апеллировать к общественному мнению, написав в екатеринбургской газете «Уральская жизнь» статью, призванную опровергнуть слухи о причинах его отставки.

Тем временем в ноябре 1918 года в столице белой Сибири произошли события, резко ухудшившие положение Атмакина: к власти в результате переворота пришел поддержанный правыми кругами и военными адмирал А.В.Колчак. На Востоке России установился режим военной диктатуры. Колчаковский переворот, направленный, в первую очередь, против партии эсеров и обозначивший окончательный раскол антибольшевистского лагеря, вызвал у Атмакина отторжение. Гласный Ирбитского уездного земства Н.Д.Куликов показал впоследствии на допросе, что на уездном земском собрании, созванном вскоре после свержения Директории, М.А.Атмакин выразил открытое недовольство переворотом, отметил, что Директория «вела народ по правильному пути», и заявил, в частности, что «после войны с большевиками у нас будет еще больше этой война, так как нам не так угрожает опасность слева, как опасность справа»⁴⁵. Несомненно, что подобные публичные высказывания государственного чиновника должны были рано или поздно привлечь внимание колчаковской контрразведки. Вскоре Атмакин в очередной раз был отстранен от должности.

18 декабря 1918 года и.о. тобольского губернского комиссара Копачелли сообщил Главному начальнику Уральского края С.С.Постникову, что «приказом моим 17 декабря №339 ирбитский уком Атмакин уволен [по] болезни [в] отставку на 4 недели. Обязанности его возложены [на] председателя Земуправы Чувашева». 22 декабря уже сам Атмакин обра-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.20–21.

тился к Постникову, прося разрешения приехать для личного доклада⁴⁶. Результаты знакомства и личного общения со своим новым начальником оказались благоприятными для Маркела Андреевича. Вполне вероятно, что были приняты во внимание не только деловые качества Аتماкина, но и наличие у него высокого покровителя в Омске, а также решительность Аتماкина, занявшего в «войне суверенитетов» между Временным Областным правительством Урала и Временным Сибирским правительством сторону сибиряков и передав уезд под их юрисдикцию (август–сентябрь 1918 г.)⁴⁷.

**ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА –
ЭТО НАПАДЕНИЕ**

В январе 1919 г. Маркел Андреевич вернулся к исполнению своих должностных обязанностей. На этом посту Аتماкин продолжил начатую им на страницах «Ирбитского вестника»

борьбу со стихийными внесудебными расправами. Он направил Управляющему Пермской губернией рапорт о необходимости расширения полномочий управляющих уездами, предоставив последним право отменять приговоры сельских обществ. Характеризуя в своем рапорте обстановку в уезде, Аتماкин отмечал: «[В] связи [с] захватом власти большевиками [в] деревнях пропало всякое уважение [к] закону, необходима длительная планомерная борьба. Должна быть усилена [в] деревнях правительственная милиция, восстановлен суд. [В] Ирбитском уезде [из] 13 судей налицо 4»⁴⁸. Неудовлетворительное состояние колчаковской судебной и правоохранительной системы, накладываясь на низкое правосознание населения, вели к увеличению количества самосудов, во время которых нормы закона уступали место традициям крестьянской общины.

Продолжалась и конфронтация Аتماкина с военной администрацией – за занавесом рутинной повседневности в провинциальном уездном городе кипели шекспировские страсти. Маркел Андреевич не был мальчиком для битья и сам активно участвовал в интригах против своих оппонентов. 6 декабря 1918 г. Ирбитская следственная комиссия арестовала Уездного воинского начальника и начальника гарнизона Ирбита подполковника В.П.Громыко. Ему инкриминировали сотрудничество с

⁴⁶ ГАСО. Ф.Р-1956. Он.1. Д.35. Л.1, 2.

⁴⁷ ГАСО. Ф.Р-1951. Он.1. Д.57. Л.62.

⁴⁸ Там же. Л.170.

большевиками в первой половине 1918 года, в том числе выступление на советских митингах и участие в первомайской демонстрации. Одним из ключевых свидетелей обвинения выступил Уездный комиссар Маркел Атмакин, заявивший, что Громыко был «не уверен в прочности совершившегося переворота» и поэтому избегал ответственных дел, предпочитая давать не письменные, а устные распоряжения, не участвуя в обысках и арестах у большевиков, и т.д. Жалоба Громыко, отметившего, что «в г. Ирбите есть лица, для коих причинить ему, Громыко, неприятность доставляет величайшее удовольствие и он предполагает, что лица эти являются его главными обвинителями», 12 февраля 1919 г. была отклонена екатеринбургской Военно-Следственной комиссией, оставившей подполковника под арестом до 1 октября⁴⁹.

Таким образом, первый этап противостояния с военными властями остался за Маркелом Атмакиным. Однако противоречие между политическими взглядами Маркела Андреевича и его статусом государственного служащего нарастало и вскоре еще раз дало о себе знать. Зимой 1919 года в Ирбитском уезде военные власти собирались провести мобилизацию в колчаковскую армию и Управляющий уезда совершил поездку по селам и деревням уезда, разъясняя ее (мобилизации) значение. В ходе своего агитационного турне Маркел Атмакин выступил 26 января 1919 года на сельском сходе в селе Костинском. Это выступление едва не стоило ему жизни и должности.

ХОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА В НАРОД

Необходимо отметить, что северо-западная часть Ирбитского уезда серьезно пострадала в 1918 году от действий красноармейских отрядов⁵⁰.

Естественно, все это вызвало рост антибольшевистских настроений у местных крестьян, и часть из них ушла к белым по объявленной ирбитским уездным земским собранием добровольной мобилизации в 4-ю Степную Сибирскую дивизию генерал-майора Г.А.Вержбицкого. Срок службы добровольцам был установлен в 3 месяца, и в начале декабря 1918 г., после взятия крупного уральского заводского поселка Кушвы, имевшего важное военное зна-

⁴⁹ ГАСО. Ф.Р-1956. Оп.1. Д.7. Л.37–38.

⁵⁰ Например, в Костинской и Клевакинской волостях красные при отступлении реквизи- ровали у населения весь скот, оставив коров и лошадей только тем семьям, мужчины из которых ушли вместе с красными (РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.39–40; 9).

чение для дальнейшего наступления белых на губернский центр – город Пермь, они были распущены по домам⁵¹. Возвращение добровольцев из колчаковской армии привело к росту социальной напряженности в деревнях. Вернувшиеся выступили застрельщиками притеснений сельскими обществами семей большевиков и красноармейцев. В частности, по приговору ряда сельских обществ, была отобрана часть скота у семей местных красноармейцев⁵².

Выступая на сходе, М.А.Атмакин попросил костинских крестьян не притеснять семьи красноармейцев, вернуть отобранных коров, а стоимость реквизированного большевиками имущества и скота взыскать с красноармейцев через суд после окончания гражданской войны. Кроме того, по свидетельству председателя костинской волостной управы М.А.Мельникова, Атмакин заявил, что «мы сейчас должны быть осторожны, чтобы опять не восстановилась монархия», и в связи с этим призвал крестьян прислушиваться к мнению молодых, а не стариков⁵³.

Все свидетели, опрошенные впоследствии колчаковским следователем, отмечали, что костинские крестьяне отнеслись к речи Маркела Атмакина на сельском сходе весьма враждебно. Мышление уральского крестьянина было практичным и предельно конкретным, он хотел возместить свой ущерб здесь и сейчас, не дожидаясь окончания гражданской войны, чтобы как можно быстрее поднять свое разоренное большевиками хозяйство. Ждать неопределенное время суда, а потом еще нести издержки на его проведение⁵⁴ означало с точки зрения крестьянина поступать абсолютно неразумно. Значительно проще было осудить виновных приговором сельского мира на основе своих собственных, крестьянских, представлений о справедливости. Поэтому Атмакин был освистан костинцами. Более того, согласно показаниям мирового судьи 2-го участка Ирбитского судебного мирового округа А.И.Ширило, ночью четыре крестьянина приходили убить Атмакина к дому, где он остановился⁵⁵. Спасло Маркела Андреевича от гибели только вмешательство начальника милиции 7-го участка Зобнина, уговорившего крестьян не брать грех на душу и разойтись по домам.

⁵¹ ЦДООСО. Ф.41. Оп.1. Д.122. Л.151.

⁵² РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.9.

⁵³ Там же. Л.12–13.

⁵⁴ Результат судебного процесса был неясен, а законы, по которым он должен был проходить, малопонятны.

⁵⁵ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.39–40.

Этот эпизод из биографии М.А.Атмакина весьма интересен с точки зрения историка. Во-первых, как свидетельство о серьезном расколе в русской деревне. Тут и конфликт между условными «большевиками» и остальной частью сельского общества, и традиционный конфликт «отцов» и «детей». Эти противоречия объективно способствовали эскалации гражданской войны. Во-вторых, налицо слабость кадрового резерва колчаковского режима. Кадровый голод был настолько сильным, что на важных административных должностях после ноябрьского переворота 1918 года были сохранены люди с эсеровским прошлым⁵⁶. Наконец, в-третьих, этот инцидент в полной мере вскрыл трагическое несовпадение между мировоззрением типичного русского интеллигентна-народника и архаичным мировоззрением уральского крестьянина.

В ИГРУ ВСТУПАЕТ КОНТРАЗВЕДКА

9 марта 1919 г. контрразведывательный подотдел №2 при штабе Тюменского военного округа все же начал расследование деятельности Атмакина⁵⁷. На него было возбуждено

следственное дело за номером 27, которое вел прапорщик Грязев. Он методично допросил крестьян Костинской, Клевакинской и ряда других волостей, недовольных Управляющим Ирбитским уездом. Собранного следователем Грязевым материала было вполне достаточно, чтобы начались неприятности. И они не замедлили себя ждать. Тайные и явные враги Маркела Андреевича из военной администрации приложили немало усилий, чтобы делу против Атмакина, что называется, был дан ход.

Характерно, однако, что непосредственный начальник Атмакина по гражданской линии – Управляющий Пермской губернией Н.П.Чистосердов⁵⁸ – был вполне удовлетворен работой Атмакина⁵⁹.

⁵⁶ Причем не только на уровне уездов, но и выше. Например, эсером был Управляющий Иркутской губернией П.Д.Яковлев (Сахаров К.В. *Белая Сибирь (внутренняя война 1918–1920 гг.)*. Мюнхен, 1923. С.46–47).

⁵⁷ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.2.

⁵⁸ После освобождения Перми Ирбитский уезд был возвращен из Тобольской губернии в Пермскую.

⁵⁹ Хорошие отношения между Атмакиным и Чистосердовым установились не случайно. Как уже отмечалось, перед Первой мировой войной Атмакин активно сотрудничал с екатеринбургской либеральной газетой «Уральский край» – неофициальным печатным

13 марта 1919 г., отправляя Главному начальнику Уральского края Постникову служебное дело Аتماкина, Чистосердов сообщал, что с его стороны «не встречается препятствий к оставлению Аتماкина в должности Управляющего Ирбитским уездом»⁶⁰. Сохранившаяся в уральских архивах служебная переписка Маркела Аتماкина подтверждает его высокие деловые качества. Со страниц делопроизводственных документов встает перед нами образ человека, стремившегося ставить и решать вопросы по существу, не прибегая к формальным отпискам, хорошо разбиравшегося в законодательстве, отлично информированного о положении дел в городе и уезде.

Выступило в поддержку Аتماкина и местное земство. Председатель Ирбитского уездного земского собрания Ф.И.Маврицкий отправил в марте 1919 г. Н.П.Чистосердову телеграмму, содержащую высокую оценку деятельности Маркела Андреевича, где, в частности, говорилось, что «успешная борьба с большевизмом, восстановление органов местных самоуправлений, введение жизни уезда [в] нормальное правовое русло, отсутствие эксцессов [в] общественной жизни [в] значительной мере проводилось ближайшей деятельностью Управляющего Ирбитским уездом Аتماкина. Аتماкин своей неутомимой деятельностью снискал доверие местного населения. Высоко ценя деятельность Управляющего уездом Аتماкина [в] трудное [и] ответственное время, Ирбитское уездное земское собрание, выражая ему глубокую признательность, надеется, что дальнейшей своей деятельностью Аتماкин мирно [и] умело укрепит жизнь уезда [и] начала государственности, предохранит темную массу от увлечения лозунгами большевизма. [О] столь полезной деятельности Аتماкина собранием постановлено довести [до] Вашего сведения»⁶¹.

Интересно, что одновременно с прямой поддержкой Аتماкина ирбитское земство предприняло более тонкий ход. 17 марта 1919 г. Аتماкин телеграфировал Главному начальнику Уральского края Постникову: «Ирбитское земское собрание, заслушав мое сообщение [о] пребывании Верховного Правителя [в] Перми, постановило приветствовать его как носителя верховной твердой власти [и] оказывать [ему] полную под-

органом местного отделения партии кадетов. Чистосердов же входил в руководство екатеринбургского отделения кадетов. Несомненно, они оба были давно и хорошо знакомы.

⁶⁰ ГАСО. Ф.Р-1956. Оп.1. Д.36. Л.114.

⁶¹ Там же. Л.139.

держку [в] деле борьбы [с] большевиками, воссозданию российской государственности [и] доведению страны [до] Учредительного собрания». Весьма симптоматично, однако, и как нельзя лучше характеризует сложившуюся политическую ситуацию и то, что Постников, отправляя телеграмму ирбитских земцев Колчаку, вычеркнул из нее последний пункт – про Учредительное собрание⁶².

Тем временем над Аتماкиным продолжали сгущаться тучи. Заместитель Постникова⁶³, представляющий интересы военных властей в регионе, направил Управляющему Пермской губернией телеграмму, в которой прямо потребовал отставки Аتماкина: «Прошу Управляющего Ирбитским уездом Аتماкина уволить [от] занимаемой должности вследствие недопустимой деятельности. Основание – дознание об Аتماкине подполковника Чувствина⁶⁴. На назначение Чувствина вместо Аتماкина согласие изъявляю. Результаты телеграфируйте»⁶⁵. Любопытно наличие у руководившего расследованием по делу Аتماкина подполковника Чувствина личной заинтересованности в его отставке. Это обстоятельство позволяет предположить, что вся история с преследованием Аتماкина была результатом личных интриг и амбиций, а конечной ее целью было вовсе не уничтожение политической крамолы, а высвобождение под благовидным предлогом теплого местечка Управляющего уездом.

18 марта 1919 г. Чистосердову был отправлен доклад штаб-ротмистра К.С.Карницкого⁶⁶ о результатах дознания по делу Аتماкина с резолюциями Главного начальника Уральского края С.С.Постникова и генерал-майора С.А.Домонтовича. Казалось, что отставка Маркела Андреевича неминуема. Однако увольнение не состоялось, а следственное дело было приостановлено. 26 марта 1919 г. Постников телеграфировал Чистосердову: «[С] увольнением Аتماкина воздержитесь. Подробности

⁶² Там же. Д.19, 25; 24.

⁶³ Уполномоченный командующего Сибирской армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии генерал-майор С.А.Домонтович.

⁶⁴ Осенью 1918 г. подполковник Чувстин занимал должность коменданта Ревдинского завода.

⁶⁵ ГАСО. Ф.Р-1956. Оп.1. Д.47. Л.11.

⁶⁶ Помощник С.А.Домонтовича по гражданской части штаб-ротмистр Константин Станиславович Карницкий и ранее выполнял поручения по ревизии деятельности гражданской администрации на местах – например, выезжал в конце января 1919 г. в Красноуфимский уезд.

письмом»⁶⁷. Видимо, за Аتماкина заступились покровители из высших эшелонов власти, а возможно, как это часто бывает в России, все решила взятка – ответ на этот вопрос еще предстоит отыскать в архивах. Очередной раунд в противостоянии со своими недоброжелателями из числа военных пусть и с трудом, но был все же выигран Маркелом Андреевичем. Он оставался на посту Управляющего уездом вплоть до эвакуации государственных учреждений Ирбитского уезда в июле 1919 г. под натиском победоносно наступающей Красной армии. Тем не менее последний ход в этой партии остался за военными, и они чуть было не поставили Аتماкину мат.

АРЕСТ, ЕЩЁ АРЕСТ...

Конечным пунктом эвакуации ирбитских служащих оказался город Томск. В Томске дело против Аتماкина было возобновлено. 18 сентября 1919 г. контрразведка сделала у него

на квартире обыск, а на следующий день Аتماкин был арестован и помещен в одиночную камеру томской губернской тюрьмы⁶⁸. Что характерно, в вину ему вменялось все то же – конфликт с военными властями осенью 1918 г., антиправительственная агитация в Костинской и Клевакинской волостях в январе 1919 г., и доказательная база обвинения в основном строилась на показаниях свидетелей, собранных еще прапорщиком Грязевым в марте 1919 г.

Таким образом, возобновление дела против М.А.Аتماкина не было связано с открывшимися следствию новыми обстоятельствами дела и носило ярко выраженный политический характер. Вполне вероятно, что не последнюю роль в возобновлении дела сыграли личные счёты к Аتماкину некоторых влиятельных военных. Во всяком случае, арест Маркела Андреевича в Томске произвел не кто иной, как бывший начальник ирбитского контрразведывательного пункта⁶⁹. Кроме того, на возобновление дела могла повлиять партийная деятельность Аتماкина. Не секрет, что во второй половине 1919 г., когда колчаковский режим начал разваливаться под грузом военных неудач и внутренних противоречий,

⁶⁷ ГАСО. Ф.Р-1956. Оп.1. Д.36. Л.83; 131.

⁶⁸ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.23–25.

⁶⁹ Там же. Л.25. – Фамилия контрразведчика в деле не указана, но «Уральский рабочий» сообщил 6 июля 1920 г., что Особым отделом 5-й армии схвачен в Сибири и расстрелян бывший начальник ирбитской контрразведки некто Дьячков.

сибирские эсеры значительно активизировали свои усилия по подготовке государственного переворота⁷⁰. В свою очередь, активизировалась и колчаковская контрразведка, в наименьшей степени затронутая процессами распада государственного организма.

8 октября 1919 г. начальник контрразведывательного отделения штаба Омского военного округа, рассмотрев дело Аتماкина, нашел его вину доказанной и передал дело начальнику военно-судного отделения для вынесения приговора⁷¹. Казалось, пробил смертный час, учитывая суровость предъявленных обвинений и жестокость колчаковской контрразведки, но на помощь Аتماкину неожиданно пришли... большевики! 14 октября РККА перешла в решающее наступление на Восточном фронте⁷². После двух недель жестоких боев в междуречье Ишима и Тобола армия адмирала Колчака была разбита и обратилась в беспорядочное, паническое бегство. Колчаковские генералы делали судорожные попытки восстановить положение на фронте и защитить столицу – город Омск. На фронт спешно отправляли всех офицеров, даже политически неблагонадежных. В письме начальника военно-судного отделения в департамент милиции МВД за №29469 от 30 октября 1919 г. говорится, что «по докладу Командующему войсками Омского военного округа⁷³ дела об Управляющем Ирбитским уездом штабс-капитане Маркеле Аتماкине, обвиняемом в агитации среди населения против Всероссийского Временного Правительства, Командующий войсками приказал: отправить Аتماкина, как строевого офицера, в 12-й кадровый полк для отправления на фронт с маршевой ротой»⁷⁴.

Дальнейшая судьба Маркела Аتماкина на время теряется в хаосе, охватившем Сибирь после крушения колчаковского режима. Судьбы десятков тысяч людей были похоронены тогда под обломками белой государственности на бескрайних сибирских просторах. Многие погибли от пули, холода или тифа во время Великого Сибирского ледяного

⁷⁰ Берснева И.В. *Политический просчет умеренных социалистов (сибирские эсеры и большевики в конце 1919 – начале 1920 годов)* // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика.* 2008. Т.10. №8. С.109–111

⁷¹ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.41.

⁷² Спирин Л.М. *Разгром армии Колчака. М., 1957. С.245–247.*

⁷³ *Генерал-лейтенанту А.Ф.Матковскому.*

⁷⁴ РГВА. Ф.40218. Оп.1. Д.253. Л.42.

похода⁷⁵, еще больше попало в плен к красным и испытало на себе карающую поступь революционного правосудия, и лишь немногие смогли благополучно эмигрировать и окончить свою жизнь за границей. Сложно сказать, как именно Маркел Андреевич пережил эти смутные времена, ясно лишь одно: он остался на родине. Скорее всего Атмакин, воспользовавшись обстановкой всеобщего развала, дезертировал из колчаковской армии, а затем вернулся в Томск, где и проживал до тех пор, пока не попался в сети ГПУ.

Во всяком случае, из Книги памяти жертв политических репрессий Томской области можно узнать, что в 1922 году М.А.Атмакин снова был арестован, и снова – в Томске. Вполне возможно, что он сидел в той же самой одиночной камере томской тюрьмы, что и осенью 1919 г. Но если тогда Маркелу Атмакину вменяли в вину работу против колчаковского режима, то в 1922-м, по странной иронии судьбы, наоборот, работу на колчаковский режим. Впрочем, в обоих случаях связь с партией эсеров являлась отягчающим обстоятельством. Интересно, что думал, сидя в зарешеченной камере Томского централа, сам Маркел Андреевич о таких причудливых поворотах своей судьбы? Размышлял ли он о причинах провала «третьего пути», о том, почему казавшаяся в 1917 году всевластной партией эсеров в ходе гражданской войны оказалась между молотом ленинского и наковальней колчаковского режимов и утратила народную поддержку? Или его занимали куда более прозаичные мысли – о жене и детях, о приговоре, который вынесет ему суд? Однажды ему уже повезло с мягким приговором, но, как знать, какую судьбу ему уготовит советская юстиция... На его счастье, в это время происходила некоторая гуманизация советского режима по сравнению с периодом гражданской войны. В частности, пользовалась популярностью идея о том, что советская власть окрепла настолько, что сможет «переварить» своих бывших врагов, не прибегая к их физическому уничтожению или длительным срокам тюремного заключения. Это сказалось на вынесенном приговоре: Атмакин получил 3 года принудительных работ, но вскоре был освобожден на основании амнистии ВЦИКа⁷⁶.

⁷⁵ См.: *Великий Сибирский Ледяной поход. Сб. воспоминаний / Сост. С.В.Волков. М., 2004.*

⁷⁶ *Жертвы политического террора в СССР [электронный ресурс] // Международное историко-просветительское, правозащитное и просветительское общество «Мемориал»: сайт. URL: <http://lists.memo.ru/index1.htm> (дата обращения: 10.11.2011).*

МЕТЛА БОЛЬШОГО ТЕРРОРА К сожалению, курс на смягчение политического режима в Советской России, обозначившийся в первой половине 1920-х годов, так и не стал устойчивым трендом. Иосиф Сталин, победивший во внутрипартийной борьбе своих многочисленных оппонентов, инициировал возврат к политическому и социальному мышлению, присущему гражданской войне (с ее четким делением на «своих» и «чужих»), оправдывавшему репрессии против последних. В стране началась эпоха «большого террора», которая затронула и жизнь героя нашего биографического очерка. 17 января 1938 г. Маркел Аتماкин снова был арестован⁷⁷. За прошедшие с момента предыдущего ареста 15 лет в его жизни произошли значительные изменения. Понятно, что о занятии независимой журналистикой в сталинской России нечего было и думать: пресса была зажата в когтях цензуры. Однако Аتماкин сумел адаптироваться к новой социальной реальности и успешно реализовать себя в другой сфере. На момент ареста Маркел Андреевич занимал должность ответственного секретаря организационного бюро Всесоюзного научного инженерно-технического общества машиностроителей. Аتماкин, как и в последние мирные годы империи Романовых, опять жил в столице (правда, столицей за эти годы успел уже стать другой город), в престижном доме на Никитском бульваре. Возможно, именно это обстоятельство и сыграло свою роль в том, что Аتماкин снова был арестован. Как известно, обитатели подобных домов в годы «большого террора» оказались под пристальным вниманием НКВД, и многим из них это стоило свободы или жизни.

Как бы то ни было, 3 июня 1938 г. тройка при УНКВД СССР по Московской области приговорила М.Атмакина к расстрелу по обвинению в контрреволюционной агитации⁷⁸. 27 июня он был расстрелян на печально известном Бутовском полигоне НКВД⁷⁹. О надуманности обвинений,

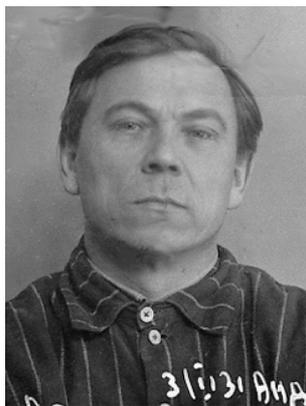
⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Вероятно, арест и расстрел Маркела Андреевича Аتماкина отразились и на судьбе его родственников: скорее всего, последовала высылка их как членов семьи изменника Родины в Казахстан. Во всяком случае, его сын Андрей Маркелович Аتماкин (1911 г.р.) был призван в армию в годы Великой Отечественной войны не из Москвы, а из Алма-Аты. Младший лейтенант А.М.Аتماкин служил в инженерных войсках и погиб на фронте 13 марта 1944 года. Судьба других детей М.А.Аتماкина пока неизвестна.

ЭСЕР НА СЛУЖБЕ У КОЛЧАКА

выдвинутых сталинским следствием против Аتماкина, и об отсутствии в следственном деле серьезной доказательной базы говорит тот факт, что реабилитировали Маркела Андреевича вскоре после смерти Сталина – 2 ноября 1955 г.

Слева: Фотография из следственного дела М.А.Аتماкина, 1938 г.

Справа: Дом №8 на Никитском бульваре в Москве, в котором жил и был арестован
Маркел Аتماкин 17.01.1938 г.

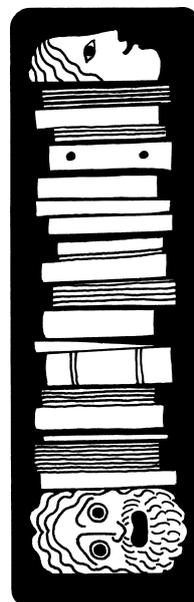
Учитель, журналист, социалист-революционер, редактор газеты, боевой офицер, чиновник колчаковской администрации, советский функционер... В своей жизни Маркелу Аتماкину пришлось примерить на себя немало социальных ролей, адаптируясь к стремительно меняющейся социальной реальности XX века.

Не следует завладевать разговором как вотчиной, из которой имеешь право выжить другого; напротив, следует стараться, чтобы каждый имел свой черед в разговоре, как и во всем остальном.

Марк Тулий Цицерон

**Соедините знание и труд, дайте
знание тем людям, которые
по необходимости извлекут из него
всю заключающуюся в нем
практическую пользу, и вы увидите,
что богатства страны и народа
начнут увеличиваться
с невероятною быстротою.**

Д.И.Писарев

Виктор Мальков

РУЗВЕЛЬТ – ЛИТВИНОВ

**ДВЕ ВСТРЕЧИ В БЕЛОМ ДОМЕ
С ИНТЕРВАЛОМ В ВОСЕМЬ ЛЕТ**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
327.82

The article brings to life a fulcrum moment in history of Russian–American relations in XX century which took place at the very time of the Great Depression and when it was recognized in full the seriousness of the Japanese threat in Asia and the reality of the Nazi menace in Europe. In Autumn 1933 the new president of the United States Franklin D.Roosevelt fully appreciated the gravity of these development and initiated the recognition of the USSR. As a result of the negotiation with the Soviet foreign commissar M.Litvinov the establishment of relations between the United States and the Soviet Union was announced in November 16, 1933. Thus the sixteen years long, notorious non-recognition was closed and the path to more or less durable relationship between the two countries was opened. The article reveals not only the historical significance of the Roosevelt–Litvinov meeting as one of the first indications of the two states' marked solicitude for the precarious position of the peace-loving nations in the face of the Nazi menace and Japanese militarism. It was also a clear recognition of the Russia's role in international relations and seriousness of Soviet offer to prevent attacks of the aggressors at the first sign. The efforts to stop the war failed but the ordeal of WWII proved definitely that the personal relationship of confidence between leaders and diplomats of the Big Three was entirely necessary and possible. M.Litvinov in his quality as a soviet envoy to Washington (1941–1943) was successful in gaining Roosevelt's sympathy and involving him in talks concerning the post-war international security and world structure.

Ключевые слова: советско-американские отношения; непризнание; нота Колби; инициатива Рузвельта; вашингтонские переговоры; Литвинов; Сквирский; Буллит.

Key words: Soviet-American relations; non-recognition; Colby note; Roosevelt initiative; Washington negotiation; Litvinov; Skvirsky; Bullitt.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

Отношения между США и Советской Россией после Октября 1917 года какое-то время строились на принципе «бездействия», прикрывающего ожидание падения большевиков и бесплодных попыток последних разрушить идеологическую, экономическую и военную блокаду Советской России, установленную Вашингтоном совместно с Антантой¹. В расчете найти понимание в столице США советское правительство передало за океан широкую программу экономического сотрудничества, которая фактически была оставлена без ответа. 4 июля 1918 г. народный комиссар иностранных дел РСФСР Г.В.Чичерин послал послу США Д.Р.Фрэнсису по случаю национального праздника телеграмму, составленную в исключительно дружественных, неформальных выражениях:

«Самые сердечные поздравления представителю американского народа и через него нашим добрым друзьям великого народа Америки по случаю Дня независимости, этого прекрасного праздника революционных традиций народной Америки. Наилучшие пожелания и выражение надежды на тесное сотрудничество между нашими народами. Будем работать рука об руку для продолжения дружбы и славного развития обеих стран.

Чичерин²»

Традиционного вежливого уведомления о получении поздравительной телеграммы не последовало. Вместо этого 6 июля 1918 г. президент Вудро Вильсон принимает решение об участии в интервенции на Дальнем Востоке. А затем через два года 9 августа 1920 г. последовала так называемая нота государственного секретаря США Бейнбриджа Колби (подготовлена при личном участии В.Вильсона). Мотивируя свое негативное отношение к России ее пренебрежением принципами «чести и добросовестности, обычаев и условий, на которых покоится международное право», а также разжиганием ею мировой революции, Колби заявлял, что США отказывают России в откровенности, доверии, уважении, а значит, и в дипломатическом признании. Должно было пройти

¹ Дэвис Д.Д., Трани Ю.П. *Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. Пер. с англ. М., 2002; Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2005; Foglesong D.S. America's Secret War Against Bolshevism. U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, 1995; и др.*

² *Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926 / Научн. ред. Г.Н.Севостьянов, Дж.Хэзлем. М., 2002. С.37.*

16 лет, прежде чем президент Франклин Делано Рузвельт, побуждаемый мировым экономическим кризисом, признал нелепость создавшейся ситуации и предпринял совершенно беспрецедентную инициативу, отослав *личное послание М.И.Калинину* с предложением восстановить дипломатические отношения между двумя странами³. Уровень переписки предполагал, что официальным лицом с советской стороны может быть кто-то не ниже наркома иностранных дел.

* * *

М.М.Литвинов поначалу не хотел ехать в Соединенные Штаты, опасаясь, что враждебное отношение могущественных сил в США к нормализации дипломатических отношений и обсуждение принципиальных вопросов по существу может только повредить дальнейшему конструктивному диалогу. В записке в ответ на предложение Ф.Рузвельта в адрес М.И.Калинина о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами от 10 октября 1933 г. Литвинов предлагал проявить осторожность и послать вместо себя Г.Я.Сокольников, бывшего тогда заместителем наркома иностранных дел⁴.

Самый большой западник в советском правительстве испытывал недоверие к тем сигналам, которые поступали из Вашингтона. Возможно, сказались воспоминания об отказе правительства США принять его в качестве дипломатического представителя РСФСР летом 1918 г.; возможно, убеждение, что обстановка в США еще не созрела для немедленных переговоров о признании; плюс память о казусе с телеграммой Г.В.Чичерина «напрямую» президенту Калвину Кулиджу от 16 декабря 1923 года и заявлением-отповедью госсекретаря Юза в сенате США 18 декабря 1923 г. Предшественник Литвинова Г.В.Чичерин неловко, через голову госсекретаря, предложил возвратиться к цивилизованному диалогу на основе принципа взаимности, включающего погашение долгов и убытков военных лет, и отклоняя обвинения советского правительства в связи с деятельностью Коминтерна и его пропагандой насильственного свержения существующего строя в США. Взамен признания Кулидж требовал тогда «проявления доказательств раскаяния»⁵.

³ *Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933.* / Научн. ред. Г.Н.Севостьянов, Дж.Хэзлем. М., 2002. С.704.

⁴ Там же. С.707.

⁵ *Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. VI. Прим.112. М., 1962. С.628, 629.*

В свете этого эпизода сказать, какие сюрпризы приготовили для него президент Ф.Рузвельт и его государственный секретарь К.Хэлл, М.М.Литвинов не мог. Он как-то сказал, что Советский Союз «имеет право на недоверчивое отношение к внешнему миру, никогда не скрывавшему своей вражды к Союзу...»⁶, однако настаивал на проявлении гибкости в деле налаживания контактов с Америкой, – по его собственным словам, «под покровом хозяйственных, преимущественно финансовых поручений»⁷.

Позиция Литвинова была ближе всего к взгляду видного «национал-большевика», народного комиссара внешней торговли РСФСР Л.Б.Красина, предлагавшего в общении с американскими дипломатами и предпринимателями вообще «обнулить» вопрос о пропаганде и снять с нее нагрузку подстрекательства к внутренней смуте в обеих странах⁸. Литвинов не был столь же категоричен в оценке идеологии, признавая в то же время, что она может послужить серьезным препятствием к урегулированию отношений с США.

Декреты революции, говорил он, не могут быть отменены, и американцы не могут рассчитывать на удаление из внешней политики СССР ее интернационального начала. Сомнения Литвинова в успехе официальных переговоров о признании – даже после абсолютно дружественного послания Рузвельта от 10 октября 1933 г. председателю Центрального исполнительного комитета СССР М.И.Калинину с предложением «покончить с теперешними ненормальными отношениями между 125-миллионным населением Соединенных Штатов и 160-миллионным населением России» – оставались в силе. Неверие в смягчение американской стороны в отношении «рокового эксперимента» с социализмом настраивало на минорный лад при размышлениях о гостеприимстве дипломатического сообщества Вашингтона и положительном исходе переговоров с ним.

Однако в Кремле пересилило опасение упустить момент и оказаться в международной изоляции в условиях резкого обострения обстановки в Европе и на Дальнем Востоке начала 30-х годов. Сохранялась острая заинтересованность в экономическом сотрудничестве со страной, не только олицетворявшей собой пример экономических достижений, но представлявший потенциальный рынок для советского экспорта, кото-

⁶ *Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. С.514.*

⁷ *Там же. С.523.*

⁸ *Там же. С.229–231; Сироткин В.Г. Зарубежные клондайки России. М., 2003. С.280–367.*

рый мог бы обеспечить средства для погашения платежей Америке по ранее полученным кредитам⁹.

Со своей стороны Рузвельт также решил не вызывать огонь критики на себя высоким уровнем переговоров о восстановлении отношений, инициатива которых принадлежала лично ему и только ему. Решив не втягивать откровенно неприязненно относящийся к сближению с СССР Государственный департамент в деликатную процедуру дипломатического зондажа готовности Кремля встать на путь нормализации отношений, еще весной 1933 г. он возложил трудную миссию установления первых контактов («без потери лица») на людей из своего ближайшего окружения, поручив им войти в контакт с «дипломатическим агентом НКВД СССР» Б.Е.Сквирским.

Первое важное поручение было сделано самому молодому члену администрации Рузвельта, взвалившему на свои плечи обязанности налаживания кредитования разорившегося в результате экономического кризиса американского фермерства, Генри Моргентау-младшему, представителю агробизнеса из родного Рузвельту графства Датчес (штат Нью-Йорк). Ему было всего лишь тридцать два года, и он не знал, с какого бока следует подойти к проблеме, пугающей персональными провалами и прежде всего из-за негативизма профессионалов из «Туманного Днища», Госдепартамента. Вплоть до инаугурации Рузвельта (март 1933 г.) внешнеполитическое ведомство США находилось целиком под контролем республиканцев, испытывавших особое негодование к «канонизации беспутства» – признанию Советов. Лишь трезвомыслящий и дальновидный государственный секретарь, республиканец Генри Стимсон не боялся контактировать с Франклином Рузвельтом, вновь избранным президентом-демократом и его сторонниками, по всей гряде вопросов европейской и дальневосточной политики. В свете выхода Японии из Лиги Наций в марте 1933 года и появившихся слухов о тайных переговорах Токио с Москвой на предмет установления отношений «сердечного согласия» переосмысление роли СССР во внешней политике США получило дополнительный импульс¹⁰.

В сложившейся обстановке Рузвельт посчитал целесообразным поручить Моргентау выйти на советские учреждения в США (Амторг и другие) в порядке «частной инициативы» и под прикрытием хозяйст-

⁹ *Советско-американские отношения, 1934–1939 / Научн. ред. Г.Н.Севостьянов. М., 2003. С.725.*

¹⁰ *Library of Congress. Norman Davies Papers. Box 54. Davis to Henry L.Stimson. May 24, 1932; January 10, 1933.*

венной заинтересованности. В способности Г.Моргентау-младшего держать язык за зубами президент не сомневался, хотя данных быть дипломатом у будущего министра финансов США не было никаких. Имитируя проявление интереса со стороны предприимчивого эксперта-аграрника к контактам с советскими закупочными учреждениями они оба – и Рузвельт, и Г.Моргентау, наделенный полномочиями переговорщика со Б.Е.Сквирским, – хорошо понимали, что необычайно рискуют в случае неудачи предварительных бесед с «комми» или разглашения их содержания враждебной Рузвельту прессой.

Много позднее Моргентау поделился со своим сыном воспоминаниями о разговоре с Рузвельтом по поводу щекотливого задания, полученного им от президента: «Я сказал: если не получится, как задумано, я вынужден буду покинуть Вашингтон. На что Рузвельт ответил: "Разумеется, Вы должны знать, что в этих переговорах я стою за Вашей спиной... И если Вы должны будете покинуть Вашингтон, я покину его вместе с Вами"»¹¹.

Моргентау нельзя было отказать в некотором роде везения. Выход из тени и возвращение на дипломатическую службу в Госдепартамент прославившего знатоком России Уильяма Буллита можно было тогда считать удачей. Он с готовностью согласился на предложение быть партнером Моргентау и вновь выступить азартным игроком на дипломатическом поприще. В прошлом входивший в группу советников В.Вильсона на Версальской конференции Буллит позиционировал себя как знатока советской политики и «собеседника» Ленина. Срыв своей миротворческой миссии в Москву в феврале 1919 г. Буллит объяснял «предательством» Вильсона и Ллойд-Джорджа. Объявив своим кредо принцип «реальной политики», Буллит намеревался взять реванш. Он мечтал отправиться в Москву в качестве посла США и создать управляемую систему противовесов перед лицом многочисленных угроз со стороны фашизма в Европе и японской агрессии в Азии. Соображения, связанные с расширением торговли, также играли существенную роль. Буллит полагал, что благодаря духовной близости с левыми либералами он имеет право рассчитывать на особое к нему расположение советских переговорщиков и их вышестоящего начальства. «Президент, Джон Рид и я принадлежим к одной породе»¹², – говорил Буллит, напоминая о своей студенческой дружбе с автором знаменитых «Десяти дней, кото-

¹¹ Цит. по: Levy H. *Henry Morgenthau, Jr. The Remarkable Life of FDR's Secretary of the Treasury*. N.Y., 2010. P.254.

¹² См.: Fischer L. *Men and Politics: An Autobiography*. N.Y., 1941. P.293.

рые потрясли мир». Увлечение революционной романтикой и демонстрация интереса к «русскому эксперименту» до определенного момента должны были облегчить общение со ставшим европейски знаменитым советским наркомом с его биографией старого большевика, подпольщика и полемиста.

События, связанные с тщательно укрытой от посторонних глаз подготовкой по личной инициативе Рузвельта предварительно согласованной с Москвой предложения советскому руководству вступить в переговоры о восстановлении дипломатических отношений, давно и обстоятельно проанализированы и описаны в десятках книг и статей американских и российских исследователей. Отметим, в частности, работы Г.Н.Севостьянова, Д. Бишоп и Э.Беннета¹³. На что, как правило, мало обращалось внимания, так это на обоюдное согласие заинтересованных сторон держать в секрете все контакты и суть обсуждаемых вопросов на самой начальной, подготовительной стадии переговоров. Атмосфера в Соединенных Штатах, несмотря на энергичные действия сторонников признания, была настолько осложнена внутренними политическими разногласиями и подъемом изоляционистских настроений, религиозной ортодоксией, возмущением широкой публики нерешенностью проблемы долгов и опасениями втягивания в новые европейские конфликты, что делало срыв первых же неформальных контактов вполне вероятным¹⁴. Связующее звено между НКВД СССР и Госдепартаментом США представитель непризнанного Америкой правительства СССР Б.Е.Сквирский правильно оценил эту неловкость, делающую открытое обсуждение всех вопросов, связанных с восстановлением отношений, нежелательным и даже невозможным. Обмен вариантами исходных документов проходил в конспиративных условиях с обязательством неразглашения самого факта сделанного президентом США предложения советскому руководству послать представителей для переговоров. Протоколы не велись, русские эксперты Государственного департамента и стенографистки не приглашались. Пункты будущего соглашения вырабатывались без необходимых уточнений. При этом и Белый дом, и в особенности Кремль стремились упростить процесс на его начальной стадии, заботясь прежде всего о достижении договоренности относи-

¹³ Севостьянов Г.Н. *Москва – Вашингтон. На пути к признанию 1918–1933. М., 2004*; Bishop D. *The Roosevelt–Litvinov Agreement: The American View. Syracuse, 1965*; Bennett E.M. *Recognition of Russia: An American Foreign Policy Dilemma. Waltham, Mass., 1970*; и др.

¹⁴ *Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. С.679–681, 702.*

тельно создания официальных дипломатических каналов связи на случай внезапных международных осложнений. В частности, так возникла идея Тихоокеанского пакта в составе США, СССР и Японии, хотя Литвинов склонен был видеть в этом хитрый шаг в сторону подписания двустороннего пакта США–СССР, направленного против Японии¹⁵. Ему пришлось вскоре же убедиться в «забывчивости» президента, но ни в коем случае не разувериться в дружеском расположении президента на годы вперед. Однако эти благоприятные впечатления возникли у Литвинова уже на заключительной стадии визита. Начало же его деловой части вообще не предвещало ничего хорошего. Уже само появление наркома на земле Нью-Йорка грозило взрывом возмущения со стороны антисоветской прессы.

Утром 7 ноября 1933 г. океанский лайнер «Беренгарсия» бросил якорь в порту Нью-Йорка, доставив в Америку М.М.Литвинова и его помощников. В тот же день их встречали в Вашингтоне госсекретарь США К.Хэлл и У.Буллит. Это неординарное событие, заставившее говорить о себе всю мировую печать, венчал собой обед в Белом доме, данный в честь Литвинова Ф.Рузвельтом и его супругой Элеонорой. Каким гостеприимным и обольстительным мог быть американский президент за обеденным столом, Литвинову наверняка было известно из бесед на международных форумах, где о стиле поведения Рузвельта говорилось очень много и не всегда с одобрением. Но Литвинов, находясь в Белом доме, не почувствовал никаких признаков скрытого недружелюбия.

В только ему свойственной светской манере президент Рузвельт начал беседу выражением сожаления ввиду отсутствия за столом супруги Литвинова Айви, урожденной англичанки. Народный комиссар подхватил этот полусерьезный, дружеский тон, сказав, что ее отвлекли многочисленные общественные обязанности: «Вы знаете, она очень активная женщина, озабочена только своими делами, постоянными разъездами, произнесением речей. Невозможно подумать о том, чтобы оторвать ее от всего этого. Я приехал один, потому что она видит в политике только себя одну, точно так же, как и я сам»¹⁶. Рузвельт, соглашаясь, заговорщически кивнул, давая понять, что он разделяет точку зрения своего гостя на революцию в семейных отношениях, случившуюся помимо желания их обоих. Необычная активность первой леди США, Элеоноры

¹⁵ Там же. С. 719, 720.

¹⁶ Цит. по: Lash J.P. *Eleonor and Franklin. The Story of Their Relationship, Based on Eleonor Roosevelt Private Papers*. N.Y., 1971. P. 765.

Рузвельт, порой вызвала легкую досаду президента, и он иногда с трудом справлялся с этим. Наверное поэтому он почувствовал в словах Литвинова неуловимый намек на общность их положения. Но, так или иначе, обмен полушутливыми, ироничными репликами мгновенно растопил лед копившихся годами предубеждений, настороженности и скованности перед лицом стоящих перед президентом и наркомом проблем, уже завтра могущих потребовать неординарных усилий. К ним относились три группы вопросов: нормализация дипломатических отношений между США и СССР в полном объеме (включая отмену статуса нации «политических язычников», негласно присвоенного СССР американскими экспертами), решение финансовых вопросов (проблема долгов и кредитов) и гуманитарные вопросы (религия, пропаганда, гражданские права).

Ситуация облегчалась тем, что за пару недель до отъезда в США М.М.Литвинов и его аппарат на основе широкой информации, полученной из предварительных контактов Сквирского с Моргантау, Буллитом, Муром (ближайший помощник К.Хэлла и давний сторонник признания СССР), имели четкое представление, в каком русле будут протекать переговоры с президентом и о характере претензий, которые с вероятностью до 100% будут предъявлены советскому правительству в Вашингтоне. Выяснилось также, что информацией о всех нюансах относительно реакции широкой американской публики на признание Советского Союза Литвинова снабдил Комитет общественности, куда входили влиятельные американские деятели¹⁷.

Литвинов, со своей стороны, всерьез готовился по максимуму отстаивать интересы своей страны за океаном. Так, по крайней мере, он докладывал в партийные инстанции в записке от 20 октября 1933 г., которую в случае одобрения считал «директивой для себя». Она содержала наряду с очевидными уступками пространство для маневрирования, которое должно было показать не догматичность мышления советской дипломатии, безбоязненность разумных компромиссов и новое сознание особого места, которое сильное государство СССР занимает в мире после периода внутренней смуты и разрухи. Литвинов писал:

«В предстоящих разговорах с Рузвельтом мы должны всячески отклонять разрешение вопроса о претензиях по существу до восстановления отношений. В случае настойчивого желания Рузвельта упомянуть о претензиях в каком-либо протоколе или ноте признания можно будет

¹⁷ В Комитет входили Элеонора Рузвельт и полковник Хью Купер (строитель Днепротранса), консервативные магнаты с Уолл-Стрита Томас Ламонт и Джон Дэвис.

пойти на одну из формулировок, имеющихся в наших отношениях с другими государствами. Формулировка сводится к тому, что

- либо вопрос о претензиях остается открытым, и каждая сторона сохраняет за собой все свои права по этим претензиям,
- либо предоставляется наибольшее благоприятствование в случае какого-либо удовлетворения претензий третьей стороны,
- либо мы соглашаемся после возобновления отношений вступить в переговоры по претензиям дипломатическим путем или через специальную комиссию, как это имело место после восстановления отношений с Англией.

В любом случае должно быть отмечено, что речь идет о двусторонних претензиях, т.е. и о наших контрпретензиях.

Следующей позицией может быть устное подтверждение нами уже заявленного согласия удовлетворить претензии, т.е. возможный излишек американских претензий против наших путем повышения процента по кредитам, которые американское правительство нам обеспечит. На это можно пойти лишь в крайнем случае, но и то избегая письменного обязательства. Ни в коем случае не следует создавать у американцев впечатления, что мы интересуемся кредитами или займами. Нужно, наоборот, утверждать, что относимся к ним индифферентно и что получение их может быть только уступкой с нашей стороны в качестве метода разрешения вопроса о претензиях»¹⁸.

После первых трудных дней вашингтонских переговоров с К.Хэллом и У.Буллитом, У.Муром и главным русским экспертом Р.Келли (обиженным недоверием президента) Литвинов почувствовал себя увереннее, а его партнеры по переговорам убедились, что Литвинов и в одиночку может держать удар. Споры по финансовым и гуманитарным вопросам носили нелегкий характер, но они совсем не вызывали беспокойства своей фатальной безнадежностью. Чувствовалось по всему, что угрозы скандального срыва переговоров в принципе нет и что путем нахождения соответствующих словесных формул возможно оставить тот или иной вопрос открытым или отложить его решение на более благоприятное время. Время, когда требование признать долги царского и Временного правительства Соединенными Штатами Америки утратят свою драматичность, советские контрпретензии будут признаны более обоснованными, а накал страстей спадет. Впечатление, произведенное Литвиновым на прессу и вашингтонские круги, также делало свое дело. Он разоружил своих оппонентов твердостью, не переходящей в упрям-

¹⁸ *Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. С.708.*

ство, осведомленностью в тонкостях современной дипломатической практики, умением вести дискуссию, находясь в окружении далеко не сочувствующих ему участников и партнеров по переговорам. О нем в кругу дипломатов принято было говорить как о человеке, «умеющем выходить сухим из воды». Когда же положение становилось тупиковым, Литвинову на помощь приходил президент Рузвельт.

Президент не испытывал панического опасения в отношении коммунистической пропаганды, а данные им обещания добиваться смягчения советского режима в отношении гражданских прав были адресованы преимущественно внутренней оппозиции, клану непримиримых и лишены признаков запугивания. Он был озабочен, как сам выразился на пресс-конференции, достижением главного результата – нормализацией дипломатических отношений между «двумя великими странами, двумя великими народами»¹⁹, что создавало бы в мире совершенно новую обстановку, способную послужить препятствием для агрессии Германии и Японии. В этом взгляды Рузвельта и Литвинова, понимание ими делового значения переговоров в Вашингтоне и их итогов совпадали. Другими словами, настроение Рузвельта безошибочно указывало: согласие Литвинова на уступки ему нужно было не для удовлетворения собственного тщеславия, а для сохранения престижа администрации «нового курса» и для того, чтобы не сделать подарка внутренней оппозиции, не желавшей примириться с беспрецедентно длительным (более недели) пребыванием представителя Кремля в столице США, полностью разрушающим стереотипы эры непризнания. Полагая, что его ремарки станут известны прессе и католической общественности, Рузвельт, как он это делал всегда, с чувством внутреннего превосходства рассказывал членам своего кабинета об эффекте его критики безбожия на Литвинова. Страна узнала также о сногшибательном предложении президента США советскому наркому отбросить формальности и перейти на «ты». Еще более приметным шагом, реально уравнивающим шансы сторон в переговорах по финансовым вопросам, стало признание Рузвельтом ошибочности американской интервенции на Севере России, в Архангельске, и высказанные им в порыве откровенности сомнения в моральном праве Америки на получение царских долгов²⁰.

Переговоры время от времени входили в критическую фазу, но главная большая цель по взаимному согласию в пылу словесной перепалки

¹⁹ Dallek R. *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945*. N.Y., 1979. P.80.

²⁰ Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С.337; Brands H.W. *Traitor to His Class. The Privileged Life and Radical Presidency of Franklin Delano Roosevelt*. N.Y., 2009. P.439–441.

не исчезала из поля зрения принципиальных участников словесной баталии. В Государственном департаменте переговоры по деталям соглашения часто завершались ничейным результатом. Так, в ходе подготовки обмена нотами по вопросу о пропаганде исчезло упоминание о Коминтерне, на чем дружно поначалу настаивали переговорщики с американской стороны, видимо, опасаясь активизации его аффилированных организаций на территории самих Соединенных Штатов. Были согласованы положения о невмешательстве (в том числе и вооруженном) во внутренние дела друг друга и об отказе от «подстрекательства» путем пропаганды и агитации к изменению политического и общественного строя, представленные на переговорах сторон²¹. В обмене нотами между наркомом Литвиновым и президентом Рузвельтом от 16 ноября 1933 г. по вопросу о пропаганде в советской редакции было заявлено право как советской, так и американской сторон «строить свою жизнь в пределах своей собственной юрисдикции по своему усмотрению и воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела (как США, так и СССР) их территорий и владений».

И по сию пору моральной и юридической силы не утратил текст этих документов, особенно в части, касающейся действий всех лиц, находящихся на правительственной службе, и организаций, находящихся под прямым и косвенным контролем соответствующих правительств:

«...2. Воздерживаться и удерживать всех лиц, находящихся на правительственной службе, и все организации Правительства или организации, находящиеся под его прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от него какую-либо финансовую помощь, от какого-либо явного или скрытого акта, могущего каким-либо образом нанести ущерб спокойствию, благосостоянию, порядку или безопасности Соединенных Штатов в целом или какой-либо их части, их территорий и владений, и, в частности, от любого акта, направленного на подстрекательство или поощрение вооруженной интервенции, или от какой-либо агитации или пропаганды, имеющих целью нарушения территориальной целостности Соединенный Штатов, их территорий или владений, либо насильственное изменение политического или общественного строя Соединенных Штатов в целом, или какой-либо их части, их территорий или владений...»²²

Очень часто Рузвельт брал ручное управление на себя, перенося встречи из Госдепартамента на «площадку» Белого дома. Они велись

²¹ ДВП СССР. Т. XVI. Док. 363. М., 1970. С. 642–644.

²² Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. С. 713.

президентом и Литвиновым по много часов и с глазу на глаз в отсутствие советников и государственного секретаря К.Хэлла. Последнего президент постарался отправить в Монтевидео для участия в очередной панамериканской конференции. Ворчливый госсекретарь, не расположенный к Литвинову, Рузвельту был не нужен. С вечера 10 ноября и до конца переговоров 15 ноября Литвинов встречался с президентом фактически каждый день. Постепенно выработывалась приемлемая для обеих сторон формула «джентльменского соглашения» и по самому трудному вопросу – о долгах. Исчезло упоминание о царских долгах, но появилось согласие советской стороны на признание долга Временного правительства Керенского при условии получения займа от Соединенных Штатов с рассрочкой на 20 лет. Контрпретензии Советского Союза на уплату американского долга, обусловленного пребыванием вооруженных сил США на Дальнем Востоке и на Севере России, растворились без остатка уже в атмосфере доброжелательства и откладывания согласования окончательной суммы советского долга без уточнения дат и условий такого согласования. Советское правительство такой компромисс не мог не устраивать. Заметим, однако, что этот компромисс в дальнейшем вызвал немало недоумений и недовольств.

Жизнь вместе с тем показала, что М.М.Литвинов переоценил свои возможности добиться (как того требовали от него инструкции) снятия вопроса о религии и гражданских правах американцев, проживающих на территории Советского Союза, и недооценил влияние чисто внутренних факторов на внешнюю политику администрации Рузвельта. И это не зависело от того, большей или меньшей популярностью пользуется ее глава, и безотносительно того, каким бы теоретически многообещающим ни представлялось взаимодействие обеих стран на международной арене после нормализации отношений и предельно продолжительного обмена мнениями за плотно прикрытыми дверями Овального кабинета Белого дома.

Таким образом, ожидания далеко не во всем оправдались. Хотя в октябре 1944 г. Рузвельт, выступая перед членами Ассоциации по внешней политике, говорил, что признание СССР в 1933 г. было одним из решений, которым «он гордится»²³. О чем, однако, может быть, следует сказать в первую очередь, так это о виртуозности главных переговорщиков, нашедших нагруженный многозначным смыслом дипломатический язык для выражения важнейших положений принятых ими исто-

²³ *Roosevelt F.D. The Public Papers and Addresses of Franklin D.Roosevelt / Rosenman S.I., ed. 13 vols. N.Y., 1938–1950. Vol. 1. 1944. P.342–354.*

рических документов. Технически самым трудным из них было совместное коммюнике, подписанное, кстати сказать, Литвиновым и Рузвельтом 15 ноября 1933 г. в присутствии Г.Моргентау и У.Буллита. Оно было кратким и отредактированным в спешке, но передающим дух сближения сторон в понимании сокращения дистанции, отделяющей обе страны после весны–лета 1918 г.

«Г-н Литвинов на совещании с президентом, с и.о. министра финансов (Г.Моргентау-младший. – *В.М.*) и г. Буллитом заключили с президентом "джентльменское соглашение" о том, что сверх всех претензий Советского правительства и его граждан к правительству Соединенных Штатов и его гражданам Советское правительство уплатит правительству Соединенных Штатов в качестве взноса за счет долга Керенского или прочего сумму не ниже 75 000 000 долл. в форме процента сверх обычной процентной нормы на заем, имеющий быть представленным ему правительством Соединенных Штатов или его гражданами, причем все остальные претензии со стороны правительства Соединенных Штатов или его граждан, а также со стороны правительства Союза Советских Социалистических Республик или его граждан должны рассматриваться как аннулированные.

Президент сказал, что он с уверенностью считает, что сможет убедить конгресс согласиться на сумму в 150 000 000 долл., но он боится, что конгресс на меньшую сумму не согласится. Г-н Литвинов тогда сказал, что он не может на свою собственную ответственность дать согласие на подобный минимум, ибо его правительство уже высказалось о том, что оно считает эту сумму чрезмерной.

Г-н Литвинов сказал, что он питает полное доверие к чувству справедливости президента и что он убежден, что после того, как президент ознакомится с фактами, он придет к заключению, что сумма свыше 75 000 000 долл. ничем не оправдывается. Он лично, не беря на себя никаких обязательств, склонен посоветовать своему правительству согласиться на 100 000 000 долл. в том случае, если президент будет считать такую сумму справедливой.

Г-н Литвинов согласился остаться в Вашингтоне после возобновления дипломатических отношений и обсудить с г. Моргентау и г. Буллитом точную сумму в пределах между 75 000 000 долл. и 150 000 000 долл., которая должна быть уплачена Советским правительством.

М.Литвинов
Ф.Рузвельт»²⁴

²⁴ ДВП СССР. Т.XVI. Док.361. С.640. – Предельно ясно по поводу невразумительности

Так никогда до конца и не было выяснено, что собой представляет эта «точная сумма в пределах между 75 000 000 долл. и 150 000 000 долл.». Однако главный итог миссии Литвинова в виде процедуры обмена нотами между народным комиссаром иностранных дел СССР и президентом США состоялся 16 ноября в 22 часа в Белом доме на встрече главных персонажей в присутствии Г.Моргентау, У.Буллита, У.Филлипса (помощника государственного секретаря) и Г.Вудрина (министра финансов). Одновременно состоялось и подписание пакета других документов. Торжественным заключительным аккордом к трудным десятидневным переговорам прозвучала выраженная в согласованных текстах главного документа общая надежда, «что установленным отношениям между нашими народами удастся навсегда оставаться нормальными и дружественными и что наши нации отныне будут сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира»²⁵.

Ни Рузвельт, ни Литвинов не могли предвидеть, что возникшие осложнения как внешнего, так и в еще большей степени внутреннего порядка практически обнулят многое из того, что ими было намечено к осуществлению в порядке профилактики международных конфликтов.

14 ноября 1938 г. исполнилось пятилетие со дня установления отношений между СССР и США. Отмечая эту дату, с большим сожалением и даже горечью Литвинов писал временному поверенному в делах СССР в США К.А.Уманскому: «Пятилетие установления отношений мы отметим в печати весьма скромно. Трудно говорить о значении этого события, умалчивая о причинах отсутствия надлежащего политического эффекта. Причины же эти лежат в совершенной пассивности американского правительства, фактически издавна уже практикующего изоля-

позиции Рузвельта в связи с финансовыми претензиями к Советскому Союзу высказался Джордж Кеннан в своих мемуарах. Рузвельт, писал он, уделял им далеко не достаточное внимание. «Они не решали стоящей перед ним политической проблемы. Оба эти вопроса (коммунистическая пропаганда и проблема долгов. – В.М.) вызывали его интерес не сами по себе (и я думаю, он был прав в отношении долгов и претензии), а только поскольку они интересовали американское общественное мнение и влиятельные группы населения. Для него главное было создать впечатление заботы об этих вопросах, а вовсе не реальное их решение. Он дорожил восстановлением взаимоотношений с Советским Союзом ради отрезвления немецких нацистов и японских милитаристов, и для того, чтобы это удалось, он готов был бросить горсть песка в глаза американского конгресса, прессы и публики» (Kennan G.F. Memoirs 1925–1950. Boston, 1967. P.56, 57).

²⁵ ДВП СССР. Т.ХVI. Док.362. С.641.

ционизм. Несмотря на нагорные проповеди своих президентов о мире, Америка не может отказаться от своей доли ответственности за нынешнее международное положение»²⁶. Литвинов сгущал краски и оказался прав лишь наполовину.

После своего увольнения 3 мая 1939 года с поста наркома иностранных дел СССР Литвинов полагал, что его дипломатическая карьера закончена. Он не единожды мог сомневаться, останется ли в живых в результате «чисток старого Наркоминдела»²⁷, но неожиданно для себя оказался востребованным после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., когда выяснилось, что «политический эффект» от степени доверия, достигнутого в Вашингтоне в ноябре 1933 г., может стать в новых исторических условиях самым неожиданным и иметь многообразные последствия. Сначала так случилось во время пребывания специального помощника президента Рузвельта Гарри Гопкинса в Москве в конце июля – начале августа 1941 года. Литвинов все три дня кремлевских бесед Гопкинса со Сталиным участвовал в них в качестве переводчика²⁸. Затем – уже после подписания США и Англией Атлантической хартии (14 августа 1941 г.) и успеха Конференции трех держав в Москве в сентябре–октябре с участием А.Гарримана и лорда Бивербрука – последовало ясно выраженное в послании Рузвельта Сталину пожелание «войти в контакт непосредственно с ним, если этого потребуют обстоятельства»²⁹. Имя М.М.Литвинова, отставного наркома иностранных дел, чьи подписи стояли под документами в рамках соглашения Рузвельт–Литвинов, горячего сторонника коалиционных действий против агрессоров, всплыло моментально. На согласования как в Москве, так и в Вашингтоне ушло немного времени, и, ознакомившись с разного рода директивными документами, Литвинов отбыл в США. Там он должен был сменить на посту полномочного посла СССР К.А.Уманского.

²⁶ *Советско-американские отношения 1934–1939 / Научн. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2003. С.694.*

²⁷ *Наджафов Д.Г. Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова–Риббентропа // Война и политика 1939–1941 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. С.91, 93; Carley M.J. 1939. The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. Chicago, 1999. P.133–137.*

²⁸ *Adams H.H. Harry Hopkins. A Biography. N.Y., 1977. P.239.*

²⁹ *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы в двух томах. М., 1984. Т.1. 1941–1943. С.135.*

Литвинов вручил свои верительные грамоты президенту США 8 декабря 1941 г., на другой день после нападения японцев на Пёрл-Харбор и сразу же после краткого, но замечательно выразительного выступления Рузвельта в Конгрессе, в котором он назвал 7 декабря «днем позора» Соединенных Штатов. Официальная же церемония, как сообщал сразу после ее окончания Литвинов в Народный комиссариат иностранных дел СССР, обошлась «без обычных формальностей». Как с очень добрым знакомым Рузвельт в деловом духе обсудил с новым послом привычным детальным образом военные вопросы, сказав, что он (Рузвельт) «в моем (т.е. Литвинова. – В.М.) распоряжении для дальнейших бесед»³⁰. Литвинов не преминул этим воспользоваться. Новая политика США в качестве воюющего члена складывающейся коалиции сил, противостоящей странам оси, делало такое общение само собой разумеющимся и безотлагательным.

Можно было бы сказать, что они оба, как и в ходе их встреч осенью 1933 г., оказались вновь единодушны, несмотря на разногласия, вызванные неоднозначным толкованием перспектив глобальной политики. Разумеется, Литвинову было хорошо известно о настойчивых попытках его предшественника К.А.Уманского «достучаться» до Государственного департамента по поводу признания вхождения («инкорпорации») прибалтийских государств в состав СССР. Уманский предпринял этот демарш ровно через неделю после начала советско-германской войны³¹. Литвинов был также осведомлен о переговорах Сталина с находившимся в Москве английским министром иностранных дел Антони Иденом в середине декабря 1941 г., когда были подробно обсуждены вопросы военной взаимопомощи и послевоенного устройства. В ходе их советской стороной было предложено подписать секретное соглашение двух стран (СССР и Англии) о восстановлении границ Советского Союза такими, какими они были в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР³². Как известно, требования Кремля были отклонены англичанами, и одним из доводов английской стороны была ссылка на необходимость обсуждения всех этих вопросов (включая вопрос о Прибалтике) с президентом Рузвельтом.

³⁰ Там же. С.143, 144.

³¹ См.: Kimball W.F. *The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime. Statesman. Princeton (N.J.). 1991. P.26, 27.*

³² См. подробнее: Ржевский О.А. *Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С.31–95.*

Мы увидим из приводимых ниже архивных материалов, что Рузвельт был проинформирован Черчиллем о московских переговорах в декабре 1941 г., задолго до приезда В.М.Молотова в Вашингтон в конце мая 1942 г. Тогда же он выразил свое отношение к ним, делая это в свойственной ему манере вербального экспромта и связав вопрос о гарантиях территориальной безопасности СССР после войны с полным устранением (более чем на 25 лет) военной угрозы со стороны Германии, Италии и Японии, что, как считали в Кремле, не могло бы исчерпать всей проблемы.

Литвинов впервые услышал из уст самого Рузвельта его реакцию на только что закончившиеся в Москве англо-советские переговоры 22 декабря 1941 г. Посол СССР, по-видимому, и не подозревал, что был едва ли не самым первым, с кем Рузвельт поделился своей концепцией послевоенного урегулирования. Концепцией, предусматривающей, что США, СССР, Англия и, возможно, Китай возьмут на себя надзорные функции по предотвращению новых войн в мире. В дальнейшем ее назвали концепцией «четырех полицейских». В обмен на обеспечение глобальной коллективной безопасности с опорой на вооруженные силы этих трех держав плюс Китай, как полагал Рузвельт, Советский Союз мог бы отказаться от своих территориальных (Прибалтика, Бессарабия, Северная Буковина, западные Белоруссия и Украина) претензий. Дав знать об этом Литвинову менее чем через пару недель после их повторной встречи в Белом доме, Рузвельт какое-то время не возвращался к вопросу о миссии великих держав антигитлеровской коалиции. Это-то и объясняет, почему историки относили озвучивание Рузвельтом концепции «четырех полицейских» и в связи с этим изменение границ на более поздний срок³³. Но, по-видимому, признав в Литвинове незаурядного дипломата, чей вес в кремлевских кругах позволял ему реально влиять на принятие решений, Рузвельт возвращался к «беспротокольному» стилю их давних бесед. Выспрашивая у Литвинова его отношение к сверхострому вопросу о безопасности советских границ, Рузвельт дал понять, что обдумывает различные варианты послевоенного переустройства с учетом советских территориальных претензий. Где-то он мог быть откровеннее протокольных встреч, воздавая должное вкладу Советского Союза в войне с гитлеризмом, где-то предостерегал от по-

³³ См.: Мальков В.Л. *Ф.Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире // Новая и новейшая история. 2005. №2. С.76–88; Мягков М.Ю. СССР, США и проблема Прибалтики в 1941–1945 годах // Новая и новейшая история. 2005. №1. С.53; Dallek R. *Op. cit.* P.342; Kimball W.E. *Op. cit.* P.25–97.*

спешных заявлений, чтобы не нажать врагов в антигитлеровской коалиции и не вызвать ее развала. Но всегда президент оставался готовым продолжать диалог без скидок на время.

Шли декабрьские кровопролитные бои на советско-германском фронте, и, испытывая целый комплекс опасений в отношении настроения в Кремле, Рузвельт спешил поделиться с Литвиновым соображениями, как раз и навсегда избавить в будущем Советский Союз от военной угрозы на Западе и на Востоке и одновременно гарантировать сохранение складывающегося Великого Альянса. Безопасность СССР должна быть обеспечена во что бы то ни стало, говорил он 22 декабря послу СССР: «Это сообщение, – писал Литвинов в шифровке для НКВД СССР, – явный намек на наши расхождения с Иденом»³⁴. Доверительный тон президента, вся тональность разговора убеждали посла, что президент не склонен видеть границы послевоенной Европы неизменными, что ход войны и меняющаяся роль в ней Советского Союза могут создать такую ситуацию, когда произойдут радикальные сдвиги в общественном мнении США в сторону признания СССР надежным и равноправным партнером и превращения его в одну из немногих ведущих держав, имеющую право позаботиться о поясе безопасности в своем ближайшем окружении.

Через неделю у Литвинова состоялась новая встреча с президентом Рузвельтом. Возвратившись из Белого дома в резиденцию советского посла, Литвинов тотчас же отправил важную информацию в Москву, пометив ее 29 декабря и выделив специальным пунктом «Ваши переговоры с Иденом» то место в телеграмме, которое требовало особого внимания руководства НКВД.

«Против специального соглашения о Прибалтике Рузвельт, по видимому, будет еще больше возражать, чем Черчилль. Он это вчера подтвердил. Это не значит, что он или Черчилль в случае победы будут настаивать на отчуждении от нас Прибалтики, в особенности, если мы к этому времени займем ее своими войсками. Не знаю, какие формулы предлагал Идену Сталин (речь идет о тексте проектов секретных соглашений, врученных Идену Сталиным 16 декабря 1941 г. на переговорах в Москве. – В.М.), но мне кажется приемлемой формула, которая говорила бы, что при заключении мира одна договаривающаяся сторона не допустит, чтобы был нанесен какой бы то ни было ущерб границам другой стороны, существовавшим фактически до нападения на нее Гитлера и

³⁴ *Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.059. Оп.1. П.412. Д.3708. Л.250–251.*

РУЗВЕЛЬТ – ЛИТВИНОВ. ДВЕ ВСТРЕЧИ

его союзников. Если нужно сделать оговорку относительно Польши, то она может найти место в каком-либо секретном протоколе»³⁵.

Встречами в Белом доме Литвинова с Рузвельтом в последние дни 1941 г. закончился очень важный первый этап союзнических отношений СССР и США после вступления Америки в войну. 1 января 1942 года в Вашингтоне была обнародована Декларация Объединенных Наций. От имени правительства СССР на документе рядом с подписями Ф.Рузвельта и У.Черчилля поставил свою подпись и М.М.Литвинов.

Слева: М.М.Литвинов, справа Ф.Рузвельт (фотографии 30-х годов)

³⁵ Там же. Л.253.

Евгений Захаров

**В.Е.ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО
О ПОДГОТОВКЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ
В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ
В 1920-Е ГОДЫ**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
378.14

The author considers problems of engineering and technical personnel training in the 1920s. In particular, the author investigates principal guidelines of the Soviet system devised for the purpose of cadre question solution in metallurgy. The greatest attention is paid to analysis of metallurgical high quality engineer training system which was suggested by the prominent metallurgical scientist, the Associate Member of the USSR Academy of sciences Vladimir Efimovich Groum-Grzhimailo who was the father of hydraulic theory of flame furnace computation and the author of works on physical and chemical fundamentals of steel-smelting processes, size-grading of forming rolls and refractory materials making.

Ключевые слова: молодые инженеры; высшая школа; система подготовки; металлургия.

Key words: young engineers; high school; engineer training system; metallurgy.

E-mail: evgeniizak@mail.ru

В 1920-е годы создание собственной системы подготовки высококвалифицированных специалистов в области промышленности являлось для советского руководства одним из ключевых элементов в решении задач модернизации. Без решения этой проблемы невозможно было проводить индустриализацию качественно и планомерно.

Придя к власти, большевики одной из основных своих задач выдвинули задачу скорейшего восстановления промышленности и народного хозяйства. Однако ее решение затруднялось сравнительно небольшим числом дореволюционных специалистов. В связи с этим перед органами образования была поставлена цель: в кратчайшие сроки подготовить квалифицированные кадры для нужд приоритетных отраслей промышленности. Высшей школе при таких условиях, естественно, пришлось вынужденно, наспех перекаривать и перестраивать уже существующие программы обучения, в некоторых случаях создавая их, практически, с нуля.

Стоит отметить, что в 1920-е гг. эти перекройки и перестройки в системе подготовки инженеров происходили на фоне непрекращающихся споров между ВСНХ, Наркомпросом, Главпрофобром о том, какой вообще тип специалиста нужен, прежде всего, советской промышленности. Узкой или широкой специальностью? Однако, несмотря на значительную работу по формированию новых программ, номенклатур специальностей, переработке структур ВТУЗов, этот вопрос в то время так и не был решен.

Рассмотрим советскую педагогическую систему, сложившуюся в высшем техническом образовании 1920-х годов.

В 1920 году Главным управлением профессионального образования (Главпрофобром) были подготовлены «основные положения» реформы высшей технической школы. Наиболее важные из них таковы:

- 1) практическое ознакомление со своей специальностью должно происходить в непосредственной связи с производством;
- 2) число преподаваемых по каждой специальности предметов сокращается до приемлемого минимума, причем в отношении как общих, так и смежных предметов;
- 3) при сохранении лекционной системы главная основа преподавания переносится на практические занятия;

- 4) все дисциплины преподаются в сжатой форме с необходимым минимумом математических выкладок, без рассмотрения истории предмета¹.

Первоначально курсы с включением в них обучения навыкам практической работы были рассчитаны на три года², однако, ввиду низкого уровня грамотности поступающих, высшей школе приходилось не только обучать студентов специальности, но и одновременно поднимать их общий багаж знаний, полученных в средней школе. Это касалось как естественных, так и гуманитарных наук³. Поэтому впоследствии весь курс обучения в ВУЗе с включением в него заводской практики достиг пяти лет.

Однако с переходом высшей школы на новую систему обучения советская промышленность столкнулась с неожиданной, но от этого не менее серьезной проблемой. Дело в том, что от насыщенности программ практических курсов решением общепедагогических просветительских и воспитательных задач страдала профессиональная подготовка новых кадров.

В.Е.Грум-Гржимайло

Одним из немногих специалистов, кто обратился к этой проблеме в 1920-е годы, применительно к своей области подготовки профессиональных кадров, был В.Е.Грум-Гржимайло. Он являлся крупнейшим специалистом рубежа XIX–XX веков в области металлургии, одним из создателей теории физико-химических процессов, протекающих при выплавке стали, а в советские годы – основателем научно-исследовательского института «Сталь-проект» и разработчиком металлургических печей нового поколения. Значение деятельности В.Е.Грум-Гржимайло для становления и развития ведущей отечест-

¹ Марков В.Н. Система народного образования в РСФСР. Изд-во Вольского УОНО, 1923. С.25.

² Тезисы доклада проф. И.А.Черданцева «о согласовании читаемых курсов между собою» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.1565. Оп. 4. Д.27. Л. 154.

³ Докладная записка проф. А.И.Некрасова в ЦК ВКП(б) о высшей технической школе // ГАРФ. Ф.8060. Оп.1. Д.37. Л.9.

отечественной отрасли народного хозяйства – металлургии не забыто, однако публикации о нем редки⁴ и не раскрывают в полной мере всю глубину этой выдающейся личности.

Целью данной статьи является рассмотрение методики подготовки инженеров-металлургов в технических ВУЗах, разработанной ученым-металлургом на основе критики недостатков советской и предшествующей педагогических систем.

Для данной публикации были привлечены материалы, отложившиеся в личном фонде Владимира Ефимовича⁵.

Можно смело утверждать, что в педагогической деятельности Грум-Гржимайло отразились две системы подготовки кадров тяжелой промышленности: имперской (царской) и советской. Его двадцатилетняя деятельность в качестве педагога началась в 1907 году, когда он был приглашен на кафедру металлургии стали в Санкт-Петербургский политехнический институт. До его прихода на профессорскую кафедру теоретического курса по металлургии стали почти не существовало. В программах обучения эта дисциплина не выделялась в качестве отдельного предмета, а изучалась только в рамках курса физической химии.

С первых лет своей педагогической работы В.Е.Грум-Гржимайло оказался в числе немногих, кто выступил с резкой критикой подобного отношения к изучению научных основ и практических проблем металлургии. По мнению его ученика М.Ф.Жестовского, он критиковал не только программу подготовки в ВУЗах, но и не принимал те представления о методах высшей школы, которые бытовали в то время в научной среде. Эти представления базировались на одном принципе: высшая школа учит «всему и на все случаи жизни», а это превращает «курсы металлургии в собрание рецептов, эмпирических правил и описаний»⁶.

В 1926 году В.Е.Грум-Гржимайло разработал свою систему подготовки инженеров-металлургов в высшей школе СССР. При этом он исходил из взвешенной оценки слабых и сильных сторон прежней и советской методик подготовки специалистов, выявив общие проблемы,

⁴ Вехов Н.В. Братья Грум-Гржимайло // Московский журнал. 2013. №2. С.10–15; Гагарин А.В. Профессора Томского политехнического университета: Биографический справочник. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2000. Т.1.

⁵ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.332. Оп.3.

⁶ Жестовский М.Ф. Владимир Ефимович Грум-Гржимайло как педагог // РГАЭ. Ф.332. Оп.1. Д.57. Л.1.

с которыми сталкивался в процессе обучения студент, и предложил ввести в действующие программы ряд новшеств.

Мы рассмотрим взгляды Грум-Гржимайло на основе нескольких концептуальных положений, выдвинутых им при оценке двух различных подходов к подготовке кадров тяжелой промышленности, и проанализируем основные предложения, которые он при этом отстаивал.

«...Мы вышли из Горного института с волчьим аппетитом к усвоению знаний»

Одна из главных отрицательных черт дореволюционной и советской систем, на которую обращал внимание Грум-Гржимайло, состояла в слишком продолжительном курсе

обучения. Проясним ситуацию, которая была на тот момент во ВТУЗах:

- во-первых, средняя продолжительность пребывания студентов во ВТУЗах до 1917 года составляла 8 лет, а в советской системе курс обучения был рассчитан на 6–7 лет⁷;
- во-вторых, в связи с большим количеством поступающих в ВУЗы в начале 1920-х годов многим учебным заведениям приходилось расширять курсы специализации и брать людей разных возрастов.

Из-за всего этого получалось, что в среднем к концу курса обучения возраст выпускника составлял от 25 до 30 лет.

Свое отрицательное отношение к данной ситуации Грум-Гржимайло объяснял тем, что молодые годы (17–22 лет) обладают большой поглощающей способностью при усвоении новых идей, такую, какую не обладает зрелый возраст (24–27 лет)⁸. Он ссылаясь при этом на пример из своего личного опыта обучения в ВУЗе: «В 1885 г. Горный институт в С.-Пб. кончило 22 человека. Из них двое 21 года; это были М.А.Павлов, ныне профессор металлургии Политехнического института в Ленинграде, и автор сей записки – В.Е.Грум-Гржимайло... Оба мы всегда отличались громадной трудоспособностью как во время работы в заводах, так и во время нашего профессорства... Очевидно, раннее окончание нами курса высшего учебного заведения не подорвало наших сил.... Мы вышли из

⁷ *Какого инженера должны готовить ВТУЗы (Отзывы деятелей промышленности науки и техники) / Под ред. И.И.Ходоровского, П.С.Осадчего. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР, 1928. С.9.*

⁸ *Каковы должны быть молодые инженеры // РГАЭ. Ф.332. Оп.1. Д.36. Л.1.*

Горного института с волчьим аппетитом к усвоению знаний. Вспоминая многих своих однокашников-сослуживцев, я вспоминаю их стремления, прежде всего, хорошо пожить, их глубокое равнодушие чему-нибудь научиться или узнать»⁹.

Поэтому, по мнению Грум-Гржимайло, особенно в условиях острой нужды в высококвалифицированных кадрах, сложившейся в 1920-е годы, необходимо создавать такие программы, которые могли быть рассчитаны на 4–4,5 года и окончание ВУЗа в 22 года.

«Нужно дать каждому студенту только основные курсы...»

При сравнении двух методик Грум-Гржимайло выделял положительную сторону дореволюционной системы в соотношении теории и практики в ВУЗе. Смысл

в том, что до октября 1917 года система на начальных курсах обучения давала сильную теоретическую базу и не ориентировалась исключительно на заводскую практику, что и оказалось в первую очередь кардинально пересмотрено в советское время. В 1920-е годы методика, разработанная Главпрофобром, как мы уже отметили ранее, была ориентирована на более тесную связь теории и практики, начиная с первых лет обучения в ВУЗе. Высокий уровень подготовки дореволюционных русских специалистов был неоднократно подтвержден во время периодических командировок Грум-Гржимайло в Европу многими фирмами и крупными металлургическими компаниями¹⁰. Следовательно, полагал В.Е.Грум-Гржимайло, советской высшей школе необходимо придерживаться главного принципа: в ВУЗе должны давать только теоретическую базу, а практику на производстве следует вынести за рамки высшей школы.

Отрицательной чертой, характерной для царской и советской систем, Грум-Гржимайло считал одновременное изучение прикладных и теоретических наук на первых курсах и предлагал перенять опыт западных стран. Анализируя советскую структуру теоретической базы ВТУЗов, ученый обращался, прежде всего, к системе образования Французской школы. Основной ее принцип заключался в том, что учебный процесс в ВУЗе делился на два периода: теоретический и прикладной. Эти этапы

⁹ Грум-Гржимайло В.Е. *Собрание трудов*. М.; Л, 1949. С.221.

¹⁰ *Каковы должны быть молодые инженеры*. Л.2.

разделялись экзаменами. Только после сдачи экзаменов по теоретическим наукам студент допускался до изучения прикладных¹¹.

Советская система была построена по иному принципу. Студентам в начальный период обучения одновременно давали курсы прикладного и теоретического значения. Это приводило к тому, что студенты приступали к изучению прикладных наук, не пройдя курсов по теоретическим предметам. Следовательно, большая часть прикладного курса студентами не усваивалась. Так как французская система смогла избежать этой проблемы, то соответствующую методику можно было адаптировать к советской педагогической системе.

Отрицательная черта, которая проявилась в системе образования лишь в 1920 годы, – перенасыщение общими курсами узкоспециальной учебной программы. Эта небольшая брешь в системе образования приводила к тому, что студент уже к середине обучения терял интерес к изучению своей специальности¹².

Поясним на примере. Госплан дает указание: промышленности в год нужно 10–10,5 тысяч инженеров черной металлургии. Существует ли необходимость преподавать металлургию черных металлов на всех металлургических факультетах СССР? Такой необходимости нет. По мнению Грум-Гржимайло, наиболее выгодным будет разделить курс металлургии на три отдельных образовательных модуля:

- 1) металлургия черных металлов;
- 2) металлургия цветных металлов;
- 3) металлургия благородных металлов.

Поэтому, как считал Грум-Гржимайло, следовало закрыть кафедры, не соотносящиеся со специальностью факультета, оставить две или три, но обеспечить их квалифицированным персоналом и лабораториями.

Если убрать из прикладного курса учащегося ненужные и не касающиеся его специальности предметы, то можно сократить период обучения в несколько раз. Он утверждал: «Нужно дать каждому студенту только основные курсы. Когда даны твердые теоретические основы, переход от одной специализации к другой не представляет для молодого инженера никакой трудности и может быть им сделан даже самостоятельно»¹³.

¹¹ Грум-Гржимайло В.Е. *Собрание трудов*. С.223.

¹² *Каковы должны быть молодые инженеры*. Л.2 об.

¹³ Грум-Гржимайло В.Е. *Указ. соч.* С.225.

С точки зрения Грум-Гржимайло, для советской системы образования, переживавшей в тот период кризис профессорских кадров, попредметная специализация только выгодна. По его мнению, весь период обучения в ВУЗе, без включения в него практики, должен быть рассчитан на 4,5 года: 2 года на изучение теоретических наук и 2,5 на изучение прикладных.

«...Мы "вкладывали персты в раны", мы знакомились с природой»

Такая черта, как строгая регламентация количества часов в программах отдельных курсов, присущая и дореволюционной, и советской системам обучения, с

точки зрения Грум-Гржимайло, отрицательно влияла на подготовку квалифицированных кадров в ВУЗе. Владимир Ефимович рассматривал эту проблему на примере опыта преподавателей, у которых сам учился, будучи студентом, это Д.И.Менделеев и К.Д.Сушин. Менделеев был крупным теоретиком и за весь период лекций не проводил ни одного опыта. Грум-Гржимайло впоследствии так вспоминал о его лекциях: «Ни одного опыта. Ни одной цифры. Его двухчасовая лекция в "Основах химии" занимала всего несколько строчек... всю лекцию Д.И. учил нас, как надо наблюдать явления обыденной жизни и как их понимать»¹⁴. Менделеев старался выстраивать изложение материала таким образом, чтобы его предмет теоретической химии, с одной стороны, был комплексным, а с другой, – прост в понимании без каких-либо опытов.

Сушин большую часть учебного процесса отводил на лабораторные работы, в ходе которых студенты имели возможность изучить основные химические законы и постулаты во время экспериментов: «Перед глазами аудитории проходила бесконечная серия опытов; мы все видели своими глазами, щупали своими руками, нюхали, пробовали на вкус. Мы "вкладывали персты в раны", мы знакомились с природой»¹⁵. Как утверждал Грум-Гржимайло, «циркуляры, программы, часы, оплата втискивают обоих этих лекторов в одну рамку, и вот здесь причина бесконечных споров о числе часов, необходимых для прохождения данного курса»¹⁶.

¹⁴ Там же. С.224, 225.

¹⁵ Там же. С.224.

¹⁶ Грум-Гржимайло В.Е. *Собрание трудов*. С.225.

Поэтому Грум-Гржимайло считал, что строгое регламентирование количества часов для некоторых специальных предметов в ВУЗах не требуется.

«...Жизнь есть путешествие по железной дороге»

Как мы отметили выше, Грум-Гржимайло еще в царское время критиковал не только систему программы курсов, но и общее представление о высшей школе как об

учреждении, дающем «всё и на все случаи жизни». В.Е.Грум-Гржимайло так объяснял свою точку зрения: «Жизнь есть путешествие по железной дороге... Молодой инженер во все время своей технической работы имеет возможность учиться и пользоваться помощью со всех сторон, а потому загромождать его арсеналом всевозможных сведений на тот случай, что ему и то и другое может когда-нибудь сгодиться, – большая ошибка»¹⁷. В советское время представления о задачах высшего образования не претерпели кардинальных изменений в сравнении с временем дореволюционным и продолжали базироваться на том, что ВУЗ должен давать промышленности уже профессионально сформировавшихся специалистов. Позиция Грум-Гржимайло заключалась в том, что опираться на такой принцип не только ошибочно, но и губительно для промышленности¹⁸. Он считал верным советский принцип обучения, при котором высококвалифицированный специалист может сформироваться только в условиях практической работы. Но при условии, что она не будет включена в период изучения теоретических и прикладных наук, т.е. вынесена за рамки высшей школы.

Однако отправлять молодых инженеров сразу после окончания ВУЗа на завод тоже неверно, так как дореволюционная и советская практика показала, что руководство предприятия не знало, что с ними делать¹⁹. Поэтому Грум-Гржимайло предлагал ввести два пути практической работы, по которым может пойти молодой специалист после окончания ВУЗа:

- 1) лаборатория при заводе;
- 2) чертежная при заводе.

¹⁷ Там же. С.222.

¹⁸ Там же. С.226.

¹⁹ *Металлургическая практика студентов // РГАЭ. Ф.332. Оп.1. Д.35. Л.1.*

Выпускник – в соответствии со своими способностями – сам решает, каким путем идти. Этот метод, по мнению педагога, позволил бы разрешить сразу несколько проблем, с которыми сталкивается молодой инженер, приходя на завод:

- 1) акклиматизация специалиста в рабочей среде;
- 2) понимание молодым инженером рабочих процессов, происходящих на заводе;
- 3) расширение знаний в его специализации (знакомство с технической литературой, изучение спецкурсов и т.п.);
- 4) приобретение индивидуальных качеств для будущей работы на предприятии.

Срок прохождения послевузовской практики не должен превышать двух лет²⁰.

Последнее, на что обращал внимание Грум-Гржимайло в своей методике, – это работа студента над своим дипломом. Суть проблемы состояла в том, что учащиеся пишут дипломные работы, не соотносясь с практикой и считая их чистой формальностью. Следовательно, редкая работа может иметь практическое значение. Грум-Гржимайло утверждал, что необходимо перенести работу над дипломным проектом с учебных лет в ВУЗе на окончание практикантских лет на заводе. Этот метод, по его мнению, позволит приучить будущего специалиста ответственно относиться к своей квалификационной работе, а также приведет к пониманию важности и ответственности его работы²¹.

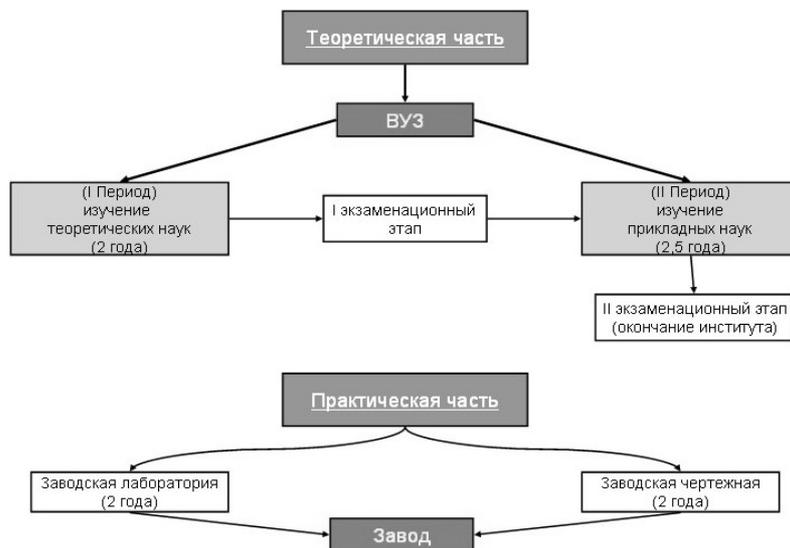
Заключение

Можно говорить о том, что методика подготовки инженера-металлурга, предложенная Грум-Гржимайло, базировалась на двух важных принципах:

- сама высшая школа дает только глубокую теоретическую основу и никакой практики;
- практика должна быть вынесена за рамки обучения в ВУЗе.

²⁰ *Металлургическая практика студентов. Л.1.*

²¹ *Грум-Гржимайло В.Е. Собрание трудов. С.226.*

Организационная часть системы обучения, по Грум-Гржимайло, касалась только сокращения количества смежных кафедр на узкоспециальных факультетах.

Несмотря на прогрессивные взгляды Грум-Гржимайло при рассмотрении системы подготовки специалистов, властью они были восприняты холодно. Официальная позиция руководящих органов по этому вопросу была озвучена в 1928 г. на заседании комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о подготовке инженеров. Она заключалась в том, что, несмотря на авторитетное мнение Грум-Гржимайло, как одного из самых видных и опытных ученых-металлургов в стране, его точку зрения на подготовку инженеров в высшей школе отвергали, считая перегибом в сторону общетеоретической, абстрактной постановки вопроса: «Из 5-летнего курса Грум-Гржимайло предполагает два курса посвятить общетеоретическим предметам и три курса посвятить специализации. Мы так далеко не идем, мы считаем, что здесь у Грум-Гржимайло перегиб»²².

²² Грум-Гржимайло В.Е. *Хочу быть полезным Родине*. Под ред. проф. Главацкого М.Е. ИПП «Уральский рабочий». Екатеринбург, 1996. с. 170.; Из выступления председателя ВСНХ СССР т. Краваля на заседании комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о

В.Е.ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

Однако современный исследователь истории российской интеллигенции М.Е.Главацкий критически оценил партийные рекомендации 1928 года: «Как показало время, прав был В.Е.Грум-Гржимайло, а не автор выступления. Уже в 1932 г. ЦИК СССР вынужден был признать, что высшие технические учебные заведения, не давая студентам должной общетеоретической подготовки, фактически выпускали не инженеров, а техников»²³.

Подобной точки зрения придерживался и выдающийся советский металлург, академик, ученик и продолжатель дела Владимира Ефимовича И.П.Бардин: «Содержащиеся в этих статьях В.Е. практические предложения по ряду вопросов отличны от тех организационных мероприятий, которые легли в основу перестройки работы высшей технической школы и научно-исследовательских институтов, однако эти статьи безусловно представляют интерес, как выражение оригинальных мыслей крупного ученого, одного из основоположников русской металлургической школы, вся деятельность которого была направлена на развитие отечественной промышленности»²⁴.

Идеи, аналогичные тем, что предлагал В.Е.Грум-Гржимайло, были востребованы позже и дали блестящие результаты.

Очень интересен опыт Физико-технического института, где после 3,5 лет обучения параллельно с теоретическими курсами идет серьезная научная работа в лабораториях НИИ (в основном, в институтах РАН). Эта система существует достаточно давно, в 50-е годы прошлого века в московском Физтехе преподавали крупнейшие ученые-ядерщики²⁵.

подготовке инженеров. 20 марта 1928 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.69. Д.639. Л.27, 55.

²³ Грум-Гржимайло В.Е. *Хочу быть полезным Родине. С.170, 171.*

²⁴ Грум-Гржимайло В.Е. *Собрание трудов. С.219.*

²⁵ См., напр.: Соловьев С. Система Физтеха // *Мировая энергетика. 2006. №6. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=16ade823-0e0f-4e32-8d91-9d4c7c58c5ba> (дата обращения: 05.09.2013).*

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Эрлих Сергей Ефроимович

кандидат исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета экологии и сервиса Саратовского государственного технического университета

Жванко Любовь Николаевна

доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета городского хозяйства им. Бекетова

Вебер Михаил Игоревич

младший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН

Захаров Евгений Сергеевич

аспирант МГУ им. Ломоносова, факультет государственного управления, кафедра политической истории, ведущий специалист РГАСПИ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation «Experimental
Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Erlich Sergey Efraimovich

Ph.D in history, Director of Publishing House «Nestor-History»
(St. Petersburg)

Degoiev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., historian, assistant Professor,
Associate Dean of faculty of environment and service,
Saratov State Technical University

Zhvanko Lubov' Nikolaevna

D. Sci., historian, Professor,
O.M.Beketov National University of Urban Economy in Kharkiv

Weber Mikhail Igorevich

Junior research fellow of Department of Political
and Sociocultural History, the Institute of History and Archaeology
of Ural branch of Russian Academy of Sciences

Mal'kov Victor Leonidovich

D. Sci., historian, Professor, Merited Science Worker of Russia,
Head of Scientific Centre of theoretical research of the Institute of
world history, Russian Academy of Sciences

Zakharov Evgenii Sergeevich

Postgraduate, Faculty of State Management, Chair of political history,
Moscow State University, leading specialist of Russian State Archive
of Social-Political History

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5

по всей России

журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской «Союз
женщин России»)
Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru

Журнал можно купить в редакции.

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru, bushueva@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

83496 - по каталогу Агентства «Роспечать»

Альтернативная подписка:

ООО «ИнтерПочта-2003»

тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

Для иностранных читателей

подписка проводится через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57

e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала

оформляется через Научную электронную библиотеку:

www.elibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2013.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 21.10.2013. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 1500 экз (13-д - 1000 экз.). Заказ №

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»–«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: (495) 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

5.2013 september-october

Theory and Practice of Political Games

Sergey Kurginyan

Concentration of Impudence: Criminal Capitalism
and the Russian Academy of Sciences Reform _ **6**

Labels and Myths

Sergey Erlich

The Chocolate Hare. The Intelligentsia's Pushkin-
Decembrist Myth at the Turn of Millennia ____ **28**

Vladimir Degoev

Sheikh-Mansour: A Glance through the Mist of Ages.
Reflections of a XXI Century Historian
(the end) _____ **58**

Russia in the World

Mikhail Kovalev

"During These Conferences We
Grew up in Our and Others' Eyes".
Cases from the History of the Russian Emigration's
Scientific Communication (1921–1930)
(the end) _____ **84**

